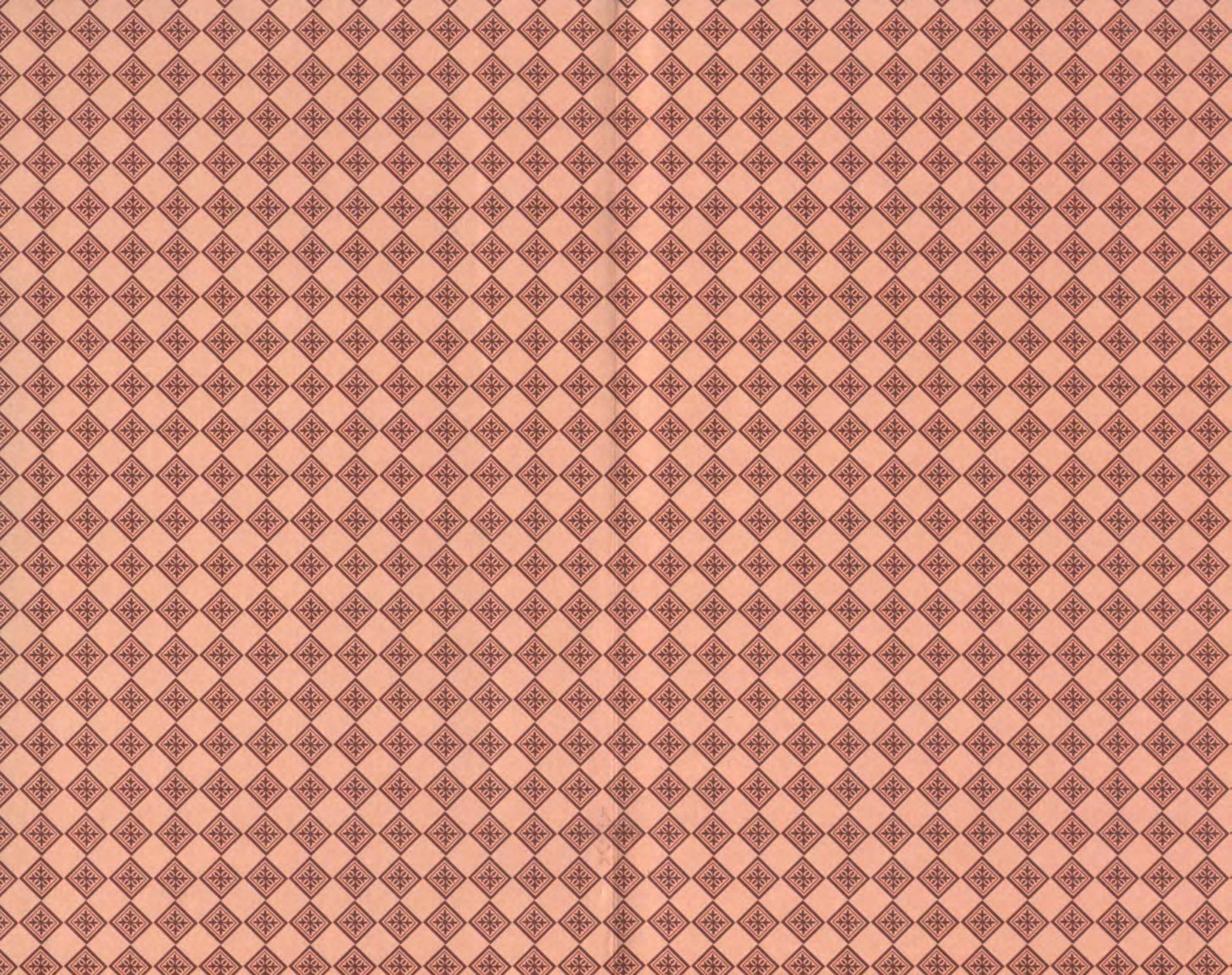

Москва. Купечество. Торговля. XV – начало XX века

МОСКВА

Купечество. Торговля.
XV – начало XX века

МОСКВА

Купечество. Торговля.

XV–начало XX века

Москва
Издательство «Крафт+»
2007

УДК 339-057(470-25)(091)
ББК 63.3(2-2Мос)-28+65.42-3(2-2Мос)
М 82

Печатается по изданиям:

П.П. Мельгунов. Очерки по истории русской торговли. М., 1898.

И.М. Кулишер. Торговля и купечество в Московском государстве по сообщениям иностранцев XVI–XVII столетий.

Московские городские ряды и Гостинный двор. М., 1900.

И.А. Слонов. Из жизни торговой Москвы. М., 1914.

Московское купеческое собрание. Исторический очерк. М., 1914.

Составитель А.Р. Андреев

М 82

Москва. Купечество. Торговля. XV – начало XX века /
[сост. Андреев А.Р.]. – Москва: Крафт+, 2007. – 192 с.: ил.
– ISBN 978-5-93675-102-8.

И. Андреев, А.Р., сост.

Агентство СІР РГБ

Предлагаемый сборник работ дореволюционных авторов посвящен истории купечества и торговли в Москве – явлений, без которых невозможно понять историю самого города. Книга адресована широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-93675-102-8

9 785936 751028

© Издательство «Крафт+», 2007

ТОРГОВЛЯ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ XV—XVII ВЕКОВ

Вторая половина XV, весь XVI и XVII века составляют так называемый московский период нашей истории вообще и истории торговли в особенности. Мы должны несколько остановиться на общих чертах этого московского периода, потому что сама торговля, имеющая свои особенности за этот период, обуславливается историческими его свойствами.

Во второй половине XV и в первой XVI века на востоке Европы происходит в существенных чертах тот же самый переворот, который происходил и на Западе. В Западной Европе в то время падают средневековые начала и являются новые. Главным образом эти новые начала заключаются в появлении правильного государства, в постепенном господстве идеи о государственной жизни. Государство появляется на западе Европы в форме монархии, потому что это была в данный момент единственная форма государства, могшая доставить настоящее единство, потребность в котором тогда сильно ощущалась в народе в противоположность средневековой разобщенности. Те условия, которые вызвали усиление монархии в Западной Европе, должны были вызвать явление государства и у нас, в России. Горький опыт должен был убедить Россию в том, что единство Руси есть необходимое условие для существования, для свободы народа. Иго татарское со всеми его тяжелыми последствиями было вызвано по преимуществу раздроблением русской земли, отсутствием общего центра. Теперь этот центр является, это — Москва; является также и лицо, в котором выражается это стремление к единству, это — царь. Таким образом, и у нас утверждается государство в форме монархии; и у нас, несмотря на известные недостатки и несимпатичные формы, в которых проявляется эта новая власть, государство составляет необходимую ступень исторического прогресса.

Конечно, государство и царская власть являются у нас совершенно самобытным и оригинальным началом. Тожественные условия вызывают тождественные явления, но русская жизнь не могла, естественно, представить условий, тождественных с западными; здесь могло быть сходство только в общих чертах. Наша монархическая власть развивается оригинально.

Рассматривая, однако, личность, значение и обстановку царя XVI и XVII веков, мы не можем не заметить, что самое понятие о царе, об его обстановке, образе его мыслей и взглядов обуславливается в значительной степени влиянием идей иноземных.

Если в Западной Европе государство и понятие о государстве разрабатывались в XV и XVI веках в значительной степени под влиянием возродившегося знакомства с античным миром, преимущественно с древнеримскими понятиями по тому предмету, то, следовательно, Европа на новых своих политических путях нуждалась в учителе, в помощи. У нас совершалось почти то же самое. Понятие о царе выработалось под влиянием византийским и татарским. Русь была тесно связана с Византией, и эта связь не прерывалась в самый тяжелый период ее существования. В 1453 году Византийской империи не стало, не стало, следовательно, того, кого мы привыкли называть царем, но князь московский женился на последней отрасли того рода, который носил императорскую корону в Константинополе. Много условий соединилось для того, чтобы московский князь мог считать себя законным преемником и наследником греческой монархии. Главное условие было то, что он один остался независимым представителем греческой православной веры, и сами греки невольно в московском князе вызывали мысль, что он — единственный столб и опора для православной империи. То обстоятельство, что этот князь женился на наследнице императорской короны, могло еще более узаконить эти права в его собственных глазах и в глазах его поданных, и греческих единоверцев. Брак Софьи Палеолог в этом отношении имеет действительное влияние и значение в русской истории; это чувствовали современники. Князь Курбский, представитель боярской оппозиции, недовольный тем превращением, которое совершилось в XVI веке, — князя в царя, — одно из своих посланий начинает так: «Презлыми жены чародеицы», и продолжает далее: «взошло зло в издревле добрый род российских князей», и именно Софье Палеолог приписывает он это превращение князя в царя. Мысль Курбского не стоит отдельно, это есть общая мысль всех бояр. Другой знаменитый представитель боярской оппозиции времен Василия III, Берсен-Беклемишев, в задушевной беседе с Максимом Греком говорил, что «именно эта греческая царица, Софья Фоминична, на наше нестроение пришла». Под нестроением бояре признавали введение новых порядков в нашу старину. Мы, конечно, не можем придавать преувеличенного значения какой-нибудь отдельной лич-

ности, потому что эта личность не создает идеи века. Поэтому мы не можем согласиться с мнением, которое весь переворот относит к известной иноземной личности, но, с другой стороны, так как индивидуального влияния нельзя отрицать в истории, мы не должны слишком умалять значение греческой царицы: как наследница короны она могла усилить влияние Византии и поддерживала в Иване III мысль, которая родилась еще до этого брака. Принимая на себя таким образом наследие Царь-Града, князь московский принимает на себя также и обычаи и обстановку византийской короны. Он должен ввести этикет, должен поставить себя выше, чем прежде стоял; словом, он должен обратить себя из князя в царя. Обстановка царей византийских в значительной степени вырабатывалась под влиянием Востока. Таким образом, если идея о власти приходила в Западную Европу из более чистых европейских источников, то к нам она являлась в значительно испорченной форме.

Восточное влияние у нас на Руси является не только через Византию, но и другим самостоятельным путем. Князь, превращаясь в царя, старается подражать бывшему византийскому императору, но его уже нет, сама Византия далека, но есть образцы более близкие. В XIV и XV веках слово «царь» для наших предков имело только один смысл: у нас был только один царь — это хан Золотой Орды. Естественно, когда князь сделался сам царем, он не мог не подчиниться тому влиянию, под гнетом которого выросли его предки. Хан татарский в свою очередь в своей обстановке, в понятии о своей власти руководствовался известными обычаями, издавна существовавшими на востоке, особенно в Персии. После этого нет ничего удивительного, что в этикете, обстановке, самом отношении царя к подданным сказалось в значительной степени воспоминание об этом азиатском влиянии, сказалось подражание тому, что продолжало делаться на востоке. Не говоря о том, что понятие о царе вырабатывалось под влиянием восточновизантийским, мы не должны забывать одного — самостоятельности нашего общего начала. Князь, превращаясь в царя, не переставал от этого быть князем, и его власть представляла тот оригинальный оттенок, который выработался самостоятельно в суздальской земле во время татарского периода: поэтому в царе нашем преобладал оттенок князя, в особе царя является помещичий колорит. Как прежде князь московский являлся вотчинником, помещиком своей земли, с таким же характером остается и наш царь. Помещичий характер московского царя проявляется

прежде всего в том, что все государство считается его вотчиною, собственностью. При неразвитом государственном порядке и на западе было то же самое: и там казна королевская и казна государственная смешивались в одно целое. Но у нас то же самое понятие вырабатывается еще проще, еще патриархальнее: царь есть законный владетель своей земли и всех его доходов. Если на западе Европы мысль о тождественности государя с государством достигла значительной степени, то у нас это было еще естественнее, и русский царь с большим нравом мог сказать известную фразу Людовика XIV: «L'état c'est moi» («Государство — это я!»). Там эта фраза отзывается какою-то поддельною искусственностью и вызвала известное оппозиционное впечатление и, во всяком случае, могла выражать собою только политическое отождествление государя с государством; у нас эта фраза не говорилась, но она чувствовалась и всеми сознавалась, и отождествление было гораздо естественнее, так как господствовало родовое, патриархальное представление о государе как «отце». Конечно, и у нас не все обошлось без борьбы, но эта борьба не имела того серьезного характера, как на западе.

Отношение царя к своим подданным вырабатывается почти так же, как отношение помещика к своим холопам, крестьянам. Это проявлялось в самой обрядной форме, и если в XVI веке все сословия, не исключая потомков когда-то независимых князей Рюриковичей, бьют челом, снимают шапки, когда входят на царский двор, и подписываются на челобитной к великому государю: «князишко, холопишко твой такой-то, челом бьет», то это была не форма, не один только внешний вид; здесь видно полное внутреннее сознание. Потому и самая столица, сама Москва, вырабатывается в форме усадьбы; правда, это была усадьба, вотчина такого помещика, у которого владений было больше многих европейских государей. Все государственные отношения вытекают совершенно из такого же понятия, которое определяется характеристикой царской власти московского периода.

Понятно, что появление государства вызвало у нас борьбу, — весь XVI и отчасти XVII век наполнились подобною борьбою, которая ведется в самой разнообразной форме. Эта борьба идет со стороны различных областей и волостей земли русской, которые привыкли к своему вечевому укладу, самостоятельной жизни и выказывали свою оппозицию против того объединения, того тягла, которое заставляла их тянуть Москва: Новгород, Псков, Рязань, Вятка и Казань. Можно сказать, что

русские города долго сохраняют предания о своей прежней самобытности. Борьба идет против государства со стороны тех людей, которые не свыклись с новыми порядками, например, со стороны беглых людей, холопов, которые прикреплены государством к земле, со стороны казаков, этих авантюристов, уходивших в степь точно так же, как это делали недовольные в Западной Европе; борьба идет со стороны боярства, точно так же в XVI и XVII веках на западе Европы мы встречаемся с восстанием рыцарей в Германии, с временами фронды во Франции. Боярство особенно сильно придерживается старины и боится изменить ей. «Та земля, которая пременяет свою старину и свои старые обычаи перестанавливает, и та земля не долго стоит», — высказывает боярское убеждение Берсен-Беклемишев. Боярство борется с Иоанном IV и в лице своего талантливого литератора, князя Курбского, высказывает свои идеи о прежних правах боярских в противоположность тем идеям, которые высказывал Иоанн IV: «мы на землю свою пришли царствовать самодержавно, с благословения Божьего, а не боярским изволением», «страна своими самодержцы управляется, а не боярским синклитом». Наконец наступает Смутное время, которое для нас, русских, явилось пробным камнем. Здесь должно было сказаться, в состоянии ли государство русское выдержать борьбу с этою массою противогосударственных элементов, здесь должно было сказаться, выдержит ли русское единство; составляет ли оно постоянную, историческую потребность или оно было случайным, временным явлением; удержится ли русская земля при тех государственных формах, которые она выработала. Нам уже известно, что русская земля с честью вышла из тяжелого испытания и показала, что она способна к исторической жизни. Национальное восстание земли русской очистило ее от внешних и внутренних врагов, и первым делом русских людей было собраться и восстановить ту форму, с которой они свыклись в XVI веке. Боярская оппозиция, как бы она ни восставала против того, что сделали цари, не сумела представить ничего лучшего, и всякий раз, когда боярство становилось во главе правления, оно показывало неспособность, точно так же как неспособным оказалось к этой роли феодальное дворянство в Западной Европе. Во Франции феодалы должны были преклониться перед волей Ришелье; у нас же боярство само должно было сознаться в необходимости восстановления государства, но в то же время жизнь доказала необходимость широкого совместного сотрудничества прави-

тельства и общества, — только при помощи народных представителей новая династия справилась в конце концов с задачей восстановления расшатанного порядка в эпоху «великой разрухи». Именно Смутное время доказало всю необходимость и потребность непосредственного участия народа в управлении, и московские государи обращаются к содействию населения и созывают народ на «всероссийское вече» — на земские соборы. Эту общую характеристику мы пока и ограничимся.

Переходя к специально занимающему нас предмету, мы должны заметить, что особенности характера торговли русской в описываемый нами период в значительной степени проистекают из сделанной исторической характеристики этого периода. Если царь русской земли есть ее владетель, считающий своими собственными ее средства, то в то же самое время он и выменивает свои произведения на другие иноземные, является торговцем. Один английский наблюдатель, знакомый с московским порядком, справедливо замечает, что царь русский есть первый купец своего государства.

Действительно, казна сама вела значительную торговлю: все лучшие товары доставлялись обыкновенно казне; царские чиновники имели право осматривать товары и лучшие из них за определенную или произвольную цену брали в казну для великого государя. Мы видим, следовательно, что здесь толчок и направление исходят из общего центра. Особенности полутатарского быта того времени могут объясняться особенностями нашей торговли за то время. Промышленность наша получила свой толчок опять-таки из этого общего центра. Точно так же, если бы мы вообразили себе господскую усадьбу и попытались представить, каким образом появляются там первые признаки мануфактурной промышленности, мы естественно пришли бы к заключению, что эта деятельность прежде всего удовлетворяет самого владельца усадьбы. Эта деятельность развивается из потребности помещика: из тканья полотна, пряжи и т.д. — одним словом, из выделки различных предметов, которые шли для самого владельца усадьбы. То же самое можно сказать о торговле и промышленности XVI века¹. Так как промышленность и торговля исходят из одного, общего центра, то нам, естественно, нужно приступить к этому центру. Этот центр есть,

¹ За этот период мы имеем обстоятельное и подробное изложение, именно сочинение Костомарова «Очерки торговли Московского государства в XV и XVI в».

очевидно, царская резиденция, это — Москва, торговое значение которой сильно возрастает в этот период. Действительно, Москва в буквальном смысле может назваться полным сосредоточием всей торговли и промышленности, это — сердце России: отсюда идут распоряжения, здесь живут все богатые купцы — одним словом, все сосредоточено в Москве. Отсюда идут все главные пути; все торговые законы и другие особенности этого периода выходят из Москвы, а потому мы прежде всего должны остановиться на Москве.

Как уже сказано, Москва в это время есть царская усадьба. Этот характер Москвы как царской усадьбы сохранился очень долго; память о нем хранится до нашего времени в различных местных названиях. В середине Москвы стоит двор (город) вотчинника — кремль; ближе к нему находились дворы и вотчины бояр и царских прислужников. Царская усадьба окружалась ближайшими потребностями этого вотчинника. Кругом усадьбы расположены слободы, где живут люди дворовые, назначение которых состояло в удовлетворении потребностей этого вотчинника. Названия этих слобод, сохранившиеся и до сих пор, наглядно показывают нам, как русская промышленность получила первый толчок от царского двора. Около усадьбы царской лежит большая слобода Басманная; здесь жили хлебники царские. Может быть, здесь были люди, которые занимались басменным, т.е. чеканным, делом (татарское *басмак* — чеканить, печатать, выбивать). Затем в числе слобод мы встречаем слободы: Поварскую (Поварская до сих пор окружена переулками: Ножовым, Столовым, Хлебниковыми, Скатертным и т.п.); Хамовники, где занимались хамовным делом, т.е. тканьем полотна для великого государя; слободы Кожевники, Гончарная и другие прямо указывают на то, что они были населены людьми, доставлявшими продукты во дворец. Около Москвы идет известный ряд селений, занимающихся отдельными промыслами. Если разыскивать начало этого промысла, то в большинстве случаев окажется, что оно берет начало в московском периоде и пристекает от потребностей двора. Ростовский уезд со своим огородничеством и плодоводством, Владимир с вишнями, Бронницкая Гжель с глиняной посудой — все это началось вследствие поставок ко двору великого князя-вотчинника. Таким же образом развивалась первоначально и торговля московская.

Делаясь центром, Москва притягивает массу народа и быстро разрастается в XVI и XVII столетиях. Иностранцы, посещав-

шие Россию, говорят нам о ее обширности и многолюдстве ее населения. При таком многолюдном населении Москва является нам городом замечательным по своему значительному торговому развитию. Не надо забывать одного, что русский народ, по отзывам иностранцев, народ, в высшей степени способный к торговле. Один иностранец рассказывает с нескрываемым изумлением, что один русский купец, бравший товар у него в долг, столько успевал сделать оборотов с этим товаром, что по прошествии некоторого времени отдавал ему тот же товар дешевле, чем покупал, и иностранцы говорили, что хоть вези товар назад в Амстердам — так дешево продавал русский купец эти товары. К этой способности присоединяется и любовь к торговле, которую отмечают у наших предков иностранцы, указывающие, что все русские люди без исключения занимаются торговлей. Действительно, сам царь был первым купцом, бояре торгуют также и не считают это занятие унижительным, что изумляло приходивших с запада людей, ибо у себя они привыкли к совершенно иному взгляду на торговлю и ремесло со стороны дворянства; монастыри также ведут торговлю, митрополиты и архиепископы тоже не пренебрегают ею¹. Эта способность и любовь к торговым занятиям в особенности выдвигают вперед Москву как торговый центр.

В XVI веке главная торговля сосредотачивается в Москве около царской усадьбы, в Китай-городе. Красная площадь является оживленным торговым рынком, на котором можно было найти все необходимое для удовлетворения наших потребностей. Кроме того, были и другие значительные рынки; был рынок рыбный, около Москвы-реки, где зимою лежали целые горы рыбы, большое значение имел конный рынок, на который приводили иногда до 30 и даже 40 тысяч голов татарских лошадей. Кроме того, по средам и пятницам на каждой сколько-нибудь значительной площади были базары, носившие, конечно, тот же характер сбыта сельских произведений, как и теперь.

В Москве было много иностранных купцов. Здесь были англичане, поляки, литовцы, шведы, персияне, армяне и мн. др. Торговля главным образом сосредотачивалась в нескольких гостиных дворах, из которых главных было восемь.

¹ В середине XVII века, однако, торговля уже сделалась преимуществом городского сословия, которое этим самым было выделено из других сословий Московского государства.

Следовательно, в этом отношении Москва далеко оставляла за собою число гостиных дворов в других городах. Центром торговли была Красная площадь. Ближе к Кремлю было два двора: Старый и Новый, основанные в 1662 году при Алексее Михайловиче, которые считались лучшими¹. Эти гостиные дворы в Москве строились по образцу восточных дворов и караван-сараяев, которые представляли то, что у нас теперь называется рядами, именно собрание лавок в одно целое и преимущественно торгующих одним и тем же товаром. В середине Нового двора, состоящего из нескольких рядов, сохранившихся до нашего времени, находилась непокрытая площадь, в середине которой помещались весы, необходимые при продаже оптом. Царские чиновники надзирали за торговлею и брали пошлины. Наконец здесь же собирались купцы для совещаний о своих делах; следовательно, это была биржа. Обычай собираться на воздухе, избегать особо назначенных для того зданий есть также восточный; двор с площадью посредине указывает нам на то, что это здание было выстроено по восточному образцу: здесь подражали восточным караван-сараям, хотя там они имели другое значение. Гостиные дворы были выстроены от государства, и лавки отдавались внайм от 10 до 25 руб. в год. Рядом с упомянутыми Старым и Новым гостинными дворами находился богатый двор Персидский, где торговали купцы восточные: персидские и арабские. Кроме этих дворов, были следующие: Шведский, который находился около Неглинной речки; Литовский; двор Армянский на Сретенке, в том месте, где теперь Армянский переулоч; Греческий на Никольской; двор Английский, который некоторое время был одним из богатейших московских гостиных дворов; он находился на Варварке, близ церкви Максима Иповедника.

Мы видим, таким образом, что гостиные дворы в Москве, разделяются по национальностям купцов; это деление указывает на то, что торговля сохранила в значительной степени свои прежние свойства: взаимное недоверие, желание иностранцев замкнуться, жить своею жизнью, чуждою русскому народу, и такое же отчуждение со стороны русских. Только нашему времени принадлежит честь уничтожения этих национальных преград в деле торговых сношений различных народов.

¹ Находившиеся на Красной площади гостиные дворы расположены были на том же самом месте, где теперь Старый и Новый гостиные дворы.

Надо заметить, что торговля рассматриваемого нами периода носит характер оптовой торговли, которая собственно и производилась из гостиных дворов; торговля же мелочная, торговля для потребителей сосредоточивалась обыкновенно в рядах, существовавших в Москве, помимо гостиных дворов и подворьев. Самое название «ряд» указывает на устройство этих мелочных лавок, которые все соединялись вместе в один ряд, под одну крышу по образцу гостиных дворов. Устройство этих рядов, заимствованное с востока, прямо указывает на азиатский способ торговли, совершенно противоположный европейскому, более индивидуальному¹. У нас ряды сохранились как остаток старины и даже как потребность соединения в ряды товаров одного рода, но гораздо дальше шло подобное соединение в Москве XV—XVI веков: даже мелкие ремесленники, как серебряных и золотых дел мастера, соединялись в один определенный ряд, вследствие этого рядов было бесчисленное множество. Здесь мы не будем перечислять их все, а заметим только самые главные: лоскутный, или ветошный, ряд, соединявший в себе несмотря на свое название всевозможные предметы для костюма; рыбный ряд на берегах Москвы-реки, в котором производилась огромная торговля рыбою (по словам иностранцев, здесь целые массы рыбы лежали на открытом воздухе), бывшей предметом первой необходимости при строгости постов того времени; охотный ряд, в котором продавались не только продукты охоты, но и всякая живность и прочие съестные припасы. Но кроме рядов, по свидетельству иностранцев, на площадях, обыкновенно по средам и пятницам, бывали еще рынки (по преимуществу близ Москвы-реки у пристаней, а зимой «на льду»), на которые свозились различные сельские продукты, изделия из дерева, глины и прочие нехитрые поделки. Такие рынки вследствие отсутствия мелочных лавочек и магазинов имели в то время большое значение, и на них закупались припасы на целую неделю и больше, а некоторые закупали даже на целый год и находили такую покупку более выгодною — в наше время на таких рынках, или базарах (татарское слово *базар* заменило русское *рынок*), так закупают только одни помещики, живущие далеко от города.

Из московских рынков того времени, на которых по преимуществу мы можем остановить наше внимание и которые

¹ Азиатский способ требует рядов, а европейский наоборот: лавка или магазин строятся отдельно и существуют сами по себе.

имели не столь узкое значение, как остальные, замечательны три: первый — Толкучий на Красной площади, второй — на Ивановской и третий — на Конной площади. Красная площадь имела центральное значение для Москвы, она была для нее почти то же, что форум для римлян. Здесь сосредоточивались главные акты общественной жизни; здесь с Лобного места читались царские указы; здесь стоял храм Василия Блаженного, который по своей причудливой архитектуре служил для всех русских предметом гордости; здесь совершал патриарх свое обычное шествие для освящения воды, здесь же происходило вербное шествие того же патриарха на ослати, когда царь вел под уздцы осла, на котором восседал патриарх; на этой же площади происходили суд и расправа, пытка, правезж¹; здесь же производилась торговая казнь, которая и получила свое название от того, что она производилась публично, на площади, на торгу. Об этой площади упоминает в своем сочинении Олеарий, знаменитый путешественник того времени (половина XVII века); он говорит, что на Красной площади всегда толпятся массы народа, между которыми ходят торговцы различными предметами¹. В самом кремле перед Чудовым монастырем и Ивановскою колокольнею, где теперь плац, находилась площадь Ивановская, имевшая оригинальное, самобытное значение: здесь происходил торг людьми, здесь можно было купить или продать «холопей» (здесь же продавались и пленники). Главными действующими лицами были дьяки и подьячие, расхаживавшие с пером за ухо по площади и громко предлагавшие свои услуги по составлению кабальных грамот, без которых купля или продажа не могла быть действительна. Дьяки очень громко предлагали свои услуги, отчего далее произошла пословица: «кричать во всю Ивановскую». На этой же площади, да еще на крестце на Никольской среди людей, предлагавших свои услуги, мы могли бы встретить и священников. Это были большею частью священники-бродяги, которые не имели своих приходов. Если, например, какой-нибудь боярин задумывал отслужить в своей домово́й церкви обедню, то он обыкновенно обращался к таким священникам и, вдоволь наторговавшись, нанимал какого-нибудь из них, а если торг начинал становиться очень упорным, то претендент, желая его поскорее окончить в свою пользу, брал в руки калач, заранее для этой цели приготовленный, и

¹ На большом рынке на Красной площади у церкви Василия Блаженного было особое место, где женщины продавали изделия своей домашней работы; здесь же вблизи находилось до 200 винных погребов.

угрожал словами: «сейчас закушу», — и нанимающий, убежденный таким важным доводом, так как священник, раз уже закусивший, не мог служить обедни, давал ему настоящую цену.

Третий рынок, находящийся на Конной площади, был, как показывает самое название площади, центром продажи лошадей. Конная торговля в Москве в то время была значительно развита вследствие потребности на войско, которое по преимуществу было конным. Лошади пригонялись степные, преимущественно от татар из степей ногайских, чем обуславливается само положение Конной площади, именно на той стороне, где шла ногайская дорога (за Серпуховской заставой). В известные определенные сроки на этой площади происходила ярмарка. Лошади пригонялись не одними только торговцами, но часто и татарские послы, приходя к нам на Русь, кроме цели посольской, имели в виду цели торговые и приводили иногда с собою на продажу огромное количество лошадей. Как велико было это количество, мы можем судить из дошедшего до нас известия о татарском после Коначуке, который, явившись к нам при Иване III, привел с собою для продажи 40 тысяч лошадей. Вообще же число продаваемых лошадей на этой площади в продолжение года было не менее 50 тысяч, а иногда даже и более¹.

Кто же торговал в этом городе с такою очевидно обширною торговлей? По свидетельству иностранцев, главным торговцем был сам царь московский. Действительно, имея в виду уже знакомое нам устройство Московского государства, исходившее из той идеи, что царь есть вотчинник и помещик — собственник всей земли, а все подданные его холопы, естественно было этому помещику заботиться об увеличении своих собственных доходов, а так как торговля в то время была главным источником этого увеличения, то она и сосредоточивалась в его руках и его «большой казны» (в царскую казну шло все лучшее, что привозили иностранцы, и купец, прибывший с заморским товаром в Москву, не имел права начать торговлю, пока не будет произведен выбор из его товара для царской казны), также поэтому правительство руководило торговлею, вмешивалось во все ее отправления и само вело ее. С нашей точки зрения, подобные вещи были бы весьма стеснительны, во многих случаях

¹ Среди крупных московских рынков можно отметить еще лесной рынок, где продавались, между прочим, готовые срубы — товар весьма ходкий в то время при частых и опустошительных пожарах в Москве; были также рынки хлебные, сенные и др.

это было даже и тогда, но в то время это казалось вполне естественным и было всем понятно. Вследствие такого взгляда на вещи многие предметы из статьи отпуска находились как монополия в руках царской казны, и такими товарами другие торговать не имели нрава. Это были товары заповедные или указные, т.е. такие, которые были поименованы в указе царском; они были весьма разнообразны, и часто с некоторых из них снималось запрещение, а на другие накладывалось между тем. Так, при Алексее Михайловиче такими заповедными товарами, продажа которых иностранцам принадлежала исключительно царской казне, были следующие: 1) пенька, 2) смола, или смольчуг, 3) юфть², 4) сало, 5) соболиные меха и некоторые другие (шелк). Вообще же к числу «заповедных» товаров принадлежали все те, которыми наиболее дорожили иноземцы, а так как спрос изменялся, то изменялись, как было уже выше замечено, и указные товары или, смотря по временам, становились то одни, то другие; например, к числу заповедных товаров со времен Бориса Годунова стало принадлежать вино: частная продажа его была запрещена, торговля им стала производиться в особо устроенных для этой цели царевых кабаках под наблюдением особых выборных присяжных людей, называвшихся целовальниками, должность которых исполнялась, конечно, безвозмездно¹. Продажа вина доставляла царской казне большие выгоды, и учреждение Бориса Годунова удержалось на долгое время; когда впоследствии оно было отменено, то все же питейные сборы составляли одну из самых значительных статей государственного дохода (например, в 1795 году, т.е. в конце царствования Екатерины II, питейный доход считался в 24 млн руб., т.е. составлял почти $\frac{1}{3}$ государственных доходов²).

К числу «заповедных» товаров, как было выше упомянуто, принадлежали меха, составлявшие одно из главных богатств государства Московского, как они его прежде составляли в Великом Новгороде. Меха заменяли собою во многих случаях

¹ Безвозмездная служба по казенной продаже вина под строгой имущественной ответственностью являлась одной из государственных повинностей, возложенных на торгово-промышленное сословие.

² Исключительно казенная торговля вином («кабаки на вере») держалась, впрочем, недолго, и правительство применяло большею частью смешанную систему взимания дохода с вина, а при Екатерине II казенная монополия была заменена системой откупов, отмененной в 1863 году, когда вместо нее введена была акцизная система. С 1894 года, однако, правительство вновь стало переходить к казенной продаже вина, распространившейся в настоящее время почти повсеместно.

монету и вообще служили меновою единицею. Благодаря открытию Сибири русским открылся новый, казалось, неисчерпаемый источник мехового богатства, начавший уже было истощаться в Европейской России. Правительство, хотя совсем и не запрещало частной торговли мехами, подвергало ее, однако, таким стеснениям, при которых едва ли она могла производиться успешно; так, купцы не имели права разъезжать по юртам и покупать меха у инородцев прежде сбора ясака (ясаком называлась подать, платимая инородцами натурою, преимущественно же мехом), и только когда ясак был собран, когда сборщики осмотрели всю пушнину, находящуюся в юртах инородцев, и выбрали самую лучшую, тогда только купцы могли покупать меха в юртах, а то могли их покупать в Сибири не иначе, как в гостиных дворах. Купец не имел также права пускать в продажу меха дороже 20 рублей за пару и 300 рублей за сотню, все же высшие сорта обязан был отдавать в казну, откуда ему выдавалась известная сумма, часто далеко ниже стоимости представленного товара. Все это делалось в тех видах, чтобы лучшие товары не ускользали от правительства, а сосредоточивались в его руках.

Правительство, как мы могли видеть, ради увеличения своих собственных доходов всячески стесняло отдельную деятельность частных лиц, оно не понимало, да, впрочем, и не могло еще понимать выгоды и пользы свободной торговли. Вообще это время было временем полного господства самого крайнего протекционизма, и если в Западной Европе запретительная система находилась еще в полной силе, то в России она была еще естественнее и проще при знакомом уже нам отношении государя-помещика к своим подданным — как к холопам.

Кроме этих указных товаров, были еще и такие, которыми не торговала и сама «большая казна», и торговля которыми, конечно, была запрещена и прочим торговцам: такому запрету подвергались, например, вывоз оружия и продажа его сибирским инородцам. Торговля некоторыми товарами, как, например, табаком, запрещалась еще потому, что считалась вредною и противною закону русскому и национальности, но несмотря на все запрещения торговля этими товарами весьма успешно производилась контрабандою. Так же строго был воспрещен вывоз и некоторых товаров в Западную Европу.

Следя за правильным ходом торговли и за сбором многочисленных пошлин, московское правительство издавало специальные торговые законы — большую часть, впрочем, по совету и

желанию лучших торговых людей Московского государства: таковы, по крайней мере, два известные нам торговые устава: первый 1655 года, а второй 1567 года.

Гостиные дворы и подворья были точно так же все правительственные; купец, явившийся в такой двор, должен был обратиться к правительственному чиновнику и вытребовать у него помещение как для товара, так и для самого себя, при чем был обязан внести известную плату. Плата эта называлась избною и полавочною; первая вносилась за избу, т.е. за помещение для самого купца, а вторая за лавку — за помещение для товара. Лавки в Старом гостинном дворе сдавались от 6 до 12 руб. в год, а в Новом плата доходила до 25 руб., так как последний был лучше устроен.

Пошлины за товар платились обыкновенно при его продаже; шли в царскую казну и собирались особыми выборными, называвшимися таможенными головами, которые при назначении на эту должность крест целовали в том, что добра государства они утаивать не будут и никакого лиха делать не станут. Пошлины эти были весьма разнообразны и стеснительны для туземных торговцев, между тем как иноземные гости пользовались правом беспошлинной торговли, впрочем, впоследствии такая привилегия была отнята у них, и они стали платить наравне с московскими гостями. Пошлина, которая, как мы уже заметили выше, взималась обыкновенно с продаваемого товара, равнялась 10 деньгам с рубля, т.е. 5%.

Весь свой лучший товар купец по требованию царского чиновника, составлявшего подробную опись и оценку товаров, должен был беспрекословно отдавать в царскую казну, поэтому-то купцы, как справедливо замечают иностранцы, страшно боялись этих чиновников, «дозорщиков», как они их называли, и при их приближении запрятывали, как только можно дальше, все свои лучшие товары.

Выше мы сказали, что первым торговцем в Московском государстве был сам царь московский; мы уже видели, как этот первый купец относился к торговле, как он ее эксплуатировал в свою пользу, нисколько не заботясь об интересах своих подданных, но, кроме этого главного купца, в Московском государстве того времени было много купцов второстепенных, т.е. настоящих, купцов, которые хотя и не разделялись на гильдии, как это было в Западной Европе, но тем не менее довольно резко различались между собою по своей торговой деятельности. Во-первых, это были гости; во-вторых,

собственно так называемые торговцы, разделившиеся в Москве на две сотни: гостиную и суконную; различие между этими разрядами основывалось на богатстве и на сумме торговых оборотов.

Гостями были купцы-капиталисты, купцы первостатейные, торговые обороты которых простирались от 20 до 100 тысяч рублей в год. Они пользовались значительными привилегиями, были приближены к царю, назначались в почетные должности, имели вес и значение в обществе, им давались хотя мелкие, но тем не менее важные преимущества, как, например, право курить свое собственное вино в известное время безвзымочно, т.е. беспошлинно. Остальные купцы были торговцами гостинной и суконной сотен. Почему существовало такое подразделение на сотни: гостиную и суконную, — сказать точно довольно трудно, по всей же вероятности оттого, что торговцы, составлявшие первую сотню, торговали первоначально в гостиных дворах, а суконная сотня образовалась из тех торговцев, которые прежде занимались исключительно продажей сукна, но впоследствии такое различие изгладилось, и уцелело лишь одно название в смысле подразделения.

Невольно представляется вопрос, как же велико было количество таких частей и торговцев. Ответить на это точно мы, по недостатку сведений, не можем, но, по всей вероятности, число это было весьма значительно; если же верить указаниям Котошихина, знаменитого эмигранта времен Алексея Михайловича, который говорит, что гостей человек с 30, а торговцев по 200 человек в сотне, то пришлось бы вывести такое заключение, что купцов было всего 430 человек, но такой вывод был бы неверен по двум причинам: во-первых, потому что кроме московских купцов было много купцов иногородних; во-вторых, число это не показывает настоящего количества купцов, а показывает только число купеческих семей, к которым причислялись и все родственники купца и даже его приказчики, хотя бы и самостоятельно торговавшие.

Низший разряд торговцев Московского государства состоял из посадских и черных сотен, которых было всего 10. Посадским людям соответствует наше теперешнее название мещан¹ и горожан. Черные сотни обыкновенно выбирали себе старшин, к которым присоединялись целовальники или присяжные, творившие суд и расправу и заведовавшие различными торговыми и промышленными сборами (по продаже вина, например),

¹ Слово *мещанин* произошло от польского слова *място*, что значит город.

раскладкой податей и т.д. Каждая сотня имела определенное место жительства, которое и называлось слободой. Некоторые из слобод имели определенное ремесло, это было нечто вроде наших фабрик, т.е. мест скученного производства, и находились в XVI и XVII столетиях в полукрепостном состоянии. Таких слобод в Москве в то время было очень много, и большая часть из них носила название того производства, которым жители ее занимались; так, мы встречаем слободы Басманную, Хамовники, в которых производилось хамовное, или полотняное, дело, Поварскую, в которой жили повара, и многие другие слободы. Чтобы иметь понятие о тогдашней слободе, можно взять за образец подмосковную замоскворецкую слободу Кадашеву. Слобода эта была приписана к мастерской палате государыни и состояла под ведомством так называемой Большой казны, куда отнесены были также и несколько других слобод; к слободе этой было приписано до 1000 жителей. Производство, которым занимались жители, было хамовное¹, т.е. полотняное. Для удобства работ сперва были выстроены палаты деревянные, но потом их заменили каменными. Обыкновенно на известную слободу давался определенный урок, т.е. определенная работа, которая так или иначе должна была выполняться в назначенное время. Работы производились не даром, обыкновенно за это платилось хлебное и денежное жалованье. Но при всем том положение жителей такой слободы было чрезвычайно тяжело, свобода их была во всем ограничена. Строгим указом было, например, запрещено жителям Хамовников выдавать замуж своих дочерей за инослободцев, и вообще браки вне слободы дозволялись не иначе, как по особому государеву указу. Выходить из слободы в другую было также строго запрещено, ибо каждая сторона должна была исполнять безнедоимочно свою повинность, тянуть свое тягло на великого государя. Всякое сословие в те времена тянуло свое тягло и тянуло исправно; все это были государевы разных чинов людишки и холопишки, которые все и группировались в исполнении разных обязанностей на своего помещика-государя².

¹ Наше слово *Хамовники* происходит от индийского слова *хаман*, которое означает известный сорт полотна.

² Выше мы уже говорили о безвозмездной службе по казенной продаже вина, являвшейся одной из государственных повинностей торгово-промышленного сословия. Все должности вообще отправлялись в Московском государстве безвозмездно, и только особая милость царская доставляла жалованье, или кормление, как оно тогда называлось,

Государство в то время было очень бедно и чрезвычайно нуждалось в деньгах, и эти деньги главным образом доставляло государству промышленное селение, на которое и были распространены налоги. Всякая, даже мелочная, торговля не могла производиться без тягла, т.е. не вписавшись в какую-нибудь слободу, а всякий, попавший в нее, не выходил из нее или выходил с невероятными затруднениями. Торговый устав 1667 года прямо говорит, что никто и нигде не имеет права торговать, не заплатив установленного тягла. Русские купцы, хотевшие торговать, обязывались платить по 10 алтын с рубля, а иностранцы должны были платить еще дороже. Всем слободским людям велись списки, но списки эти велись очень неточно, и их беспрестанно надо было поправлять, потому что много народа умирало от повальных болезней, в которых в России не было недостатка; многие жители просто убегали из слобод,

за отправление известных должностей; даже послы, назначаемые за границу, должны были ехать на свой собственный счет, причем за слушание, происходившее хотя бы даже по очень уважительным причинам, следовало жестокое наказание; так, нам известен подобный случай, когда один боярин, назначенный в иностранные послы и отказавшийся от этого назначения по недостатку средств, был наказан отобранием всего имущества и царскою опалю. Все русское общество без исключения должно было служить государству и было закрепощено на этой государственной службе, так как свободный выход из сословия воспрещался. Таким образом, в XVII веке образовались три обособленных сословия, различавшиеся между собой особыми правами и обязанностями. Военно-служилое сословие обязано было военной повинностью: каждый служилый человек должен был являться на службу вооруженными и на коне, привести с собой известное количество слуг и содержать их, получая небольшое жалованье — денежное и хлебное; за это служилые люди были освобождены от обязанности «нести тягло», т.е. уплачивать подати в казну и отбывать другие повинности, налагаемые государством, и получали право владеть землей и крестьянами. Торгово-промышленное сословие должно было отбывать городское тягло — платить ряд податей, и за это пользовалось правом владеть двором и лавками в городах и вести торговлю. На представителей богатого купечества — гостей — была возложена особого рода казенная служба — им был вверен сбор важнейших доходов государства: сбор таможенных и кабацких доходов, а также заведование чеканкой монет. Эта служба называлась «верною службою», и сборщики, отвечавшие перед правительством своим имуществом, получали некоторые привилегии, предоставленные служилому сословию. Наконец крестьяне должны были содержать обширное служилое сословие — царских слуг.

желая освободиться от тягла, «бредут твои, государевы, людишки из городов», и тогда великое горе было для тех, которые оставались в слободе, они должны были нести тягости невероятные, и главная тягость заключалась опять в тягле. Несмотря на то что люди постоянно выбывали из слободы, в списках этого не отмечали, а вследствие этого слобода, хотя и с меньшим количеством населения, должна была платить все те же подати, которые платила и прежде, что для незначительного класса было чрезвычайно обременительно. Эта тягость заставляла многих стараться избежать тягла, а для этого было только два средства: или записаться за какой-нибудь монастырь, или пойти в холопья. И то и другое было распространено в больших размерах.

Вот в каком положении находилась русская промышленность за рассматриваемые нами два столетия. Но торговцы русские, несмотря на невыгодные условия, несмотря на многие недостатки и лишения, которым они подвергались, во всяком случае являются необыкновенно предприимчивыми деятелями. При самых неблагоприятных условиях русские купцы не покидали торговлю, а вели ее и притом так искусно, что иностранцы удивлялись той ловкости, с которой они прикидывались иностранцами и выдавали свой товар за иностранный. Если в первое время только одна привычка заставляла купца быть хитрецом и обманщиком, как это в Азии существует и до сих пор, где обмануть на торгу ничего не стоит, то не нужно забывать при этом, что обманщиком был не один русский купец, а им был также и иностранец, который совершенно так же, как и русский, запрашивал втрое и вчетверо против настоящей цены, обмеривал и обвешивал также при всяком удобном случае. Таким образом, это явление не исключительное в русском купце, с такими же точно явлениями, пожалуй и в иной форме, мы встречаемся и в иностранцах.

Торговля русская за рассматриваемый нами период начинает принимать все большие и большие размеры, страна покрывается целой сетью торговых дорог (в одну Москву шло не менее 6 больших дорог), товарное обращение проникает в народные массы, и повсеместно, как это видно из актов того времени, появляются отдельные торжки и рынки; становится уже недостаточным для купцов торговать постоянно только в одном каком-нибудь месте, все более и более ощущается необходимость в периодических съездах торговцев в установленное время и в определенном месте; позднее такие съезды начинают

называться ярмарками, которые охватывают своими торговыми оборотами значительную территорию. Так произошли ярмарки Макарьевско-Нижегородская, Казанская и в Лампожне, в стране самоедов, главные товары которой заключались в северных мехах. На всех этих ярмарках мы остановимся более подробно впоследствии, когда будем говорить о произведениях этих местностей. Что касается до русской промышленности того времени, то та по большей части осталась такою же, какою была и до этого времени, и далеко отстала от Запада, который в этом отношении значительно ушел вперед.

В половине XV столетия русские, освободившись от татарского ига, вступили в более близкие сношения с Западом и должны были убедиться, что развитие народа западного стоит гораздо выше развития народа, выросшего в глухой, уединенной земле суздальской. На всяком шагу русским приходилось обращаться к Западу. Захочет ли царь улучшить свою обстановку, и он не в состоянии этого сделать без иноземной помощи, приходится заимствовать не только внешние формы этикета, но и малейшие его подробности. Начинается новый поворот русской истории. Реформа русская начинается со времен Иоанна III и идет таким образом до Петра и при нем уже выступает в жизни как необходимый результат всего предшествующего времени. В каком плохом состоянии находилось русское искусство в XV веке, лучше всего видно из постройки московского Успенского собора. Постройка собора сперва была поручена двум русским архитекторам: Кривцову и Мышкину, которые строили его уже 3 года и за это время успели вывести каменные стены на значительную высоту. Когда же Иоанн III для лучшего надзора за стройкой храма выписал итальянского архитектора Фиораванти, то этот последний нашел, что стены были сложены очень дурно, и признал необходимым разрушить стены, на постройку которых было потрачено целых три года. Понадобилось выстроить посольскую палату, и вот опять обращаются к иностранцу. В 1499 году признали, что царю непристойно жить в деревянных палатах, а надо выстроить каменный дворец, и мы видим, что и его строит не русский архитектор, а итальянец Алевиз Фрезин; Спасскую башню строит опять иностранец и т.д. Из всего этого видно, что русские люди были мастерами своего дела, когда нужно было воздвигать деревянные здания, и очень плохими знатоками в каменных работах, к которым были совершенно непривычны.

В военном деле русские люди также намного отстали от просвещенного Запада. С XIV столетия там уже является военная наука, появляются солдаты и вводится более или менее правильная организация войска, тогда как у нас, на Руси, все еще господствует старый восточный лад. Такие усовершенствования проникали и в то славянское государство, которое находилось в тесной связи с Западом — в Польшу, и только слабость поляков и энергия Московского государства были причиной того, что Московское государство производило завоевания. В 1535 году при нападении поляков на город Стардуб русские впервые познакомились с действием подкопов, и вот является опять надобность в пороховых (зеленых) мастерах и размыслах³, которыми опять являются иностранцы, а в 1552 году русские уже сами покоряют с помощью пороховых подкопов татарскую Казань. В 1491 году на Руси являются первые рудознаты Иоганн и Виктор, которые и начинают разведывать серебряную руду в Печорском крае, и вот на Руси впервые появляется свое собственное серебро. В 1492 году иностранец Дебос отливает знаменитую царь-пушку, а в XVII веке, в царствование Алексея Михайловича, начинают разыскивать в различных местах обширной России железную руду, и в его же царствование начинается постройка знаменитого Тульского оружейного завода для поставки ружей для русского войска. Такое заимствование от Запада не замедлило отозваться и в языке народа. У нас появляется множество совершенно иностранных слов, как-то: мушкетон, шпигц, алебарда, протазан и много других. Благодаря иностранцам у нас является знакомство с западной наукой, и, конечно, потребность в науке сказывается не в идеальном только, а и в чисто практическом виде, например, в медицине. Конечно, в первое время иноземным докторам приходилось на Руси очень плохо; к ним русский народ не имел почти доверия и мало уважал их, пример чего мы видим в докторе, который пользовал Ив. Ив. Молодого: он был убит за то, что не сумел вылечить больного. Другой пример мы встречаем в докторе, неудачно лечившем татарского царевича и впоследствии выданном головою его родственникам, которые, по словам летописца, его зарезали, как овцу. Но были и такие доктора, которые имели очень большое значение, например, Николай Люев, лейб-медик Василия III, против которого Максим Грек писал целые послания («На Николая-немчина и люторскую ересь») потому, очевидно, что опасался его религиозного влияния. Вместе с докторами, конечно, на Руси появ-

ляются и аптекари (первая аптека была устроена в 1581 году присланным английской королевой Елисаветой Джемсом Тренчеем). Вообще иностранное население на Руси быстро возрастает, и пред Москвою является целый иностранный город близ села Преображенского, в Немецкой слободе, в котором живут многие из именитых иностранных купцов, имевших в Москве большое значение, входивших в царскую комнату и служивших агентами и советниками по торговым делам с иностранцами, иногда даже дипломатическими агентами. Таково было, например, при Михаиле Федоровиче семейство Марселисов.

Таким образом, необходимость заставляет русских людей уже с XV века обращаться к иностранцам, и западноевропейское влияние все более и более упрочивается в XVI и XVII веках.

Естественно, что по мере сближения с культурным Западом расширяются и торговые сношения Московского государства; сосредоточием их делается Москва, потому что к ней, как к центру, сходились все торговые пути, которых было шесть: 1) путь Холмогорский, или Беломорский, 2) Балтийский, ведущий к Новгороду и Финскому побережью, 3) Литовский — на Смоленск, 4) Степной — в Украину, 5) Поволжский, 6) Сибирский, ведущий в глубь Сибири.

Прежде чем мы приступим к обозрению торговых путей русских XVI и XVII веков, предметов ввоза и вывоза того времени, скажем несколько слов о денежном деле того века, потому что оно может свидетельствовать о развитости торговых форм в известный период. При ближайшем взгляде на этот предмет мы увидим, что формы денежного дела на Руси XVI и XVII веков являются далеко неразвитыми. Денежный счет за рассматриваемый нами период велся на рубли, полтины и другие мелкие единицы, преимущественно на алтыны, перешедшие к нам с татарского слова «алты» (шесть), считали также и на деньги. Но несмотря на этот крупный счет у нас в то время чеканилась только серебряная монета, продолговато-овальная, неправильной формы, серебряные копейки или более округленные деньги; в меньшем количестве чеканилась медная монета такой же формы. Самая чеканка монеты является у нас в высшей степени неразвитой; она не сделала шага вперед, хотя число монет сравнительно с XIV и XV веками значительно увеличилось. В первое время чеканка монеты предоставляется частным лицам и мастерам (так, например, при Иоанне III Аристотель Фиораванти чеканил некоторые монеты своим клеймом («Aristoteles»)), и потому монета была в высшей степени разнообразна. Такое

разнообразие особенно чувствовалось при сравнении ходячей монеты в различных окраинах земли русской: так, например, монета новгородская стала резко отличаться от московской — обыкновенно новгородская монета ценилась вдвое дороже московской. В конце XVI и начале XVII века мы видим шаг вперед: для большей правильности чеканки монеты это право отнимается у частных лиц; в Москве заводятся государственные денежные дворы, благодаря чему монета является уже правительственная, но в таких же неправильных формах, так, например, продолжали чеканить только очень мелкую медную монету, которая носила название «пул»; эта монета была как бы остатком прежнего времени. Естественно, что такая монета по своей малой величине не могла служить для крупных сделок и расплат. Олеарий рассказывает нам, что московские купцы вместо кошелька употребляли свой рот, в него они клали мелкую монету и так привыкли к этому, что, имея во рту монету, могли свободно разговаривать; он прибавляет также, что благодаря тому, что русская монета была очень мелка, русские купцы очень ловко умели обсчитывать своих покупателей. Крупная серебряная и золотая монеты в XVI и XVII веках не чеканились, лишь в немногих случаях они употреблялись, но только не как денежные единицы, а как награда и медаль; так, например, до нашего времени сохранилась медаль («талер злат»), вычеканенная, как полагают, князем холмским, женившимся на великой княжне Федосии Ивановне, которой он и подарил эту медаль. Нам известно также, что цари в память счастливых походов дарили воеводам золотые или серебряные монеты.

Так как монета была свойства весьма разнообразного, то в счете серебро принималось большею частью на вес, а не по нарицательной цене; между тем потребности государства, потребности торговли усиливались, и монета была нужна. В самой же России серебро не добывалось, хотя и появлялись в России иностранцы-рудокопы, которые пытались открыть серебряные руды, но их поиски не увенчались успехом — серебряных руд в России не оказалось, за исключением разве очень немногих случаев¹. Таким образом, оставался единственный источник, из которого Россия могла добывать монету — этот источником было не что иное, как торговля с Западной Европой. Действительно, мы можем утверждать, что русские старались воспользоваться этим источником и вели с Западной Европой обшир-

¹ Добыча серебра в России началась лишь при Петре.

ные торговые сношения, что подтверждалось тем, что в XVII веке в России появляется очень много иностранной монеты, что, конечно, могло быть только результатом торговых сношений (на это указывает, между прочим, то обстоятельство, что ценность денег в течение XVI века понизилась в 1,5 раза). К нам привозились испанские дублоны, итальянские дукаты, а также английские и голландские золотые и серебряные монеты, более же всего у нас было в ходу немецких ефимков. Слово «ефимок» происходит от немецкого «Joahims Thal», точно так же как слово «Joahim» соответствует нашему Ефиму. Эта монета начала чеканиться в Чехии, в одной долине, откуда произошло и самое ее название.

Ценность иностранной монеты беспрестанно менялась, так что трудно определить с точностью ценность нашего тогдашнего рубля и ценность иностранной монеты, но, говоря вообще, можно сказать, что в XVI веке тогдашний рубль по весу своему равнялся 3 1/2 рублям нашего счета. Но чем более распространялась монета, тем более увеличивалась ценность серебра и падала ценность рубля, так что рубль в конце XVII века равнялся 1 1/4 рубля нашего современного счета. Ефимок был немного менее половины тогдашнего рубля и принимался в казну за различную цену. Со времен Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, когда появилась потребность в более крупной монете, ефимки стали переделывать в наш рубль, на чеканку которого шло два ефимка; благодаря такой операции государство пользовалось от каждого рубля алтыном, что составляло около 6%. Чеканка крупной монеты была вызвана необходимостью покрывать крупные военные расходы, так как в то время была война с Польшею. Потребность в монете все более и более усиливалась, поэтому впоследствии, именно с 1655 года, по трудности перечеканивать монету Алексей Михайлович приказал пускать в ход ефимки, не перечеканивая их. Ефимок оставался таким же, каким он был, только к нему прикладывались два клейма: одно — с изображением Георгия Победоносца и буквою «М», что значит Москва; другое клеймо, продолговатой формы, заключало в себе 1655 год; это первый известный пример употребления у нас арабских цифр. Но военные расходы все более и более увеличивались, так что не стало хватать и этой монеты несмотря на то, что в царской казне было много иностранной монеты; и вот тогда явилась мысль выпустить нечто вроде ассигнаций — мысль не новая, так как нам уже давно приходилось встречаться в иностранных

государствах с ассигнациями. У нас мысль о выпуске медной ассигнации принадлежит образованнейшему из бояр того времени — Федору Михайловичу Ртищеву; он посоветовал Алексею Михайловичу вместо серебряных денег выпускать деньги медные и обязать народ принимать эти деньги по равной ценности с серебряной монетой. Такая операция приносила громадные выгоды, и число денег значительно увеличивалось, почти удесятерилось, потому что на 160 денег, как говорят современники, шло медной монеты, которая стоила 100 рублей. В первый раз такие ассигнации были выпущены в 1658 году. В первое время эта попытка увенчалась полным успехом, и медные деньги пошли в обращение и принимались как серебряная монета. Но скоро такое благоприятное положение дел изменилось благодаря многим условиям. Главной причиной такого изменения было то, что правительство, находя такую операцию для себя чрезвычайно выгодною, бросилось выпускать медные деньги, а серебро и золото стало собирать в свою казну. Естественно, что это должно было обратить на себя внимание народа, который подозрительно стал смотреть на поступки правительства, вследствие чего доверие к медной монете стало ослабевать. Вторая причина была та, что медной монеты было уже выпущено чересчур много; к тому же количество этой монеты значительно увеличивалось выпуском фальшивой монеты, потому что подделать тогдашнюю медную монету при бесхарактерности ее чеканки было очень легко, а между тем такая подделка приносила громадные выгоды, потому что ее легко было пускать за серебряную. Подделывали также и серебряную монету, делая ее из свинца и олова. Напрасно правительство старалось употреблять все усилия, чтобы остановить наплыв фальшивой монеты. Уложение 1648 года Алексея Михайловича свидетельствует нам о строгих мерах, которые предпринимались против подделывателей монеты: «Которые денежные мастера учнут делать медные, или оловянные, или укладные деньги, или в денежное дело учнут прибавлять медь, или олово, или свинец, и тех денежных мастеров за такое дело казнит смертно, залити горло». Как видно из Уложения, казнь была мучительная: монетчику заливали горло расплавленным свинцом или оловом, но тем не менее соблазн для денежных мастеров был велик, и чеканщики фальшивой монеты не переводились, вследствие чего выпуск фальшивой монеты все более и более увеличивался; наконец явилось в обращение страшное количество, так что денежный рынок был переполнен фальшивой

монетой: в одной Москве ее явилось на 620 000 рублей, для того времени сумма очень значительная. Благодаря таким явлениям, нарицательная ценность медных копеек быстро падает; в 1663 году медная монета ходила уже в 15 раз дешевле монеты серебряной, и падение пошло бы еще дальше, если бы правительство не убедилось в неудачности такой попытки. Такая неудачная попытка отозвалась рядом банкротств и тяжелым коломенским бунтом, который, однако, был скоро прекращен, причем пострадало, по словам Котошихина⁴, около 15 000 человек. Все это показало правительству, что надо было отказаться от своей попытки; и вот был издан новый указ, по которому медная монета была изъята из обращения, а вместо нее выпускалась серебряная. После этого указа монета стала чеканиться по-старому. Так неудачно окончилась наша попытка XVII века ввести ассигнации; перемена денежной системы и ее устройство на европейский манер относятся уже к реформам Петра Великого.

Теперь обратимся к рассмотрению торговых путей, которые прозывали Московское государство. Главных путей, как мы уже видели, было шесть. Рассматривая значение этих торговых путей, мы должны прийти к заключению, что самым важным путем для нас был путь, соединявший нас с Западом, так как с конца XV века Русь поворачивается с Востока и тянется на Запад. Те два столетия, на которых мы остановились, есть время, когда собирается Московское государство и наконец решается перенести свою жизнь на Запад; естественно, что те пути, которые станут сблизять Россию с Западом, и будут ее главными, центральными путями. Таких путей могло быть три: во-первых, путь Балтийский, который вел из Москвы к морю Балтийскому через Новгород; другой путь вел сухим путем в землю Литовскую и, наконец, третий путь вел к Белому морю. С первого взгляда казалось бы, что самую важную роль должен был играть путь Балтийский, но на самом деле этого не вышло. Причины того, что выдвинулся вперед не тот путь, от которого мы вправе были ожидать этого на основании исторического знакомства с ним, главным образом заключались в условиях жизни XV и XVI веков. Мы видим, что Балтийский путь с XVI века перестает играть историческую роль; причины его падения в значительной степени основаны на том, что с этого времени самое Балтийское море теряет свое прежнее обширное значение и делается как бы внутренним, замкнутым; с другой стороны, Россия употребляет всевозможные усилия,

чтобы проникнуть к этому пути, но враждебные племена, к которым принадлежат ливонцы, с их глубокою ненавистью к русским, шведы и поляки, залегают этот путь и противодействуют всем движениям русских на запад; так, например, известна попытка Иоанна III выписать иностранных художников: художники, умельцы действительно были наняты, но ливонцы узнали об этом и не пропустили их в Россию. Несмотря на такие трудные препятствия, мы знаем, как ценили этот путь несколько позже современники, и тем не менее попытки Грозного пробраться к Балтийскому морю по этому пути остались также тщетными: ливонцы по-прежнему не пропускали в Россию ни умельцев, ни художников, вследствие чего с Ливонией начиналась борьба. Ливония вмешала в свою борьбу с Россией и Швецию, и Данию, и Польшу. Россия против таких усилий устоять не могла, она не только не добилась выхода в море Балтийское, но даже потеряла те немногие владения, которые она имела на этом море (города Ям, Ивангород и Копорье на побережье Финского залива).

Второй путь — Литовский, имел гораздо меньшее значение: он был мало посещаем. Но и этот неважный путь вследствие исторических условий, именно постоянной борьбы с Польшею, потерял для России всякое торговое значение. Оставался, таким образом, один только путь, самый неудобный, самый неестественный — путь Беломорский, но в конце XVI и начале XVII века исторические условия сделали его жизненным путем для Руси того времени. С первой половины XVII века мы замечаем другой поворот: враждебные столкновения начинают улаживаться, вследствие чего опять оживляется понемногу Балтийское море и русская торговля возвращается к давно знакомому и проторенному пути. Следовательно, во второй половине XVII века идет как будто бы приготовление к тому, что должно совершиться в XVIII веке, как будто бы предчувствовалось, что в 1703 году прорубится «окно в Европу».

За рассмотренный нами период мы должны прежде всего остановиться на том жизненном пути, который носил название Беломорского. Путь этот был открыт не нами, а иностранцами. Русские люди не могли и сделать этого открытия, потому что они жили слишком вглуби материка, вдали от моря — открытие Беломорского пути тесно связано с тем переворотом, который произошел в европейской торговле с открытием Америки.

Открытие Нового света дало толчок всем государствам Европы, оживило предприимчивость европейцев и возбудило в

них надежды на новые открытия; между тем Россия оставалась в то время вне этого движения и представлялась европейцам еще неведомой азиатской страной. Открытие России для Европы, а вместе с тем для нас Беломорского торгового пути, принадлежало англичанам. Открытие это произошло следующим образом. Когда до англичан достигли волны этого толчка и захватили их в свое движение, большинство открытий было уже сделано: Индостан был в руках португальцев, лучшие местности Америки по своей природе, богатству и климату были также в руках португальцев или испанцев, и англичанам оставалось делать открытая в более негостеприимных странах Северной Америки. Естественно, что эти открытая их не удовлетворяли, они стремились сделать что-нибудь более отважное. При таких условиях они стали присматриваться к тому морю Северному, которое омывало их берега. Географические понятия в то время значительно расширились, но далеко еще не установились, так что при первом взгляде на карту у английского моряка в половине XVIII века могла естественно родиться мысль, что в Индию и Китай можно проникнуть не одним только южным путем, а также и северным. Очертание Сибири в то время не было хорошо известно, она представлялась менее выдающеюся на север, и казалось, что северный путь во всяком случае более близок, чем путь, где приходилось огибать мыс Доброй Надежды. Надо заметить, что о Северном океане в то время не имели никакого понятия, но знали, что этот океан покрыт постоянными льдами и что пробраться через него или совершенно невозможно, а если и возможно — так с большими затруднениями и издержками. Как бы то ни было, но именно с целью открыть новый путь и завести торговые сношения с Индией по обычаю того времени в Лондоне составилось общество-компания. Так как средневековый дух отчужденности, корпорации и цехов еще не угас и продолжал носить на себе характер монополии, то естественно, что это общество вытребовало себе также известного рода привилегии. Общество назвало себя «Мистерией», т.е. тайной, потому что проект этого общества содержался, конечно, в тайне. Во главе этой общины стоял знаменитый английский мореплаватель того времени, тот самый, который открыл берега Новой Англии, — это был Себастьян Кабот. В следующем году была снаряжена экспедиция, которая состояла из 3 кораблей под начальством опытного моряка Виллоуби. Только сравнительно еще недавно открыты были следы этой экспедиции: Виллоуби со своим кораблем был за-

несен к Вайгачу и Колгуеву острову, где захвачен был снегами и замерз со всем своим экипажем. Несчастные обстоятельства для одного сделались, однако, счастьем для другого члена экспедиции: капитан Ченслер со своим кораблем вследствие бури был отбит от остальной экспедиции и занесен в так называемое «горло», т.е. узкую часть Белого моря; таким образом, буря прибила его к берегам русского государства. Правда, северный путь в Индию не был открыт, но зато была открыта страна, которая, по признанию самих англичан, сделалась источником английского богатства. У Ченслера была одна из грамот, розданных английским королем Эдуардом VI участникам экспедиции, в которых заключалось общее обращение к правителям с просьбою помогать его подданным, если им каким-либо образом придется попасть в их страну, и приглашение открыть им вольный торг всякими товарами; с этой грамотой местный русский воевода и отправил английского капитана к царю; это было в 1553 году.

Надо знать Иоанна IV, его наклонности и стремления, чтобы понять, как он должен был встретить этого судьбою посланного иностранного пришельца: Иоанн IV все силы употреблял на то, чтобы сблизиться с Западной Европой, но все-таки он не мог туда проникнуть ни через Литву, ни через Ливонию, и теперь, когда царь готов был прийти в отчаяние, сама судьба принесла к нему иноземцев, сближения с которыми он так жаждал. Иоанн обласкал Ченслера, сделал ему торжественный прием, и с этих пор завязались прямые сношения англичан с Россией. Здравый смысл подсказывал Ченслеру, что Россия может сделаться золотым дном для английского народа; он воротился в Англию и рассказал своим сообщникам о новом открытии. Для торговых сношений с Россией составилось целое общество, которое получило название Русского общества. Компания получила от своего правительства разрешение открывать новые страны, колонизировать их и торговать там. С этою привилегией явился к нам Ченслер и потребовал ее утверждения со стороны Иоанна Грозного. Привилегия, конечно, была подтверждена русским царем, и англичане получили льготную грамоту «на повольный торг всякими товарами»; это произошло в 1555 году, и с тех пор ежегодно стало приходиться к Северной Двине до 9 английских кораблей. Размер льгот, данных англичанам, свидетельствует о том, какое открытие, какая находка заключалась для Московского государства в этих новых пришельцах. Во-первых, англичане имели право беспопш-

линно покупать товары русские и для этого рассылать своих агентов по всей земле (для удобства они могли нанимать себе также и русских приказчиков); во-вторых, они имели право беспошлинно торговать; в-третьих, для удобства обработки сырых материалов англичане получили право строить фабрики; кроме того, они получили также позволение строить свои дворы, и сам царь подарил им собственный двор, находившийся в приходе Максима Исповедника (на Варварке): здесь начался знаменитый Английский двор, бывший самым главным и богатым в Москве очень долгое время. Помимо этого двора, англичане открыли и другие торговые склады в важнейших промышленных пунктах на том пути, по которому должны были идти английские товары: путь этот вел из Москвы к Белому морю по Северной Двине. Именно Беломорским путем обуславливается появление двух торговых пунктов: во-первых, неподалеку от устья Двины значительного поселения русского Холмогор, потом уже при самом устье Двины — Архангельска. Наконец был основан третий торговый пункт — Вологда, впоследствии получивший довольно важное значение по нагрузке, перегрузке и отправке товаров; из этого назначения Вологды видно, что отсюда начинался волок. Англичанам позволено было также строить дворы и в других городах, и они действительно воспользовались этим правом: в 8 городах русских, в том числе в Новгороде, Ярославле, Костроме, Устюге. Таким образом, англичане, пользуясь своею большою опытностью в активной торговле, фабричным превосходством и возможностью добывать товары западные, пользуясь тем, что они были открывателями, получили важные привилегии, и очень естественно, что они занялись эксплуатацией сил и средств этой страны; они старались держать русскую торговлю в своих руках и, следовательно, делали с Россией то же самое, что ганзейцы⁵ делали с ними в Лондоне.

Не довольствуясь одною Россией, англичане старались через Россию проникнуть и в другие страны: с этою целью, между прочим, англичанин Дженкинсон⁶ испросил у русского царя позволение пробраться в Шемаху, Персию и даже Китай. Конечно, надежды их оказались совершенно несбыточными, и экспедиция окончилась полной неудачей. После этой попытки англичане еще с большей энергией принялись эксплуатировать силы и средства русской страны.

Привилегии эти, вызванным необходимостью, обременительные для русского народа и чересчур неприятные для народной

гордости, не могли назваться нормальными, а потому они нарушались постоянно (с обеих сторон).

Русские купцы, естественно, видели в иностранцах, пользовавшихся привилегиями, своих самых опасных врагов и конкурентов, опиравшихся на покровительство московских властей, на беспощинную торговлю и, кроме того, на свойственное западноевропейским людям правильное и твердое общинное устройство. Англичане действовали компанией — дружно и единодушно, совершенно так же, как в былые времена ганзейцы, и английское правительство запрещало всякому другому англичанину без разрешения «Мистерии» отправляться в Белое море, потому что оно считалось монополией лондонской компании (по льготной грамоте Ивана Грозного 1557 года). Пользуясь всем этим, англичане продавали свои товары очень дорого, особенно частными купцам; даже в казну, несмотря на условие, отпускали товары не по заморской цене, т.е. по той, по какой они продавались в собственном их отечестве, а по значительно более высокой. С другой стороны, они старались покупать как можно дешевле товары русские, с этой целью англичане рассылали повсюду своих агентов, которые входили в прямые сношения с мелкими скупщиками и отбивали товар у русских оптовых торговцев.

Русские купцы часто пытались конкурировать с английскими, но все попытки их заканчивались очень неудачно. Они неоднократно привозили свои товары в Архангельск, но англичане сговаривались за товар, привозимый русским купцом, давать низкие цены, и, таким образом, последнему приходилось или продавать товары себе в убыток, или вести все назад. В то же время было чрезвычайно редким явлением, чтобы русский купец, не знавший языков, отправлялся за границу, тем более что как англичане, так и голландцы, которые впоследствии выдвигаются рядом с англичанами, для лучшей эксплуатации употребляли всевозможные средства, чтобы не пускать русских купцов за пределы своей земли, хотя еще в 1557 году за подданными московского царя было признано право свободной торговли во всем английском государстве с освобождением от уплаты сборов и провозных пошлин. Купцу легко было отправиться за море и вообще в Западную Европу лишь в том случае, когда он был в составе посольства, в противном случае ему трудно было даже найти корабль для далекого плавания.

Русские, самую природою отделенные от моря, не могли без особых усилий сделаться искусными мореплавателями. Су-

доходство в то время было весьма неразвито и особенно на далеком Белом море; суда строились небольшие, ограничивались тем, что ходили около берегов, промышляя ловлей; кораблей же удобных для далекого плавания вовсе не было. В народе и правительстве тогда еще не могло явиться сознание необходимости занести торговый флот, и если в наше время, при наших средствах и образовании Россия далеко еще не достигла в этом отношении видимых успехов, то естественно, что в XV и XVI веках не представлялось даже возможности существования торгового флота.

Несмотря на все препятствия русские купцы, как мы говорили выше, пытались тем не менее проникнуть за море. Нам известен случай подобного появления русского купца в Западной Европе: один московский торговый человек, ярославец Антон Лаптев, с целым кораблем товара явился в Амстердам; купцы этого города единодушно сговорились не покупать у него товара, и купцу пришлось ехать назад с нераспроданным товаром, потерпев громадные убытки и потратив даром много времени. Русские упрекали за это голландцев, но те прямо говорили им, что их цель — никак не допустить московских купцов до источников тех заморских чудес, которые они сами привозили в Московию.

Понятно, что это была система эксплуатации, которая производится всегда народом более развитым, подвижным и занимающимся морской торговлей — народа менее развитого, менее подвижного и ведущего сухопутную торговлю¹. Для русского народа нужны были громадные усилия, чтобы сбросить с себя это тяжкое иго, и мы увидим впоследствии, что русский народ успел совершить это.

Между русскими и англичанами начали происходить столкновения вследствие денежных дел: долгов, частных банкротств англичан и привилегий, щедро расточаемых им государями русскими. Иоанн Васильевич Грозный довел свое покровительство англичанам до крайности. Он крепко держался раз установленной политики, тем более что к этому присоединялись особые политические виды: у него являлась мысль о необходимости выехать из России. Известно, что в последние годы он, опасаясь крамол боярских, спрашивал у Елизаветы позволения поселиться в Англии, в случае если ему приведется уда-

¹ Подобной эксплуатации англичане долгое время подвергали Португалию и другие народы.

литься из родины, — вот почему он так дорожил Англией и давал ей такие выгодные привилегии¹. Когда он умер, то враги английских привилегий не без удовольствия узнали об этом, и один из них заметил: «ну, теперь умер английский царь!». Борис Годунов, продолжавший политику Иоанна IV, политику, опирающуюся на сближение с иностранцами, уже менее дорожил англичанами² и несколько стеснял их привилегии: например, он отнял у них право держать русских приказчиков под тем предлогом, что они употребляли их для политического шпионства, запретил рассылать закупщиков по городам, продавать в розницу, брать с собою чужие товары и т.д.

¹ Однако и Иоанн IV должен был уже ограничить некоторые привилегии англичан, злоупотреблявших своим исключительным монопольным положением и возбуждавших против себя тем самым слишком большое недовольство русских купцов: так, он ограничил число городов, в которых англичане могли торговать, и обязал их платить половину таможенной пошлины.

² Как только в Архангельске был открыт морской порт, наряду с англичанами стали появляться в нем и представители купечества других иностранных держав — преимущественно голландские и немецкие купцы, всегдашние конкуренты англичан в торговле. Явившись в то время, когда в устье Северной Двины уже прочно утвердились англичане, они, естественно, не могли соперничать первое время с англичанами: получив меньше льгот и привилегий, они часто даже принуждены были прибегать к посредничеству англичан при покупке русских товаров. Недовольные таким положением, они всеми средствами старались подорвать монопольную торговлю англичан; с этой целью они убеждали московское правительство в невыгодности торговли с англичанами, которые сбывают русским чужие товары и берут за них баснословные цены; они пытались также возобновить закрывшийся западный путь — провозить свои товары в Россию чрез Ревель, Ригу и Дерпт. В свою очередь ставили английской торговле препятствия и соседние с Россией державы из боязни политического усиления Московского государства: например, пытались задерживать проход в Белое море английских кораблей, дабы они не провозили в Московское государство оружия и военных припасов. Московское правительство, отдавая первенство англичанам, как пионерам в заморской торговле, начиная с Федора Иоанновича пытается, однако, оградить права торговцев и других наций: например, когда Елизавета Английская потребовала жалованной грамоты на исключительную торговлю в России для общества лондонских купцов, Федор отвечал: «пределы России открыты для вольной торговли всех народов, сухим путем и морем. К нам ездят купцы султанов, цесарские, испанские, немецкие, французские, литовские, персидские, бухарские, хивинские, шемахинские и многие

Все Смутное время у нас никакой торговой деятельности не могло производиться, а вслед за нашим Смутным временем начинается смутное время в Англии и борьба короля с парламентом, которая тоже должна была мешать известным образом торговле. Но как только русское государство после испытания стало поправляться, у него явилось еще большее желание освободиться от английской опеки.

Мы видим, что отношения эксплуатируемых к эксплуататорам определяются все более и более. В 1642 году, при Михаиле Федоровиче, во время знаменитого Земского собора русские купцы в своем мнении, поданном царю и Думе, прямо выясняют свой взгляд на это отношение; они говорили, что совсем обнищали и что их привилегии ничего не значат пред теми, которыми пользуются гости иностранные: кизильбашские (т.е. персидские), немецкие и английские; иностранцы, по их словам, «оголодали» русскую землю. Через 4 года русские купцы вновь подают челобитную царю; они жалуются на то, что иноземные купцы не исполняют своих обязательств: торговать у Архангельска и в городах Московского государства дозволено было лишь 23 англичанам, а их стало приезжать 60—70 и больше; русские купцы, желая сделаться исключительными посредниками между иностранными торговцами и русскими производителями и потребителями, жалуются на иностранцев, которые не обменивают своих товаров на русские в Архангельске, а непосредственно развозят их по государству, искусственно поднимая цену на заморские товары и роняя ее на русский товар, который они непосредственно скупают у мелких торгашей и увозят беспощинно в свои земли. Русское купечество мечтает о том, чтобы выпроводить иноземных торговцев из внутренних городов России, уничтожить их конторы и вообще «загородить накрепко дыру», проделанную ими в русскую землю. Результат этого настроения купеческого сословия сказался очень скоро: именно в царствование Алексея Михайловича в правительстве

другие, так что можем обойтись и без англичан и, в угодность им, не затворим дорог в свою землю». При Борисе в 1603 г. Ганзе дается специальная жалованная грамота на торговлю в Архангельске, и через год сюда приходят гамбургские корабли. Датчане и голландцы при Михаиле Федоровиче делаются опасными конкурентами англичан и ненавистными их врагами; конкурируют с англичанами в Архангельске более или менее успешно бременцы, любчане, гамбургцы, французы, немцы и норвежцы.

является убеждение, что такие привилегии теперь опасны и вредны и что их надо отнять. Недоставало только благовидного предлога.

В 1649 году Английская революция окончилась смертью на эшафоте короля Карла I, и так как Россия была представительницей неограниченного монархического правления, то правительство воспользовалось этим удобным случаем, чтобы прервать сношения с Английской республикой. Англичане в том же году были лишены своих привилегий под тем предлогом, что «они великое злое дело учинили: доброго короля своего Карлуса до смерти убили». Англичанам после этого хотя и было дозволено торговать, но уже не в тех обширных размерах, как это было прежде. Они имели право посещать только один Архангельск (во внутренние города они имели право ездить лишь по особым государевым грамотам, со взысканием особых дополнительных сборов); торговать и оптом и в розницу они не имели права: им была предоставлена одна только оптовая продажа как в казну, так и в частные руки. Таким образом, у иностранцев отняли возможность конкурировать с русскими купцами во внутренней деятельности. Торговые уставы, издававшиеся один за другим, показали, что правительство Алексея Михайловича действительно заботилось о развитии национальной торговой деятельности. По таможенному уставу при продаже и покупке на иностранных гостей налагалась пошлина, значительно превышавшая пошлину, платимую русскими купцами, и сверх того постоянно возрастающая. Так, по уставу 1653 года иноземцы должны были платить 12 денег пошлин, т.е. 6%, а устав 1667 года еще более увеличивает эту пошлину — до 20 денег, т.е. до 10%; кроме этой таможенной пошрины, присоединялись еще и некоторые другие: например, если купец не распродал своего товара и увозил его обратно, то он платил еще отъездную пошлину. Таким образом, зависимость западноевропейских эксплуататоров в главных чертах была сброшена уже в половине XVII столетия, т.е. менее чем через 100 лет после ее начала. От иностранных посредников заморская торговля постепенно переходит в руки «гостей», т.е. богатых русских капиталистов-скупщиков; для правильного ведения дела начинают составляться даже специальные торговые книги, нечто вроде современных биржевых бюллетеней, где сообщаются сведения о рыночных ценах в Москве, о стоимости провоза товара до Архангельска и о существующих за границей ценах.

В XVII столетии выдвигается путь западный, и торговля как будто снова вступает на прежние пути своего движения.

Снова выдвигаются Новгород, делающийся главным центром торговли металлическими товарами, доставляемыми шведами, и Псков, который становится главным сосредоточением торговли льном и пенькою, доставляемых из придвинских и приднепровских стран для отправки в Германию и другие города.

Ганзейские, немецкие, датские и голландские суда начинают появляться у берегов Финского залива. В этой торговле русским мешало то обстоятельство, что, с одной стороны, Ливония, принадлежавшая Польше, с другой — Швеция отрезали путь к морю, но с половины XVII столетия эти местности начинают снова оживляться, и путь Балтийский приобретает значение, как будто предсказывая будущее направление заграничной русской торговли.

Путь Беломорский за описываемый период, более часто посещаемый купцами, остаётся, однако, важнейшим торговым путем, а потому мы должны более всего остановиться на нем.

Несмотря на все неблагоприятные условия нашей беломорской торговли, результатом ее было необыкновенное оживление всего Белого моря. Мы можем сказать, несколько не преувеличивая, что оно было в то время гораздо более населено и представляло в XVI и XVII веках более оживленный вид и более кипучую торговую деятельность, чем в наше время; северный край России быстро выдвигается вперед, получает новое, не виданное до сих пор торговое значение и с прекращением торговли с англичанами так же быстро падает, как быстро поднялся.

Города обширного севера, теперь большею частью представляющие лишь незначительные местности, в XVI и XVII веках, особенно в первой половине XVII, были важнейшими торговыми и промышленными центрами России — и этим они были обязаны торговле с иностранцами.

Главный путь английский, как мы говорили, определялся теми пунктами, из которых исходила и где оканчивалась эта торговля, т.е. устьем Северной Двины и Москвою. Главным пунктом у устья был город Холмогоры, теперь незначительный, тогда же, в XVI веке, игравший большую роль.

Прежде товары английские привозились в Холмогоры, впоследствии удобства заставили перенести торговлю поближе к морю, в Архангельск. Тут, у устья Двины, находился бедный малоизвестный архангельский монастырь, около которого была

устроена корабельная пристань. В 1584 году монастырь был обнесен стеною; за стеною выстраиваются здания для купцов и чиновников царских, вокруг монастыря начинают поселяться, и мало-помалу является целый город Архангельск, который делается сосредоточием заморской торговли. Торговля шла из различных местностей, и товары большей частью все попадали в руки английских агентов, которые по поручению своей компании разъезжали повсюду и скупали их. Благодаря этому торговому движению около Архангельска и по всему Северу возникает ряд городов, которые теперь не имеют никакого значения, но в то время играли большую роль, как, например: Яренск, Усть-Сысольск, Устюг Великий, Тотьма, Белоозеро и многие другие, которые вели посредническую торговую деятельность. Главным деятелем по отправлению и доставке товаров остается Москва, купцы которой рассылают своих приказчиков, те скупают товары и везут их в Архангельск.

Торговый путь сначала шел посуху; там, где начиналась Северная Двина, он заменялся водным — более удобным и более дешевым. Водный путь и теперь не потерял своего значения, потому что он и теперь остается хотя медленным, но зато самым дешевым путем. Естественно, что в том месте, где сухопутный путь сменялся на водный, должен был возникнуть важный торговый пункт. В то время от Москвы до Северной Двины был только один правильный почтовый путь — ямской¹, на нем было 14 ямов, или станций, и через них товары приходили в этот важный торговый пункт, развившийся на Северной Двине. Это был город Вологда. В XV веке, когда только началась торговля, он не имел значения, и бывшие там иностранцы отзывались о нем как о бедном и незначительном городе, но в половине XVII века он быстро развивается благодаря своему выгод-

¹ Инициатива устройства правильных почтовых сношений принадлежит также иностранным торговцам. Первоначально ямские учреждения служили исключительно потребностям государства, т.е. для административных сношений, и ими пользовались лишь по мере надобности. Частные лица не могли пользоваться казенными «ямами», и московское правительство отказывало в этом даже английским купцам несмотря на их многочисленные просьбы в XVI веке. Только при Алексее Михайловиче (в 1663 году) удалось добиться устройства специальной «купеческой» почты, причем иностранцы сами должны были организовать и заведовать ею, независимо от Ямского приказа, наблюдавшего за казенными «ямами».

ному положению на оживленном торговом пути между Москвою и Архангельском. В старинных известиях говорится, что «Вологда разукрасилась», множество церквей свидетельствует о благосостоянии жителей, и вологодское купечество играет весьма важную посредническую роль между московскими и архангельскими, а следовательно, и английскими купцами. В Вологду обыкновенно сходились товары из разных мест: как из Москвы, так и из других городов. Здесь товары в течение зимы хранились в особо устроенных для того складах.

С весны начиналось оживленное плавание по Северной Двине, и на реке можно было видеть массу самых разнообразных судов: посады, струги и, наконец, самые большие суда — дощаники. Суда эти были как русские, так и иностранные; когда англичанам было дозволено торговать внутри государства и отправлять повсюду свои товары, несколько десятков их дощаников плавало по Двине, они имели даже привилегию рубить в некоторых местах лес для постройки судов.

Движение происходило кабестанным (см. прим. на с. 59) способом или более простым и естественным: бурлаки тянули суда бечевою (ляжкой), и бурлацкая песня в то время чаще слышалась по Двине, чем по Волге в настоящее время. С ранней весною караваны судов с товарами отправлялись в Архангельск; но плавание было медленное, и товары редко приходили в Архангельск ранее половины лета, а иногда и к концу его. К тому же времени (к августу месяцу) прибывали английские корабли с заморскими товарами. Торговля Архангельска XVII века носит ярмарочный характер и весьма напоминает ярмарочную нижегородскую торговлю. Нижегородская ярмарка начинается в августе месяце, и ярмарочные сроки, назначаемые правительством, не удовлетворяют нуждам торговцев. То же самое можно сказать об Архангельске, где товары как с одной, так и с другой стороны являлись очень поздно, так что времени, назначаемого правительством (официально ярмарка начиналась в июне и оканчивалась 1 сентября), было недостаточно для сбыта и обмена товаров, и потому дозволена была распродажа товаров, которая продолжалась вплоть до поздней осени; точно так же и в Нижнем Новгороде торговля начинается, равно как и заканчивается, позднее официальных сроков.

Торговля заморских купцов обыкновенно производилась при следующих условиях.

Корабли коммерческие сопровождались кораблями военными, так как морские пути были небезопасны; военные корабли

не имели права входить в устье Двинское. Для избежания контрабанды и вообще обмана и злоупотреблений со стороны иноземцев русское правительство устраивало в устье укрепление, где помещалась сторожка с отрядом стрельцов для осмотра кораблей. Стрелецкий голова или доверенное его лицо должен был отправляться для осмотра товара. Капитан корабля обязан был подавать о своих товарах записку, или память (как она называлась в то время); с памяти снималась копия, и стрелецкий голова препровождал ее к таможенному чиновнику. Затем корабль мог подойти к пристани, где для более подробного осмотра товаров являлся таможенный чиновник и к нему на помощь гости, преимущественно московской гостиной и суконной сотен, смотреть, чтобы в числе товаров не было товаров «заповедных», чтоб иностранцы не привозили табак и не вывозили из России «зелья» (пороха), селитры — вообще, всего, что нужно было для нас самих. Русские купцы были обязаны законом собирать известную пошлину, взвешивая или взмеривая товар или приблизительно определяя его по глазомеру; также они обязаны были наблюдать за порядком торговли, чтобы не было свар. Наконец всем товарам, привезенным и проданным, должны были вести торговую запись, которая по окончании торговли посылалась в Москву в приказ, где она и проверялась; с 1667 года на иностранные товары стали накладывать своего рода фабричное клеймо, дабы предотвратить сбыт дурных товаров и их подделку.

Для того чтобы не было никакого сопротивления распоряжениям купцов, под их властью постоянно находился сильный отряд стрельцов (ярмарочная полиция). Иностранный корабль, подъезжая к пристани, осматривался снова стрелецким головою и его помощником, и все товары, которые оказывались лишними по записи, конфисковывались.

Продажа производилась различным образом: иногда русские купцы являлись на корабль, и торг производился тут же — на палубе, иногда же товары выгружались на берег и там продавались.

Так как русским купцам нужны были товары заморские и вместе с тем деньги, так как общей единицы у англичан и русских не было, то естественно, что торговля получала больше характер мены товаров на товар. Меновой характер торговли значительно содействовал тому, что товары могли доставаться за дешевую и выгодную для обеих сторон цену.

Это все была торговля официальная¹, но в Архангельске велась также в обширных размерах еще торговля закусная, беспошлинная (контрабандная), производившаяся тайком. Архангельские купцы ночью в своих лодках подъезжали к английским кораблям и покупали разные товары по более дешевой цене и без пошлины; иной раз они покупали даже и «заповедные» товары, как, например, «мерзкое зелье еже есть табак».

В существенных чертах своих товары, вывозимые из Руси и получаемые Русью, и в этот период нашей торговли не могли изменить и не изменили своего характера: такое же обилие сырых произведений при несостоятельности и неразвитости русской промышленной деятельности встречаем мы на русской стороне, такое же обилие продуктов обработанных, обделанных, вообще мануфактурных — со стороны иностранцев. Мы видим, таким образом, как трудно и тяжело идет это развитие вперед, как страна благодаря своему невыгодному положению, своей суровой природе и малонаселенности не может выйти из первых ступеней общественной деятельности и лишь постепенно, очень медленными шагами усваивает себе дальнейшие ступени прогресса. Сравнивая период, нами теперь рассматриваемый — период московский, с периодом предыдущим — татарскими, мы заметим, что Восток еще не теряет для нас своего значения: восточные товары во многих случаях являются преобладающими, а вместе с восточными товарами восточные вкусы, восточные обычаи, хотя, с другой стороны, с каждым годом чувствуется все более и более естественное тяготение к Западной Европе, чувствуется сознание себя европейцами или по крайней мере сознание своего известного родства с западными европейцами.

Товары, которые англичане добывали в России и которые имели для них существенно важное значение, заключались, как мы уже сказали, главным образом в массу сырых произведений пашен северо-восточной страны и преимущественно в мехах, вывозившихся ими в громадном количестве, тем более что страна, их доставлявшая, оказывалась совершенно неистощимой в этом отношении. Однако чем более распространялась цивилизация в этом заброшенном углу Европы, чем более че-

¹ В половине XVII века правительство собирало до 75 000 руб. таможенного сбора; так как высшая пошлина была 10%, то из этого следует, что в Архангельске (единственный морской порт в то время) ежегодно обращалось товаров не менее чем на 750 000 руб.

ловец русский проникал с юга на север, тем более исчезали перед ним непроходимые леса и дремучие боры, которыми когда-то был покрыт весь северо-восток русский; чем более добывалось земли для обрабатывания и земледелия, тем, конечно, все более и более исчезали перед русскими, как исчезают теперь краснокожие перед американцами или индусы перед английским племенем, различные финские племена, вместе с которыми исчезает и пушное четвероногое население из этих местностей. Хотя еще и в XVII веке мы встречаемся с добычею бобров и выдр под самой Москвою, но уже этот промысел составляет слабый, доживавший свой век остаток старины; пушное богатство начинает слабеть даже на севере, где было прежде такое обилие зверя, что существовало поверье, что в этих местностях звери падали с облаков и разбегались по земле: тут и предприимчивый новгородец успел наложить свою руку, здесь побывал уже и московский купец, однако меха, этот главный предмет отпуски, по-прежнему еще вывозились за границу в огромном количестве.

Какая же причина могла поддержать и даже, пожалуй, увеличить добычу пушных зверей и торговлю ими, когда, как мы уже выше сказали, пушное богатство начинало было истощаться в России в XV и XVI столетиях? Причина эта заключалась в открытии в конце XVI века нового источника этого богатства.

Если в начале XVI века Западная Европа разыскала себе место для выселения своих негосударственных людей — своих казаков, разыскала свое золотое дно, которое манило и своим неисчерпаемым богатством, и своею первобытною природою, и своею исполненною всевозможных приключений, затейливою жизнью, то у нас открылось такое же золотое дно, и открылось оно такими же авантюристами, как и на западе, — казаками. Речь идет о Сибири или, лучше сказать, о той неведомой стране, которая лежала за Каменным поясом и которая не имела даже общего названия, так как под именем Сибири была известна только некоторая часть этой страны, и только позднее она сделалась известною под этим именем: название части было перенесено на целое. Здесь не место говорить о том, как совершалась колонизация Сибири, как велась упорная борьба с инородцами, сопровождавшаяся со стороны казаков изумительными подвигами личной предприимчивости и неукротимой энергии, нисколько не уступающими подвигам западных выходцев, о том, как предприимчивые авантюристы добрались вплоть до Великого океана, — для нас важно одно, что

Сибирь, которая до сих пор еще так мало заселена, до сих пор во многих местах представляет нетронутые природные богатства, в те времена могла представляться неистощимым запасом произведений северной природы. Главное, что манило русских людей, что заставляло их идти все далее вглубь страны и «все новые и новые земли добывать великому государю», — было богатство меховое. Здесь первые русские выходцы могли добывать себе за самые ничтожные продукты нашей неразвитой промышленности богатство необыкновенное, неслыханное, потому что инородцы гораздо более дорожили зауральскими произведениями европейской жизни, чем своими ценными мехами. Сравнительно еще не так давно бывали случаи, что инородцы за такие вещи, как, например, топор, давали столько своих дорогих соболиных мехов, сколько собольих шкурок пролезало в отверстие топорщика (что вообще показывает, в каком младенческом состоянии находилась торговля, если употреблялся такой несовершенный способ мены). Так как московское правительство в то время отождествляло себя известным образом с государством, и царь смотрел на все эти «новые земли» как на свое собственное поместье, то естественно было, что и добыча мехов была поставлена под непосредственный правительственный надзор и что торговля ими, представлявшая для московского правительства один из главных источников обогащения, была подвержена большим стеснениям, чем торговля какими-нибудь другими предметами; так, мы знаем, что московские купцы не имели права покупать меха у инородцев прежде сбора ясака, который обыкновенно выплачивался натурою и преимущественно же мехами, и только когда правительственные сборщики осмотрели всю пушнину, находящуюся у инородцев, и отобрали самые лучшие товары в казну государеву, тогда только эти последние могли продавать остальную добычу московским гостям, а чтобы не было никакого обмана со стороны инородцев, которые могли бы утаивать от сборщиков самые дорогие меха, и так как вообще было весьма трудно, даже почти невозможно усмотреть за правильной продажей мехов в юртах, то купцам совсем запрещалось ездить по юртам и там выменивать меха, а дозволялось покупать только те, которые привозились инородцами на базар в город. Без всякого сомнения, значительная часть этих постановлений не исполнялась, и для московских гостей торговля с Сибирью несмотря на все стеснения была очень выгодна и прибыльна.

Алтайские горы с их богатыми золотыми россыпями были открыты и стали разрабатываться только в позднейшее время.

При той бедности в благородных металлах, которая наблюдалась в Московском государстве, происходившей отчасти и от неумения их обработки, отчасти и от недостатка в самих металлах, хозяйство наше оставалось не столько денежным, сколько натуральным; вследствие такого порядка вещей, происходившего, как мы уже сказали, от недостатка в деньгах как меновых единицах нужно было найти какой-нибудь другой предмет, могущий с успехом заменить собою всеобщую меновую единицу. Такою меновою единицею в XVI и XVII веках являются у нас меха, которые как денежные единицы начали было уже выходить у нас из употребления — вместо прежних «кун» явились было татарские «деньги», но вот открылся новый источник такого же богатства, и меха как меновые единицы опять пошли в ход; понятно, что они не составляли теперь, как прежде, денег в буквальном смысле слова, их не считали деньгами, но, с другой стороны, нельзя не заметить, что меха во многих случаях вполне заменяли деньги: отправлялся ли, например, русский посол за границу, ему вместо денег выдавались меха, приходилось ли московскому правительству производить заграничные платежи, оно уплачивало их также мехами; вообще можно сказать, что меха, в особенности дорогие соболиные, представляли собою крупную счетную единицу, нечто вроде наших ассигнаций. (Из всего вышесказанного, мы можем видеть, как иногда условия заставляют народ как бы возвращаться назад, как бы повторять прежнее.) Соболиные шкурки назывались обыкновенно по 40 штук, отсюда и велся счет сороками; сорока соболей были различного достоинства, и поэтому мы часто встречаем узаконение на то, что такому-то дано столько-то сороков соболей добрых, т.е. хороших, такому-то средних и т.д.; очевидно, что здесь нельзя было добиться однообразной счетной единицы.

Кроме употребления мехов на внутренние потребности, московское правительство или отправляло их на продажу за границу иностранным купцам, или же, как было выше упомянуто, выплачивало ими за иностранные товары. Кроме соболей, добывались и вывозились шкурки черно-бурых лисиц, куниц, бобров, горностаев, песцов, медведей, лосей, рысей, выхуолей и особенно много заячьих; торговля этими мехами была весьма обширна, и русские купцы были знатоками этого рода товара. Англичане, а впоследствии также и голландцы, в огромных массах покупали пушной товар и отправляли его на продажу в Западную Европу, и нередко эти меха, отделанные

за границей иностранными скорняками, привозились обратно в Россию¹. Вслед за мехами следуют другие сырые продукты, на которые мы должны обратить особенное внимание, так как здесь мы встречаемся с началом того вывоза, который составляет и теперь одну из самых значительных статей нашей отпускной торговли; благодаря именно торговле с англичанами мы начали отпускать в Западную Европу изделия из конопли и льна. Обширные земли нашего Севера, скудные и малопродуктивные, оказались, однако, весьма удобными для разведения льна, местности же южные — для возделывания конопли. Англичане очень рано обратили внимание на хорошие свойства нашей пеньки, которая в виде веревок, канатов и парусов особенно важна была для них при их многочисленном флоте, и поэтому было весьма естественно, что они запасались этим продуктом у нас, закупая его в огромном количестве. В первое время они даже обучали русских людей делать изделия из пеньки, и для этой цели англичанином Греем была заведена первая прядильная фабрика в России; наука эта пошла русским людям впрок, они выучились производству канатов и парусов, а так как этот предмет находил всегда обширный сбыт, то это производство разрастается все более и более. Уже в то время начинает определяться тот центр пенькового производства, который существует и до настоящего времени, — это местности, лежащие при истоках Оки и Истомы, которые теперь сбывают свои произведения преимущественно по Балтийскому бассейну, а тогда сбыт шел по Беломорскому. Льняное производство оказывается также в высшей степени важным, оно по преимуществу сосредотачивается в теперешней Владимирской губернии и около Муром, или, короче сказать, в местностях, лежащих между Окою и Клязьмою; другим центром льняного производства является Псков, имеющий для северо-восточной Руси

¹ Наиболее важным для англичан пунктом меховой торговли было селение Лампожна, которое лежало на реке Мезени; в нем после окончания охотничьего сезона происходила ярмарка, на которую каждый зверолов-охотник приносил, все, что удалось ему добыть в продолжение зимы. На эти ярмарки, с одной стороны, стекались остяки, самоеды и прочие северные инородцы с богатым запасом дорогой пушнины, с другой же — сюда приезжали как английские, так и русские купцы и на различные безделки выменивали дорогие звериные шкурки. Из Лампожни меха шли в Холмогоры и оттуда или могли сбываться за границу, или же при обширном внутреннем сбыте могли расходоваться внутри Российского государства.

в этом отношении весьма важное значение. В Муроме и его окрестностях особенно развивается полотняное производство. Хотя русское полотно и не отличалось высоким качеством, и высшие сорта полотна, как фландрское и голландское, привозились из-за границы, однако оно по своей дешевизне и прочности в весьма больших размерах расходилось в Западной Европе, главным же образом шло на восток; наконец, русские впоследствии научились весьма хорошо подделываться под иностранные образцы, и фландрское полотно стало с успехом производиться в местностях Ярославской и Муромской губерний. (Здесь мы встречаемся с первыми попытками русской мануфактурной деятельности, начало которой относится, следовательно, к московскому периоду нашей торговли.) Кроме произведений из пеньки и льна, вывозились также конопляное и льняное масло.

Пенька считалась одним из выгоднейших предметов вывоза, и торговля этим продуктом часто сосредотачивалась в руках правительства, поэтому-то пенька и принадлежала к числу известных уже нам так называемых «заповедных» товаров. Вместе с пенькою правительство часто держало в своих руках продажу иностранцам леса, а также и различных продуктов, добывающихся из леса. Обилие лесов в местностях теперешней Архангельской и Вологодской губерний делало эту страну драгоценною для того народа, который всегда нуждался в нем для удовлетворения самых разнообразных потребностей, в особенности же в материале для судостроения, и, действительно, мы знаем, что здесь срубались громадные по своим размерам деревья и вывозились англичанами без всякой пошлины; этот же лес, кроме мачт, мог доставлять смолу и смольчуг, вывозившиеся англичанами в огромных количествах; тот же лес мог доставлять отличный поташ" вообще, можно сказать, что обилие леса обуславливало многие потребности того времени, многие особенности русской жизни. Русские, не умея строить каменные здания, были весьма искусны в постройках из дерева, которые достигали такой необыкновенной быстроты, что в Москве были церкви, выстроенные по обету в один день. Иностранцы удивлялись нашему лесному ряду, в котором видели не только громадное количество теса, бревен, балок и разного рода досок, но даже и целые церкви, продававшиеся по очень дешевым ценам, что, заметим, было весьма удобно по случаю тех страшных пожаров, которые были нередки в Москве и от которых она выгорала почти вся и вскоре опять отстраивалась заново.

Постройка домов была тем легче, что в расположении комнат, названии их и различных приспособлениях, начиная от хижины крестьянина и кончая дворцом государевым, господствовала полнейшая старина, — они для всех были одинаковы, и личный вкус и потребности жизненного комфорта в то время были весьма ограничены и играли незначительную роль.

Кроме леса и местных продуктов, англичане в большом количестве вывозили из степных местностей, богатых скотом, преимущественно же из стран черкасских и поволжских, русские кожи, или уже выделанные у нас, собственно в Великой России, или же, что бывало чаще, они шли в сыром необработанном виде, потому что англичане были недовольны несовершенным способом выделки кож нашими туземными кожевниками, и мы часто можем встретить в дошедших до нас известиях об этом предмете жалобы их на вышеуказанный недостаток кож, выделанных в России. В большом количестве за границу шел конский волос; в значительном также количестве вывозилось сало, которое составляет и теперь одну из самых доходных статей нашей отпускной торговли; вывозились также различные хлеба, хотя в некоторых случаях сама Россия получала их с запада; вообще же следует заметить, что хлебная торговля не представляла особенного развития и не имела того значения, которое она получила впоследствии по мере заселения южных русских степей с их богатым черноземом. Вывозилась также соль, добывавшаяся на всем Севере как из моря, так и из озер в гораздо большем количестве, чем в настоящее время. Припомним здесь, что именно соляные варницы заставили именитых людей того времени — братьев Строгановых — идти на Урал, и этим главным образом ускорились покорение и первоначальное заселение Сибири. Вывозились еще некоторые минералы, хотя сравнительно и в незначительном количестве, но это были не туземные богатства, так как Алтайские горы не были еще открыты, а те, которые приходили к нам с востока путем торговли и от нас уже переходили к англичанам; что же касается до восточных драгоценных камней, то они по большей части оставались у нас в России, и лишь немногие женщины запада имели у себя эти продукты востока. В первое время после начала своей торговли англичане открыли близ Холмогор алебастровые горы, начали их разрабатывать и вывозить алебастр, русские последовали их примеру и также стали заниматься разработкою алебастра. Вывозились еще некоторые местные произведения собственно северного края, как-то: рыба,

тюлени, ворвань, рыбий зуб, как тогда назывались моржовые клыки, ценившиеся весьма дорого, и некоторые другие предметы.

Вот в главных чертах те товары, которые англичане находили в России. Несмотря на то что они не бросаются в глаза, что это товары неэффективные, которые, казалось, не шли в сравнение с вывозившимися из Америки и Перу, тем не менее они составляли истинное богатство и приносили собою больше пользы, нежели вывоз золота и серебра из американских рудников. Англичане все это очень хорошо чувствовали и понимали, а потому они в особенности дорожили своими торговыми сношениями с Россией и по возможности старались не допускать конкурентов.

Этим мы закончим описание товаров, вывозимых англичанами из России.

Если мы теперь посмотрим на предметы, которые ввозились взамен англичанами и западноевропейцами вообще, то мы заметим, что это по преимуществу и почти исключительно предметы мануфактурной деятельности. На первом месте стоят те же предметы мануфактурной деятельности, как и в предыдущие периоды русской торговли: главным образом материи и ткани всякого рода. В продолжение первого периода нашей торговли мы получали их из Византии и с востока, в продолжение периода татарского получали их из Греции и преимущественно с востока, через генуэзцев и венецианцев, теперь их получали также с востока и главным образом с запада через посредство англичан. Первое место между ввозимыми материалами занимали сукна, столь необходимые на нашем холодном Севере, которые между тем совершенно у нас не выделялись. Сукна ввозились в громадном количестве, и торговля ими была самая оживленная. Англичане сами сознавались, что на этой торговле они наживали более чем на какой другой, и что обыкновенным процентом барыша было на 100—140%. Сукна были разнообразных цветов и сортов. Наиболее употребляемые сорта назывались по месту производства: «брюгш» — из Брюгге, «лундыш» — из Линдина, «амбургское» — из Гамбурга и т.д. Сукна привозились в кусках или так называемыми половинками. Много сукна приобреталось в казну, и эти половинки в некоторых случаях заменяли для правительства деньги: казаки донские, например, получали жалованье именно этими суконными половинками. Привозились заграничная кошка, тафта, атлас; большей частью эти ткани были золотные, т.е. с золотом и с разводами («травами»); ввозился также и бархат, особенно любим был у нас бархат венецианский.

За материями идут предметы металлические. Металлы привозились к нам в виде монеты, слитков и изделий. В монете русское государство нуждалось и потому особенно настаивало на том, чтобы покупки иностранцев производились на наличные деньги. Металлов в изделиях к нам привозилось очень много, и изделия вкуса и фасона западноевропейского во дворцах царей и теремах бояр начинают вытеснять изделия вкуса и фасона восточного.

Потом идут изделия из металлов, служащие не для украшения, а составляющие предмет необходимости в общественном быту: ножи, иголки и т.п.; средоточием торговли железным товаром были города Копорье и Орешек на шведской границе.

Русское железо вследствие дурной обработки было годно только на самые простые поделки для крестьянского быта. Железо в значительном количестве привозилось к нам из Швеции, где, как известно, до сих пор славятся богатые железные рудники, например, фалунские. Зависимость от иностранцев в этом отношении была для русских весьма чувствительна. Железа было у нас много, но не было умения обделывать его. При Михаиле Федоровиче мы встречаемся с попытками устроить свое собственное железное производство, и с этой целью обрусевшему иноземцу Марселису дозволено было построить железный завод недалеко от Тулы. Много привилегий дано было этому иностранцу, но он со своей стороны за известное вознаграждение ежегодно обязан был доставлять определенное количество полос железа, оружия и в том числе 20 пушек; завод находился под наблюдением иностранцев и был устроен на европейский лад. Это был громадный шаг вперед, так как здесь впервые мы встречаемся с правильным фабричным производством, которое начинается еще задолго до Петра Великого, давшего всей этой деятельности новый толчок и надлежащее направление.

Затем привозились также стеклянные изделия. Стекло уже являлось необходимостью, но его производить также не умели (стекло обыкновенно заменяла слюда), поэтому стекло привозилось, начиная от таких высоких сортов, как бемское (из Чехии) и стекло венецианское (известно, что венецианское стекло славилось еще в средние века и до XVIII века не было превзойдено), и кончая самыми низкими сортами. С запада же привозились различные минеральные продукты, каковы сера, селитра, которые хотя и добывались у нас, но тем не менее шли из-за границы в огромном количестве на зеленое дело,

т.е. на приготовление пороха. При Федоре Иоанновиче был издан даже указ, чтобы воск и мед, вывозившиеся в огромном количестве, продавались не за деньги, а непременно променивались на необходимую серу.

Привозились с запада и колониальные товары: изюм, сахар и другие пряности, продукты Индии. Казалось, они могли бы идти путем более прямым и близким, но они приходили путем более далеким и трудным. Теперь морской путь давал возможность западноевропейцам привозить эти товары дешевле, чем они обходились, приходя прямо из Азии. Привозились к нам и различные вина, продукт западноевропейского виноделия. Все эти вина носили общее название фряжских, т.е. французских; любимыми были ренское (с Рейна), романей (французское вино), гишпанское и пр.; был в употреблении и табак, привозившийся из-за границы несмотря на запрещения.

Вот чем снабжала нас Западная Европа. В заключение, говоря об этом пути, необходимо повторить, что уже было сказано: торговля эта сделалась необыкновенно важной для России и связывала нас все более и более с Западной Европой, и потому XVI и XVII века представляют переход от азиатской к западноевропейской жизни. В XVI веке видим колебание; в 1-й половине XVII видим, что как будто обе стороны находятся в равновесии; во 2-й половине XVII века европейские моды начинают преобладать, делаются потребностью, хотя и не большинства, но по крайней мере тех слоев общества, которые дают толчок и направление народной деятельности на почве не одних только духовных, но и материальных интересов. Так подготовлялся век реформ, подготовлялась личность Петра Великого.

Вследствие того, что господствующим направлением торговли западноевропейской в России было направление северноромское, Север России оживляется; он становится одною из самых жизненных частей Московского государства. Север покрыт городами, имеющими важное значение, которое не удерживается за ними, когда этот путь поворачивает на запад. Большие города севера в XVI и XVII веках пользовались гораздо большим благосостоянием и не представляли того вида заброшенности и запустения, как теперь. Кроме уже прежде упомянутых городов, можно указать на Орешек, центр шведской торговли; Каргополь, в котором сосредотачивался сбыт соли, мехов, который вместе с тем получал продукты Ледовитого моря: рыбу, ворвань, тюленьи кожи и т.п.; все это доставлялось в Каргополь и вывозилось на Балтийское море. В Устюжне-Же-

лезнопольской, как само название показывает, сосредоточивались продукты железного производства Новгорода. Многие другие города известны были тогда своими ярмарками, туда окрестные жители свозили свои сельские произведения. Таковы были ярмарки в Весеьгонске и при монастырях, например, при Тихвинском. Самое название «ярмарка» (немецкое, от *Jahrgmarkt*), распространившееся вместо «базара» и «торга», указывает на то, что и в этом отношении нам дан был новый толчок западноевропейцами и что ярмарками у нас первоначально назывались периодические свидания наших гостей с иностранцами.

Был у нас еще и третий путь на запад. Это был путь сухопутный через Смоленск на литовский рубеж, но он не имел важного значения. Вследствие враждебных отношений, почти постоянно существовавших между Россией и Польшей за этот период, вследствие разных предосторожностей, которые принимались русскими от воровства литовских людей и литовцами от воровства русских, торговля на этом пути была очень не развита, тем более что пограничные местности между Россией и Литвой были заселены людьми буйного характера, вовсе неспособными к торговле: образцом местности с подобным населением может служить наша северская Украина, населенная большею частью беглыми людьми.

От этих путей, которые вели на запад Европы, мы переходим к двум другим внешним путям, которые тесно между собою связаны. Эти пути вели на юг и восток. Первый был отчасти сухопутный, отчасти водный и вел к Черному морю; его могли бы мы назвать Украинским. Другой путь вел по Волге.

Путь Украинский отходил в степь или в ту Украину, которая была населена черкесами, т.е. малороссиянами, как их в то время у нас называли.

Для того чтобы ясно представить себе характер этого пути, необходимо уяснить себе отношения, существовавшие между Россией и степью — полем. Для этого необходимо прежде всего знать, каковы были размеры этого поля. Размеры были такого рода, что в настоящее время они представляются нам почти невероятными: поле начиналось уже очень близко от Москвы. Просматривая, например, сочинение Курбского XVI века, мы узнаем, что начиналось оно не от границ Московского государства, но что сейчас же за Тулой открывается «чистое дикое поле», за Муромом тоже чистое поле, от Мурома до Казани за лесами простирается тоже поле. Следовательно, полем—степью

называлась и действительно была ею огромная полоса, именно центральная полоса центральной России. Это была безлюдная пустыня, разве только в немногих местах, как бы оазами, заселенная людьми. В этих местах были выстроены укрепления — остроги, между которыми по засечным линиям разъезжали сторожа, т.е. караул. Степь была местом, через которое беспрестанно вторгались крымские татары в Москву, и нам известно, какими тяжелыми последствиями сопровождались эти набеги; несмотря на это только с конца XVI века начали принимать деятельные меры против них. Хотя эти меры и не уменьшили набегов, и разорения были те же, пленников уводилось столько же, но зато в значительной степени уменьшилось пространство, в котором могли распространяться эти набеги. Очевидно, что русский народ находил в себе все более и более силы противодействовать полю, занимая эту безлюдную землю рядом своих укреплений; именно со времен Бориса Годунова начинается правильная военная колонизация правильными военными линиями, и русский человек идет по безлюдной степи. На передовой линии устраивается целый ряд городов-острогов: Орел, Воронеж, Оскол, Харьков и др. — в настоящее время очень значительных, которые в те времена были только простыми укреплениями. Целое военное поселение было отправлено в эти города по разным «шляхам», т.е. дорогам татар, следовать за последними, а в случае нужды оказывать сопротивление татарским воякам. Это население постепенно делало степную местность русскою. Естественно, что путь на Украину в торговом отношении не мог иметь важного значения. Слишком много препятствий полагал он правильной торговле: во-первых, степь безлюдная, неприютная, с ее зноем летом, с ее страшными метелями зимой, с ее непроходимыми дорогами во время дождей и половодья; во-вторых, враждебная сила степная. Все это, конечно, мешало торговле; тем не менее русские люди ходили издавна и этим степным путем. Этот путь вел в Кафу, генуэзскую колонию. Хотя генуэзские колонии теперь не существовали, но сношения с Византией не прекратились, по крайней мере в церковном отношении. Несмотря даже на то что сами греки изменились и частью не оправдывали доверия в качестве единоверцев, они всегда охотно принимались в русской земле. В первое время им давались значительные привилегии. Являлись в Россию греческие монахи, как в выгодное место, где можно было получить как царскую, так и народную милостыню и где они могли выгодно сбывать предметы свя-

щенного поклонения; являлись также и греческие купцы, которые продавали драгоценные камни и турецкие ткани, так как некоторое время турецкие ткани ценились у нас выше западных: олтаvas, высший сорт бархата — именно любимый русскими малиновый, получался также оттуда. Между тем сношения с турками были в высшей степени неправильны: с одной стороны, отношения между Россией и Турцией были неприязненны; с другой — правительство московское старалось поддерживать сношения с турками. Государство московское часто действовало в противоположность турецкому: в то время когда поднималась эта страшная мусульманская сила для всей Европы, на востоке поднималась другая сила, которая переломила первую; в то время когда турецкий султан завоевывал Балканский полуостров, царь московский завоевал Казань, Астрахань, Сибирь — все мусульманские государства. Невольно глаза всех славян и православных вообще обратились на белого царя, как назывался тогда ими русский царь; точно так же естественно, что татары казанские, астраханские и главным образом крымские смотрели на турецкого султана как на главного защитника их народности и религии. При таких коренных противоположностях дружелюбных отношений между Турцией и Россией не могло быть. Хотя временами и устанавливались сношения, но эти сношения были не прочны, потому и торговля не могла установиться, тем более что в степи, кроме татар, были и свои разбойники, не уступавшее первым, — это были казаки донские и другие, которые не разбирали часто своих купцов от мусульманских; однажды они умертвили даже турецкого посла Кантакузина, шедшего в Москву при Михаиле Федоровиче, потому только, что им казались подозрительными всякие дружественные сношения московского царя со стамбульским султаном.

Поэтому нет ничего удивительного, что торговля с Балканским полуостровом с каждым годом более и более прекращалась. Греки вызвали своими неблагоприятными поступками даже отвращение правительства, и, наконец, когда греки начали заниматься контрабандой и притом продавали фальшивые товары, как, например, вместо драгоценных камней продавали стекло, то в конце XVII века им было запрещено совершенно торговать в Московском государстве.

Что касается украинской торговли, которая велась с черкесами, то она только постепенно начинает принимать более оживленный характер с половины XVII века. Торговля сосредотачивалась сперва в Путивле, но потом переходит и в другие

центры. Форма этой торговли оригинальна именно потому, что Малороссия особенно терпела от отсутствия мануфактурной деятельности, вследствие чего торговля носила исключительно ярмарочный характер (в Малороссию шла, между прочим, выделанная в Великой России кожа). В XVII веке особенно замечательна была Свинская ярмарка при Свенском, или Свинском, монастыре; что эта ярмарка была очень важна и ей придавали большое значение, видно, между прочим, из одного купеческого челобитья XVII века, где упоминаются только две ярмарки: Макарьевская и Свинская.

Второе место после путей, которые вели в Западную Европу, в XVI и XVII веках занимал тот путь, который вел к Каспийскому морю, а через него на юго-восток Азии. Путь этот представляет для нас в высшей степени интерес в том отношении, что здесь мы замечаем, как постепенно меняются отношения России к Азии и западу Европы. В XVI веке у нас все еще чувствуется перевес восточного влияния; но в XVII веке оно ослабевает и уступает место западному влиянию; это видно на ввозимых в Россию товарах: в описываемый период мануфактурные произведения Европы начинают понемногу вытеснять мануфактурные произведения Востока. Отношения эти изменяются настолько, что со второй половины XVII столетия для Азии мы в известной степени начинаем играть такую же роль, какую играли относительно нас англичане. Всего удобнее проследить для этого наши отношения к Персии.

Сношения с Персией в XVI столетии нам представляются необыкновенно оживленными, но около первой половины XVII столетия они начинают падать; для нас Персия перестает быть источником, который удовлетворял бы всем нашим потребностям, но зато, с другой стороны, для Персии торговля с Россией становится вопросом первой важности. Чтобы объяснить себе это, припомним положение Персии.

В то время Персия отделялась от Западной Европы, от Средиземного моря турками-османами; как теперь между турецким султаном и персидским шахом нет дружелюбных отношений, так и тогда они находились в постоянной вражде, причем в значительной степени содействовала развитию вражды религиозная рознь между шиитами и суннитами. Враждебные отношения турецкого султана заставляли персидского шаха искать дружелюбных отношений с русским царем, которого исторические обстоятельства невольно поставили в такие же отношения к Турции, как и его самого. В то время англичане не успели

еще утвердиться в Индии, потому мануфактурные произведения Европы могли проходить в Персию одним путем — именно через Россию. Вот чем объясняется, что персияне начинают в высшей степени дорожить торговлей с Россией.

Если в XVI веке обрадованный русский царь дает грамоты и привилегии англичанам, привозящим в Россию западные товары, то такие же привилегии в XVII столетии дает персидский шах Аббас II русским купцам: позволяет им торговать беспошлинно в приморских городах персидского государства. Отношения между Персией и Россией становятся дружескими до такой степени, что когда по окончании Смутного времени русские нуждались в деньгах и обратились к соседним государствам с просьбою о займе, то из всех отозвалась только Персия¹, которая прислала России известное количество золота и серебра.

Путь в Персию и Среднюю Азию вел по великой русской реке — по Волге. Главным исходным пунктом этого пути был Нижний Новгород, и чем более Волга становилась рекою цивилизованного народа, тем более на ее берегах, диких и пустынных, развивается цивилизованная жизнь, а вместе с тем выдвигается вперед Нижний Новгород как исходный пункт этой жизни.

Мы знаем, что Нижний Новгород получил уже некоторое торговое значение еще и раньше, но в XVII веке это значение значительно увеличилось.

В этом столетии в Нижнем Новгороде впервые учреждаются государственные таможни, в которых московское правительство собирает пошлину с товаров, идущих на Восток; в Нижнем Новгороде же собираются караваны судов, которые отсюда уже направляются в Персию, и здесь сходятся, наконец, купцы из разных местностей: торговля принимает вид ярмарочной, кроме постоянной, потому что Нижний Новгород, как было сказано, есть самое удобное место на Волге, где могут соединяться товары, идущие из Сибири, с товарами востока и запада.

Но надо заметить, что собственно ярмарочная торговля в то время сосредотачивалась не в самом Нижнем Новгороде, а рядом с ним, в том месте, где находится Макарьевский Желтоводский монастырь, под стенами которого по обычаю происходили базары. Духовенство понимало всю выгоду и важность

¹ Небольшая ссуда была дана России и в Англии, но ее пришлось вернуть, после того как московское правительство отказалось дать английским купцам дорогу через Россию в Персию.

таких базарных торгов, ибо монастырям, часто строящимся в малонаселенных местах, необходимо было иметь подобные базары, чтобы монахи на них могли закупать необходимые произведения на целый год. Монастыри в то время пользовались большими льготами, например, приписывались монастырям крестьяне (тянуть монастырское тягло было легче, чем государственное); затем монастыри пользовались разными несудимыми грамотами, т.е. правительство освобождало монастыри от своего светского суда, ибо светский суд пользовался далеко не блестящей репутацией. «Московская волокита» — так насыпалась процедура этого суда — славилась и на севере, где подьячие (по жалобе земских людей 1642 года) устроили себе на посулы (взятки) палаты «неудобосказаемые», славилась и на Украине, где они хуже басурман разоряли жителей, наконец, славилась и в Пскове, где, по словам летописца, прежняя правда на небеса улетела, а московская кривда поселилась в городе. Монастырский же суд отличался большей справедливостью — вот причина, почему около монастырей, при свободе от пошлин и от известных притязаний воевод и их чиновников, являются в XVI и XVII веках в очень больших размерах базары. Для севера России таким монастырем является Белозерский, для юга — Свинский и, наконец, для востока на Волге вырастает ярмарка под стенами Желтоводского монастыря, и базар простой, созданный для удовлетворения первостепенных потребностей, принимает огромные размеры и делается первым внутренним торговым пунктом Московского государства.

Все эти привилегии монастырей утверждаются Алексеем Михайловичем и подтверждаются в конце XVII столетия царями Петром и Иоанном Алексеевичами.

В Нижнем Новгороде обыкновенно собирались караваны для дальнейшего плавания. Караваны обыкновенно ходили дважды в навигацию, а плавание это было далеко и небезопасно — это мы можем сказать с достоверностью, потому что в этом случае мы имеем подробный рассказ о плавании по Волге.

В 1632 году Фридрих, герцог Шлезвиг-Голштинский, снарядил в Москву посольство под начальством Крузиуса; посольство в 1634 году явилось к Алексею Михайловичу с просьбою о дозволении проехать в Персию; секретарем этого посольства был Адам Олеарий, оставивший нам весьма интересный рассказ о своем путешествии, — в первой части этого рассказа и описывается поездка по Волге. Рассказ очевидца нам чрезвычайно интересен, потому что он рисует нам великую русскую

реку такую, какую она была 200 лет назад. В путешествии Олеария прежде всего мы встречаемся с бедностью населения по Волге, состоявшего большею частью из инородцев, как-то: чувашей, мордвы, черемисов и др. Естественно, что река, берега которой были покрыты таким неразвитым населением, лишь постепенно делалась русскою рекою. За городом Тетюшами Волга представляла совершенно другую картину, чем в настоящее время: берега Волги были дики, пустынные и не заселены; теперешние города на Волге, например, Симбирск, Саратов, Черный Яр и др., получившие такое значение впоследствии, в половине XVII столетия или вовсе не существовали, или были простыми деревушками. Здесь, в степи, очевидно, природа еще господствовала над человеком.

Путешествие по Волге прежде всего встречало большое затруднение в самой реке, которая часто мелела и меняла свой фарватер, но главное препятствие было со стороны степных жителей, которых соблазняла легкая нажива путем грабежа караванов, ходивших по великой русской реке. В степи между Доном и Волгою жили казаки: под этим словом подразумевались и постоянные жители степи, ходившие по Волге, и разбойничьи шайки вольных людей, т.е. беглых холопов. Эти воры собирались в большие шайки и в удобных местах, например на Жигулевских холмах, при устье реки Урсы, и в других «укромных» местах, подстерегали караван и очень часто, нападая на него, совершенно разграбляли. Живое описание Олеария лучше всего рисует нам различные опасности, которым подвергались караваны при плавании по Волге. Например, он описывает, как едущие по Волге вдруг получают известие, что в одном месте появились казаки и поджидают купцов; едущие готовятся к бою; капитан корабля производит ложные тревоги, желая знать, действительно ли готовы его люди к бою, а в ожидаемом месте принимаются особые предосторожности и зорко высматриваются казаки. На берегу навалены бревна — сейчас является вопрос: а что если это укрепление, которое сделали казаки? — опять все готовится к бою, пушки заряжаются, даже зажигаются фитили. Едут рыбаки на лодке, их берут в плен и задают вопрос: кто они, куда едут и пр., по подозрению, что это переодетые казаки, которые хотели лучше высмотреть состояние корабля, рыбаки задерживаются до тех пор, пока караван не проедет опасное место. Ввиду таких опасностей купцы обыкновенно пускались большими караванами, которые в

XVI веке достигали весьма значительных размеров — в один караван соединялось иногда до 500 торговых судов¹.

Иногда корабли отправлялись не такими массами, например, когда часть их опаздывала, — тогда при каждом отдельном караване находилось конвойное судно, которое должно было предохранить караван от разбойничьего нападения. Несмотря на то что на конвойном судне находились пушки и стрельцы, грабежи производились часто, и часто раздавался грозный, знакомый купцам крик: «сарынь на кичку», т.е. вниз лицом, — хозяева падали вниз лицом, а разбойники по-своему хозяйничали на корабле. Иногда караван растягивался, тогда разбойники, пропустив передние судна, нападали на отсталые и производили грабеж, прежде чем успеет подать помощь неуклюжий конвойный корабль. Во многих местах Волги начинают выстраивать поселения с целью уничтожить разбойничьи притоны, что показывает даже самое название этих селений, например, Черный Яр, основанный во времена Алексея Михайловича на том месте, где было одно из самых сильных побоищ; и Олеарий часто видал на берегах целые ряды крестов, свидетельствовавших о подобных сражениях.

Среди таких затруднений и препятствий упомянутое голштинское посольство² спустилось до Астрахани, бывшей главным пунктом торговли и деятельности по низу Волги. Астрахань — старинный город, выстроенный, вероятно, на месте древнего Итиля³; впоследствии он подпал татарскому влады-

¹ Суда, ходившие по Волге, были самые разнообразные и многие из них сохранились до настоящего времени; например, были дощаники, ногайцы и т.д. Эти суда, как и теперь, тянулись бечевой. Но и в то время употреблялся и другой способ движения судна: маленькая лодка, называемая забежкой, брала с судна якорь и длинный канат, забегала вперед на длину каната и бросала якорь; между тем на судне вбродом канат этот навивался на судно, которое, хотя и медленно, но подвигалось вперед. Это начало так называемого кабестанного пароходства, мало-помалу заменяющего в настоящее время силою пара силу рук человеческих и лошадей. Рисунок такого первого русского судна в небольшом размере представил, нам Олеарий.

² Надо заметить, что корабль посольства отличался устройством от русских кораблей: он был способен к плаванию как в рек, так и в море; впоследствии для безопасности от разбойников, которые стали слишком смелы, был выстроен один русский большой корабль, получивший название «Орел»; но плавание этого корабля было непродолжительно — в бунт Разина корабль этот был сожжен.

честву (стал называться Хаджи-Тархан или Астракан) и потерял свое прежнее торговое значение: в Орду, раздираемую смутами и произволом, не всякий купец решался везти свои товары, и хотя торговля не прекращалась, но и не имела надлежавшего развития. Когда с половины XVI столетия русское государство крепкою ногою стало на Волге и Астрахань должна была принять русского воеводу, тогда значение Астрахани быстро увеличивается. Если главным пунктом торговли с Западом в XVI и XVII столетиях является Архангельск и играет значение первого русского пункта, то такое же значение на юге России в то время имела Астрахань, так как в последней, как и в Архангельске, появляется множество иностранных частей, и в Астрахани даже были еще более разнообразные представители народностей: этот город своею толкотнею живо напоминает нам рассказ арабского писателя о торговом квартале древнего Итиля. В Астрахани были и подворья для иностранных гостей, из которых особенное значение имело подворье Гилянское, или Персидское, что показывает нам, что торговля русских с персами была развита и обширна; персидские купцы были даже и в Москве, и там был свой Персидский двор, но на Гилянском подворье толпилось более персиян, чем в Москве. Для плавания по морю из Астрахани снаряжались тоже корабли, ходившие дважды в год, весною и осенью, по Каспийскому морю, но так как Персия не отличалась изяществом постройки кораблей, то корабль голштинского посольства, по свидетельству Олеария, произвел здесь сильное впечатление и вызвал всеобщее удивление.

Русские морские корабли обыкновенно назывались бусами, и большая часть бус принадлежала правительству. Каждая буса имела своего начальника воеводу и отправлялась в путь прежде всего к восточному берегу Каспийского моря, где в то время была пристань, носившая название Караганского пристанища (теперешний мыс Тноб-Караган).

Через караванное пристанище и производилась торговля со Средней Азией; обыкновенно по прибытии в это место купцы отправляли гонцов с известием о своем приезде к купцам Хивы и Бухары, Ургенча и других местностей Средней Азии. Местные купцы по этому зову являлись со своими товарами, и здесь происходил меновой торг: те же купцы, которые желали сами отправиться в Русь, имели право занять место на русских бусах. Торговля Бухары имела в то время значительное развитие: бухарцы с торговыми целями ходили не только в караванное

пристанище, но и в Сибирь (по преимуществу в города Тобольск, Тюмень, Тару, Томск, сделавшиеся значительными торговыми центрами); так как для Сибири бухарские товары имели важное значение, то местные купцы постоянно обращались к московскому правительству с просьбою покровительствовать этой торговле, иначе Сибирь осталась бы без предметов самой первой необходимости. Московское правительство, само желавшее завязать более тесные торговые сношения со Средней Азией, охотно отзывалось на эти призывы, вполне соответствующие его видам. Бухарские купцы, как нам известно, являлись не только в Астрахань, но приезжали и в Казань, в Москву, пробирались даже в Архангельск для закупки иностранных товаров из первых рук.

Часть бус от караванного пристанища возвращалась назад, но другая часть продолжала свое плавание к Каспийскому морю и направлялась в Дербент, Баку, Шемаху и другие города на юго-западном персидском берегу Каспийского моря, который назывался Гилян (отсюда и название подворья). Товары, привозимые купцами из Персии, имели большое значение в XVI веке, но, как было сказано, уже в следующем же столетии они постепенно заменялись мануфактурными произведениями Европы. Товары эти были следующие: сафьян, шелковые материи (шелководством особенно славилась персидская провинция Гилян), парча, ковры, скатерти, золотые изделия, оружие, еще сохранившее свою славу; из естественных произведений укажем на нешлифованные драгоценные камни, жемчуг и затем индийские товары. По причине привоза последних товаров в Россию англичане, голландцы и датчане, торгуя с русскими, смотрели на Россию как на место транзита для индийских товаров, и англичане в XVI столетии впервые пытались через Россию завязать сношения с Индией.

При Алексее Михайловиче мы встречаемся и у русских с попыткою нашего купца пробраться в Индию, поводом к чему было посольство индийского султана Бабура. В 1667 году князю Козловскому было предписано пробраться через Иран в Индию, чтобы завязать с последней прямые торговые сношения; но если русское правительство запрещало иностранцам пробираться в Индию через свои владения и вообще желало удержать за собою монополию персидской торговли, то и персидское правительство держалось точно такой же политики относительно русских, и русское посольство не было пропущено в Индию. Однако русские предприимчивые люди задумали иначе про-

браться в Индию — через Среднюю Азию; под начальством гостя Касимова караван отправился через Бухару и достиг Индии, русские, однако, потерпели неудачу: не говоря уже о том, что путь этот был слишком труден, неудача произошла и от того, что на этих гостей подозрительно посмотрел сам султан Ауренгзеб, который конфисковал все товары и, выдав за них незначительную сумму, отправил гостей опять в Россию. Так неудачно окончились попытки русских завязать прямые сношения с Индией*.

В Нижний Новгород, кроме пути из Персии по Волге, шел другой путь — из Сибири. Мы уже знаем, какой по преимуществу товар шел из Сибири; теперь же прибавим несколько слов об этой стране.

Сибирские земли были открыты не сразу, а постепенно русскими промышленниками, которые, наслышавшись об этой «золотой» стране, шли вглубь ее все далее и далее, разыскивая все новые страны и покоряя эти новые «землицы» русскому государству. Много народностей встречалось по этому пути, которые приходилось покорять; много тяжелого и упорного труда со стороны русских людей потребовало завоевание громадной страны, но, к сожалению, нам малоизвестны имена таких предприимчивых русских авантюристов, как, например, Максима Порфирьева, который первый открыл реку Ангару; Бекетова, Галкина, открывших Лену и Енисей; Хабарова — смелого и счастливого путешественника, проникшего на Амур; Талбузина, который с упорством защищал с 500 чел. город Албазин против 157 тысяч человек китайцев и отступил только тогда, когда стены города были совершенно разрушены. Эти мелкие казацкие дружины, состоявшие из 40—50 чел., смело и славно вели свое дело, которое пополняло оскудение лесов севера.

Конечно, в те времена Сибирь не могла представлять правильного устройства, и действительно, в Сибири были самые вопиющие беспорядки: корысть дружин часто вызывала негодование туземцев, многочисленные шайки, появлявшиеся одна за другой в стране, занимались грабежом, а иногда сами дружины воевали друг с другом. К тому же воеводы, пользуясь отдаленностью Сибири от центра русского государства, даже в XVIII и начале XIX столетия позволяли себе самые вопиющие злоупотребления: например, особенно замечательны в этом отношении князь Гагарин при Петре Великом и знаменитый Пестель при Александре I.

Этот произвол сильно стеснял купцов, отдавая их во власть чиновников, причем гнет еще усиливало само правительство, которое из торговли мехами делало монополию.

Таким образом, в XVI и XVII столетиях в Сибири мы встречаем лишь первые зародыши торговли; первым городом по своей торговле (в то время сибирской, теперь же европейской) было Верхотурье. Из сибирских же городов по своей торговле со Средней Азией имел большое значение только Тобольск, куда сходились и товары, привозимые из России. Товары эти вследствие отдаленности страны и ее малолюдства были следующие: хлеб из России, которым снабжался весь Сибирский край, разные сукна, материи, посуда и вообще предметы самой первой необходимости. Из Тобольска русские торговцы и промышленники пускались внутрь Сибири и достигали Енисейска, где уже с 1677 года были гостиный двор и таможенная изба, далее они проникали в бассейн Лены (торговали в Якутске и Охотске) и область р. Амура. С половины XVII же столетия в Сибири поднимается и другой город — Нерчинск, который к концу века имел такое же значение, какое имеет теперь Кяхта, именно в Нерчинске сосредоточилась торговля с Китаем. Пути, ведущие из этих городов, сначала сосредотачивались в Казани, а потом уже начали сосредотачиваться в Нижнем Новгороде.

Вот в кратких словах обозрение тех путей, которые существовали в России и Сибири в XVI и XVII столетиях.

П.П. Мельгунов

ТОРГОВЛЯ И КУПЕЧЕСТВО МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА ПО СООБЩЕНИЯМ ИНОСТРАНЦЕВ XVI—XVII СТОЛЕТИИ

О состоянии Московского государства сохранилось довольно много разнообразных сочинений иностранцев, по различным поводам посетивших Московию и описавших то, что они там видели и слышали. Здесь и посланники, и военные люди, и купцы, и просто любопытствующие путешественники, и лица, приехавшие для выяснения того, как повести католическую пропаганду среди русского народа. Все они составляли дневники, записки, повествования, мемориалы, наконец, отчеты для царствующих особ о посещении посольствами русского царя и московского государства.

Эти описания, разнообразные по форме и содержанию, составляют ценный материал для изучения истории эпохи, доставляемый очевидцами. Но осторожность в пользовании их все же весьма необходима, ибо русские люди смотрели на приезжих иностранцев с великой подозрительностью и, усматривая в их вопросах коварные замыслы, отказывались удовлетворять их любознательность или, как жаловался Рейтенфельс, намеренно преувеличивали все в хорошую сторону. Но с таким умением, что «возвратившиеся иностранцы по совести не могут похвастаться знанием настоящего положения дел в Московии»¹.

Среди многообразных сведений, имеющихся в «сказаниях» иностранцев о Московском государстве (как их называет В.О. Ключевский), мы находим и данные, касающиеся торговли. Если не считать двух-трех авторов, специально посвятивших свои сочинения вопросам товарообмена, как де Родес или Кильбургер, которые сообщают довольно много указаний в особенности о привозимых и вывозимых товарах, да перечисления последних Флетчером, Олеарием и некоторыми другими, затрагиваемые в этой области вопросы относятся главным образом к описанию внешнего вида Москвы, ее лавок и дворов, к

¹ Извлечение из сказаний Якова Рейтенфельса о состоянии России при царе Алексее Михайловиче. — Журнал Министерства народного просвещения. 1839. Т. XXIII. С. 30.

характеристике русских купцов, к торговле в рядах, да к вопросу о монополизации различных видов товаров царской казной, что особенно поражало знатных иноземцев.

«В городе Москве, — говорит Кильбургер в своем “Кратком известии о русской торговле, как она производилась в 1674 г. вывозными и привозными товарами по всей России”, — больше торговых лавочек чем в Амстердаме или в ином целом княжестве». «Но, — прибавляет он тут же, — лавки эти маленькие и иногда плохого качества; сравнивать же их с амстердамскими совсем нельзя, ибо пришлось бы признать, что из одной амстердамской лавки можно выкроить десять и более московских». В Москве, указывает он в другом месте, «так же много лавок, как во многих европейских городах, хотя большинство их так малы и узки, что купец едва в состоянии повернуться между товарами»¹. На это характерное обстоятельство, весьма поразившее иностранцев, указывал за 100 лет до того (в 1581 г.) иезуит Антоний Поссевин^{10*}; и он видел много новых лавок, расположенных улицами (рядами) по роду товаров в Китай-городе, но эти лавки были так малы, что, по словам его, в одном венецианском магазине найдется больше товаров, нежели в целом ряду московских лавок². «Так как народу в Москве великое множество, — писал в своем путешествии через Москву Корнилий де Бруин, приезжавший при Петре Великом, — то для лавочек они должны довольствоваться небольшими помещениями, которые вечером они и запирают, уходя домой»³.

Итак, многочисленность лавок и мелкие размеры каждой из них, куча крохотных лавочек обратили на себя внимание иностранцев. И это не изменялось — эпоха самозванцев и эпоха Петра дают одну и ту же картину.

Это наблюдение подтверждается и другими данными. Торговых мест всякого рода было огромное количество. В Москве на рынках и площадях, во всевозможных рядах, в Белом городе и в Китай-городе и за Москвой-рекой толпилась масса народа и

¹ Kilburger. Kurzer Unterricht von dem Russischen Handel wie selbiger mit aus und eingehenden Waren 1674 durch ganz Russland getrieben worden. Büschings Magazin für die neue Historie und Geografie. Т. III. 1769. P. 248. Рус. пер. Б.Г. Курца. с объясн. и дополн. 1915. С. 88—174.

² Possevini Moscovia. 1583. P. 14; Ключевский. Сказания иностранцев о Московском государстве. С. 217—218.

³ Путешествие Корнилия де Бруина. — ЧОИДР. 1872. II. 85.

продавались самые разнообразные товары. Здесь имелись не только лавки и амбары, но и шалаши, скамьи, бочки, кади и кувшины, торговля оседлая и разносный торг. На каждые 2—3 посадских двора приходилось место торговли (посадских дворов в 1701 г. было 6894, торговых мест 2664)¹. Но и в Туле находим 401 $\frac{1}{2}$ торговое помещение, среди них 209 $\frac{1}{2}$ лавок, 118 скамей, 29 амбаров, 13 шалашей. Торговцы составляли к концу XVI столетия 44% всех жителей Тулы, а вместе с ремесленниками 70%². В Пскове насчитывалось в конце XVI столетия 1200 лавок, клетей и амбаров³. В Нижнем Новгороде по переписной книге 1620 г. имелось 1900 дворов и 574 торговых помещения, в Устюже — около 100 посадских дворов и 260 торговых помещений, среди которых было много кузниц⁴.

Точно так же подтверждается и указание на крайне мелкие размеры этих лавок. Типичной лавкой являлось помещение в 2 сажени в ширину и 2 $\frac{1}{2}$ в глубину. И это была полная лавка⁵. А наряду с ними имелись полу-лавки, четверти лавки и даже восьмые части лавок. В 1726 г. в московском Китай-городе из 827 всех торговых владений было всего 307 владельцев полных лавок, тогда как в 76 случаях они занимали менее целой лавки, именно от $\frac{7}{8}$ до $\frac{3}{4}$ лавки, а в 328 случаях торговое место составляло всего пол-лавки, в 27 — от $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{4}$ лавки. Напротив, соединение нескольких лавок в одних руках (или, быть может, одной лавки, но по своим размерам равной нескольким установленной величины) было явлением весьма редким: насчитывается всего 32 случая владения по 1 $\frac{1}{2}$ лавки и 15 случаев свыше 2 $\frac{1}{2}$ лавки, из них только один, когда торговец занимал 3 $\frac{3}{4}$ лавки. Даже в тех случаях, когда купец владел несколькими лавками, на самом деле получалось всего 2—2 $\frac{1}{2}$ лавки, ибо в каждом отдельном месте он имел по пол-лавки, по четверти и даже по одной восьмой. В 1701 г. 189 человек владело по одной лавке, тогда как 242 занимали всего пол-лавки, а 77 человек $\frac{3}{4}$ лавки. А к этому присоединялось еще великое

¹ Довнар-Запольский. Торговля и промышленность Москвы XVI—XVII столетий. 1910. С. 55—56.

² Белоцерковский. Тула и Тульский уезд в XVI и XVII веках. — Киевские университетские известия. 1914. № 4. С. 63, 73.

³ Чечулин. Города Московского государства в XVI веке. 1889. С. 130.

⁴ Довнар-Запольский. С. 56.

⁵ Костомаров. Очерки торговли Московского государства. Изд. 2-е. С. 147; Довнар-Запольский. С. 29, 43.

множество торговых мест, которые вообще не имели характера лавки, а представляли собою лишь временные, переносимые помещения. Таких мест насчитывалось в Китай-городе в 1626 г. 680, из них: 47 шалашей, 267 скамей и мест скамейных, причем и тут нередко торговец занимал полшалаша, часть скаменного места¹.

Небольших размеров были, конечно, лавки и в других городах. Как указывает Н.Д. Чечулин, «по-видимому, в то время (в XVI столетии) признавалась нормальной величина лавки в 2 сажени: при описании лавок жалованных очень часто отмечается их величина — обыкновенно на локоть или полусажень больше двух сажен, и тогда говорится: а с прибавки (с локтя или с полусажени) и платити ему (владельцу лавки) десять денег»². В Туле, судя по писцовой книге 1625 г., лавка представляла собой клочок земли в ширину и длину по $1\frac{3}{4}$ — $2\frac{1}{2}$ сажени. В 1622 г. велено с казенных кирпичников¹¹ не брать «полавочного» и пошлин «с их товару, которого товару меньше двух рублей». Действительно, такие случаи были. В 1625 г. на тульском рынке оказалось 9 таких лавок, с которых оброка «по жалованной государевой грамоте не бралось»³.

«Очень часты случаи, — говорит Н.Д. Чечулин, — что человеку принадлежала $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$ и даже $\frac{1}{4}$ лавки или амбара; обыкновенно при этом лавки делились поровну между совладельцами, но встречаем несколько случаев, что одному владельцу принадлежало $\frac{2}{3}$ или $\frac{3}{4}$, а другому $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$ ». И во внутренних городах между отдельными владельцами лавки распределялись обычно довольно равномерно; «редко, кто владел более чем 3 лавками, за исключением, впрочем, таких торговых городов, как Казань и Псков; где иные имели лавок 10 и более и платили раз в 10—15 больше, чем в среднем каждый из участвовавших в торговле людей». Но таких людей и тут было весьма немного. Из 765 человек посадских тяглых людей, плативших оброк за лавки во Пскове, 326 человек платили от 1 до 5 алтын, 245 от 5 до 10 и 93 от 10 до 15. Это составит 664 человек или почти 90% всех плательщиков. Свыше 25 алтын платили всего 29 человек или менее 4% общего числа. В Казани имелась небольшая группа в 22 человека переведенных из других городов, которые, составляя всего 1% населения Казани, имели почти

¹ Довнар-Запольский. С. 29, 43, 50, 53.

² Чечулин. С. 250, 336.

³ Белоцерковский. С. 64—66.

15% торговых заведений, и каждый из них платил почти втрое больше, чем человек «добрый» или «лучший»¹. Напротив, в Туле из 100 случаев владения торговыми помещениями 93 (352 случая) приходится на владение одной лавкой или скамьей; всего 3% (и случаев) владели двумя помещениями, большего числа вообще не встречалось².

Зомбарт утверждает, что западноевропейские города в XIV—XV столетиях кишели массой мелких и мельчайших торговцев, производивших крайне незначительные обороты³. Это утверждение оказалось преувеличенным; установлены факты довольно больших оборотов, совершаемых в средневековую эпоху⁴. В отношении Московского государства у нас нет данных об оборотах, но, судя по большому количеству маленьких лавочек, полулавок и четвертей лавок, в которых сосредоточивалась торговля в русских городах того времени, мы можем это положение Зомбарта с гораздо большим правом применить именно к Московской Руси XVI—XVII столетий. Никто не станет отрицать, конечно, наличности крупных торговцев, в особенности среди московских гостей, но, по-видимому, преобладающей являлась торговля весьма мелких размеров. Сравнения, проводимые Поссевином и Кильбургером между Москвой, с одной стороны, и Венецией или Амстердамом, с другой, весьма характерны: указания на то, что из одной амстердамской лавки можно сделать десять и более московских или что один венецианский магазин имел больше товаров, чем целый торговый ряд в Москве, свидетельствуют о том, насколько велико было расстояние между нашей и западноевропейской торговлей.

Кильбургер приводит факт обилия лавок в Москве в доказательство того, что в Московском государстве население «от самого знатного до самого простого любит купечество», что «русские любят торговлю»⁵. На это указывает и де Родес в своих «Размышлениях о русской торговле 1653 г.». «Все постановления этой страны, — говорит он по поводу Московии, — направлены на коммерцию и торги, как это достаточно показывает ежедневный опыт, потому что всякий, даже от самого высшего до самого низшего, занимается и думает только о

¹ Чечулин. С. 132, 180, 246, 336.

² Белоцерковский. С. 65.

³ Sombart. Der moderne Kapitalismus. 4 Aufl. 1921. В. I. Т. 1. P. 309 сл.

⁴ См. мои «Лекции по истории экономического быта Западной Европы». 6-е изд. I. С. 182 сл.

⁵ Кильбургер. С. 88.

том, как бы он мог то тут, то там выискать и получить некоторую прибыль»¹.

Из этой любви русских людей к торговле, как и из многочисленности лавок сделали вывод о широком развитии торговли Московского государства. Однако, как справедливо указывает Г.В. Плеханов, эти сообщаемые иностранцами свойства русских еще ровно ничего не доказывают: многочисленностью торговцев и сильно развитым интересом к торговле отличаются и китайцы, но едва ли кто-нибудь станет утверждать, что их торговля обнаруживает крупные успехи². И у различных нецивилизованных народов мы находим большую склонность к торговле: негры, например, страшно любят торговать. Благодаря торговым сношениям с европейцами первобытные народы быстро научаются торговать, и европейцы удивляются тому, с какой скоростью они усваивают всевозможные приемы и уловки, свойственные опытному европейскому торговцу, в том числе и способность обвешивать, уверять в высоком качестве малоценных товаров и вообще совершать всевозможные обманы. Те самые народы Океании, которые еще в конце XVIII столетия при появлении Кука во многих случаях не имели никакого представления об обмене, сорок лет спустя уже оказались умелыми торговцами. Когда в 1814 г. явились испанские миссионеры в Новую Зеландию, они были поражены тем умением и той расчетливостью, с которой туземцы производили обмен товаров, как они расхваливали свои продукты и старались извлечь как можно больше выгоды из каждой операции. Стэнли с удивлением рассказывает о том, что туземцы в Маниема (в Центральной Африке) имеют столь же преувеличенное представление о ценности своих товаров, как и лавочники Лондона, Парижа и Нью-Йорка³.

По-видимому, подобная эволюция совершилась и в хозяйственной психике населения Московского государства, главным образом под влиянием сношений с иностранцами. И здесь появилась сильная любовь к торговле, жажда продавать и поку-

¹ Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса. Пер. Курца. 1914. С. 149.

² Плеханов. История русской общественной мысли. I. 1919. С. 257.

³ См.: Sartorius von Waltershausen. Die Entstehung des Tauschhandels in Polynesien. Zeitschr. für Socialnd Wirtschaftsgesch. 1895. B. VI. P. 65; Waitz. Anthropologie der Naturvölker. B. VI. P. 76. 611—612; Ratzel. Völkerkunde. I. P. 193—194.

пать. При этом обнаружались те же качества, которыми характеризуются современные неевропейские народы, — «хитрость и лукавство», заправшивание, обман. Русским приходилось, впрочем, противопоставлять это столь же бесцеремонным действиям иностранцев, презиравших восточных варваров и смотревших на Россию как на наиболее выгодное для скорой наживы место.

«Их смышленность и хитрость, — рассказывает Адам Олеарий в своем путешествии в Московию, Тартарию и Персию, совершенном в 1634 и 1636 гг., — наряду с другими поступками особенно выделяются в куплях и продажах, так как они выдумывают всякие хитрости и лукавства, чтобы обмануть своего ближнего»¹. «Купцы, — читаем у барона Мейерберга в его донесении императору Леопольду I 1661 г., — подкрепляют свои обманы ложной божбой и клятвой при торговых сделках; эти люди такой шаткой честности, что если торг не тотчас же окончен отдачею вещи и уплатой цены за нее, то они легкомысленно разрывают его, если представится откуда-нибудь барыш позначительнее»². Иоанн Георг Корб, секретарь посольства императора Леопольда I к царю Петру I в 1698—1699 гг. заявляет, что «так как москвитяне лишены всяких хороших правил, то, по их мнению, обман служит доказательством большого ума. Лжи, обнаруженного плутовства они вовсе не стыдятся. До такой степени чужды этой стране семена истинной добродетели, что самый даже порок славится у них как достоинство». Впрочем, прибавляет Корб, он не желает распространять этой характеристики на всех: «между толиким количеством негодной травы растут также и полезные растения и между этим излишеством вонючего луку алеют розы с прекрасным запахом»³. «Русские купцы по большей части от природы так ловко в торговле приучены ко всяким выгодам, к скверным хитростям и проказам, что и умнейшие заграничные торговцы часто бывают ими обманываемы»⁴. «Что касается до верности слову, — говорит Флетчер, — то русские большею частью считают его нипочем, как скоро могут что-нибудь выиграть обманом и нарушить данное

¹ Олеарий. Описание путешествия через Московию в Персию и обратно. Пер. Ловягина. 1906. С. 181.

² Путешествие в Московию барона Мейерберга, описанное самим бароном Мейербергом. Пер. Шемякина. — ЧОИДР. 1873. III. С. 90.

³ Дневник Иоанна Георга Корба. Пер. с лат. Женева и Семевского. 1868. С. 279.

⁴ Кильбургер. С. 89.

обещание». Это «вполне известно тем, которые имели с ними более дела по торговле»¹. В «Записках о Московии бар. Герберштейна» 1556 г. дается следующая характеристика русской торговли: «Торгуют они с большими обманами и хитростями и не скоро кончают торг... Ибо, прицениаясь к какой-нибудь вещи, они дают за нее меньше половины, чтобы обмануть продавца, и не только держат купцов в неизвестности по месяцу или по два, но иногда доводят их до совершенного отчаяния». «Как только они начинают клясться и божиться, — говорит Герберштейн далее, — знай, что тут скрывается хитрость, ибо они клянутся с намерением провести и обмануть»².

Такую характеристику русского купечества мы находим и у других иностранцев. «Народ по природе склонен к обману», «обман и всякого рода пороки свойственны русским», «обман в торговле слывет у них хитрой штукой и делом умным», «в делах торговых хитры и оборотливы», «им ничего не стоит нарушить договор, если это им выгодно»³ — этот рефрен повторяется у всех, за исключением таких, как Кампензе, который утверждает по поводу русских, что «обмануть друг друга считается у них ужасным, гнусным преступлением»⁴, хотя и он имеет в виду отношения русских между собою, но не их поведение в делах с иностранцами.

Но тот же Герберштейн, который жалуется на русских, что они «продают каждую вещь очень дорого и просят пять, восемь, десять, иногда двадцать червонцев за то, что можно купить за один червонец», считает нужным прибавить, что и сами «они покупают у иностранцев редкую вещь за десять или пятнадцать флоринов, тогда как она едва стоит один или два»⁵, — иначе говоря, обе стороны применяют те же приемы, платят друг другу равной монетой. В этом отношении русские торговцы могли многому поучиться у торговавших с ними иностранцев, и поэтому рассказ Олеария о том, что московские купцы упрашивали обманувшего их в торговле на большую сумму гол-

¹ Флетчер. О государстве русском. Изд. 2-е. 1905. С. 128.

² Герберштейн. Записки о Московии. Пер. Анонимова. 1866. С. 90—91.

³ Курц. Сочинение Кильбургера. Объясн. и дополн. С. 248, 250—251, 256. — ЧОИДР. 1884. IV, 10. 1896. II. 13.

⁴ Письмо Альберто Кампензе к папе Клименту VII о делах Московии. С. 34. — Библиотека иностранных писателей о России В. Семенова. Отд. I. Т. I. 1836.

⁵ Герберштейн. С. 91.

ландца, чтобы он вступил с ними в компанию¹, весьма ярко освещает картину нравов того времени. В особенности англичане приписывали своим конкурентам-голландцам все пороки, которые у них и заимствовали русские купцы. «Русские хитры и алчны, как волки, — писал в 1667 г. англичанин Коллинз, который девять лет прожил при дворе “великого царя русско-го”, — и с тех пор как начали вести торговлю с голландцами, еще более усовершенствовались в коварстве и обманах»².

Во всяком случае этот характер торговли русских с иностранцами свидетельствует о том, что капиталистической ее отнюдь еще нельзя назвать. Она производилась еще в мало развитых формах, торговец имел в виду заработать не на расширении сбыта, не на закупке товара там, где он дешевле, и т.д., а при помощи разного рода хитростей и обманов. Она напоминала, скорее, торговлю тех же англичан и голландцев в заокеанских странах, с той только разницей, что там они сплошь и рядом прибегали не только к обману, но и к насилию, от чего в Московском государстве приходилось отказаться.

Иностранцы обращали внимание на своеобразный характер торговли в Московском государстве и в том отношении, что она ведется в рядах, из которых каждый сосредоточивает товары определенного рода, напоминая в этом отношении восточные базары. В западноевропейских городах они ничего подобного не находили.

Самое замечательное и вместе с тем похвальное в Москве, — говорит Кильбургер, — это что каждый сорт товара, от самого высокого до самого низкого (простого), имеет свои определенные улицы и рынки³. «У входа в крепость, — читаем в сочинении Бальтазара Койэта, описывающего путешествие нидерландского посольства в Москву в 1675 г., — находится самая большая и самая лучшая площадь всего города, на которой с утра до ночи толпится народ. Возле площади и на соседних улицах находится много лавок, причем каждому роду товаров соответствует особая улица или место на площади; таким образом, представители одинаковых занятий или промыслов помещаются тесно друг возле друга»⁴. «Площадь так обширна, — расска-

¹ Олеарий. С. 181.

² Нынешнее состояние России, описанное одним англичанином. — ЧОИДР. 1846. I. С. 38.

³ Кильбургер. С. 174.

⁴ Посольство Кунрада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. Изд. Археологической комиссии. 1900. С. 523.

зывает Таннер в своем описании польского посольства в Москву в 1678 г., — что достаточно для торговых помещений всего города. Там виноторговцы продают разного рода вина... За ними торгуют шелковыми материями, тканями турецкими и т.п. Потом золотых дел мастера, и таким образом во всяком ряду свое производство... Любо в особенности посмотреть на товары или торговлю стекающихся туда москвитянок: нанесут ли они полотно, ниток, рубах или колец на продажу, столпятся ли так, позевать от нечего делать, — они поднимают такие крики, что новичок, пожалуй, подумает, не горит ли город, не случилось ли внезапно большой беды... Некоторые во рту держали колечко с бирюзой. Я в недоумении спросил, что это значит. Москвитяне ответили, что это знак продажности бабенок... Есть еще улица, куда ходит простой народ вычесывать грязь из головы, почему она получила прозвище Вшивого рынка. Там набросано столько волос, что шагу не сделаешь без того, чтобы не ступить, точно на подушку, на грязную их кучу»¹. «На особой улице, — читаем у Рейтенфельса, — продаются сыр, ветчина и сало, на другой свечи и воск, отдельно вещи деревянные, кожаные, конские приборы, лекарственные травы, шелк, канитель серебряная и золотая, женские наряды, ожерелья и прочее. Короче: для каждого рода товаров назначено особое место, в том числе для продажи старого платья и для низеньких лавочек брадобреев». Рейтенфельс весьма одобряет такой порядок, ибо благодаря этому каждый «из множества однородных вещей, вместе расположенных, может весьма легко выбрать самую лучшую»². Корб перечисляет всего 13 рядов³, но он соединяет по несколько рядов вместе в целые группы, ибо на самом деле их было гораздо больше. По описи 1695 г. в Китай-городе насчитывалось 72 ряда, в том числе одних рядов, торговавших материями, было до двадцати. Были ряды кушачный, рукавичный, чулочный, башмачный, голенищный, подошвенный, пушной, бобровый, соболиный и т.д. — деления, как видно, очень дробные⁴. Находим ряд для книг, другой для икон, ряд для торговли ладаном, особый ряд для продажи облачений свя-

¹ Бернгард Таннер. Описание путешествия польского посольства в Москву. Пер. Ивакина. — ЧОИДР. 1891. III. С. 61–62.

² Рейтенфельс. С. 22.

³ Корб. С. 263–264.

⁴ Зерцалов. Московский Китай-город в XVII столетии. — ЧОИДР. II. С. 30; Курц. С. 487–488.

щенников, особый монашеский ряд; специальный ряд для торговли колоколами и церковными сосудами¹.

Этот рассказ о том, что для всякого товара имеется особый ряд, повторяется постоянно в описаниях иностранцев — и у Дженкинсона в половине XVI столетия, и у Петрея в 1608 г., и у Москевича в 1611 г., и у Олеария в 1636 г., и у Зани в 1672 г.^{2,3}

Иноземцы постоянно упоминают о рынке, где «цырульники обрезают простому народу волосы на голове теми же ножами, которыми разрезают хлеб и прочую пищу», и который «так устлан волосами, что по нем ходишь, как по мягкой обивке». Но там же продавалось и много прекрасных и дорогих вещей, почему Вшивый ряд, по мнению Кильбургера, мог бы справедливо претендовать на другое название⁴. О мясном и рыбном рынках иностранцы говорят, что «приближение к ним можно узнать по запаху раньше, чем увидишь, — смрад здесь так велик, что все иностранцы затыкают нос, тогда как русские его не замечают и чувствуют себя отлично»⁵.

Различные авторы указывают на то, что такое распределение торговцев по рядам, в зависимости от вида продаваемых ими товаров, было установлено правительством: «купцам по роду их торговли назначены особые места, рынки и местности; в прочих местах торговать им не дозволяется»⁶. Этого не следует, однако, понимать в том смысле, что самые ряды созданы распоряжением властей. Они возникли, надо думать, самопроизвольно, и мы находим рядки или ряды уже в отдаленные времена, находим их не только в Москве, но и во всех других городах как необходимые места торговли⁷, где сидели местные купцы (для приезжих были гостиные дворы). Однако с течением времени обнаруживается стремление торговцев производить свои операции и в других местах, и поэтому для со-

¹ Павел Алеппский. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в пол. XVII столетия. — ЧОИДР. 1898. IV. С. 3 сл.

² Nacluits Collection. I. — ЧОИДР. 1865. IV. С. 2 сл.; Устрялов. Сказания современников о Дмитрие Самозванце. II. С. 56 сл.; Олеарий. С. 105 сл.; Ивакин. Бернгард Таннер. — ЧОИДР. 1891. III. С. 138–147, 151, 156.

³ На это указывает и Marperger: Moskowitzscher Kauffmann. 1723. P. 153.

⁴ Кильбургер. С. 174.

⁵ Там же. С. 111.

⁶ Корб. С. 263.

⁷ См. Ильинский. Городское население Новгородской области в XVI в. — ЖМНП. 1876. VI. С. 214, 221.

хранения прежнего постепенно переживающего себя порядка правительству приходится выдерживать сильную борьбу с торговцами. В 1626 г. было приказано, чтобы «в рядах торговые всякие люди сидели с товары своими; которыми товары в котором ряду торгуют, где кому указано, а порознь бы никто никаков человек с разными товары в иных рядах не торговали». К этому прибавлено, чтобы торговцы «по кресцом ни с какими мелкими товары и в воротах и в окнах и на скамьях ни с каким товаром не сидели и не торговали, а торговали в рядах и сидели на скамьях с товары своими, где кому даны места»¹. Этих бродячих торговцев, стоявших в воротах и сидевших на окнах или расхаживавших, старались «усадить»: «по рядам с белой рыбицей не ходить», по рядам на веках с «сельдми не ходить», «со слобными калачами не ходить», «сидети с пирогами в лукошках»². Однако едва ли эта борьба с ходячими торговцами, которых «переводили» и «ссылали» в другие места, приводила к лучшим результатам, чем стремление рассадить всех и каждого, «которыми товары в котором ряду торгуют». Нам известно, что запрещение торговать в неуказанных рядах повторяется неоднократно, например, в 1676 г. о запрещении торговли на Красной площади, по перекресткам и в иных неуказанных местах разными мелочными товарами, кроме рядов, в 1683 г. о торговании всякими товарами в указанных рядах по учиненному расписанию, в 1685 г., 1698 г., 1704 г.³ И все же в лапотном ряду можно было купить веревки и кадки, в конюшенном — беличий мех, в овощном — сургуч или слоновую кость, в скобяном — ремни и многое другое⁴.

Возможно, что такое несоответствие между названием ряда и продаваемыми в нем товарами объяснялось и тем, что многие торговцы сбывали весьма разнообразные товары одновременно — характерная особенность малоразвитой торговли. Так, например, в различных городах, находившихся поблизости от Москвы — Коломне, Можайске, Муроме, мы не только находим по два и даже по три ряда, имеющих одно и то же название, но знаем, что действительно «в лавках какого-нибудь ряда не торговали одним и тем же товаром»; мало того, «в одной и той же лавке торговали совершенно разными товарами». Точно так же в Пскове в ряду сапожном в одной лавке торговали не

¹ Рожков. Происхождение самодержавия в России. 1906. С. 159.

² Довнар-Запольский. С. 47.

³ ПСЗ. II. № 660. 771. 1038. 1040. 1054. 1139; III. № 1649; IV. № 1971.

⁴ Курц. С. 487.

только сапогами, но одновременно и самопалами, в мясном ряду встречаем лавку, которая торгует и сельдями и льном, в хлебных лавках торговали не только молоком, маслом, солью, квасом, яблоками, сельдями, но также сеном, лаптями, свечами, сундуками, посудой, железом; в сурожском ряду перечислены в разных сочетаниях как сукна и пуговицы, так и скляницы, ладан и свечи и даже золото и серебро. В Туле часто в одной лавке продавались совершенно различные товары — например, мед и рыба, мед и сельди, мед и соль, даже мед и железо или шапки и яблоки¹.

Но и в Москве мы можем установить подобного рода случаи торговли разнообразными товарами, когда «человек торгует одновременно в сафьянном и лоскутном рядах и в нижнем щепильном ряду, владеет одновременно кузницей или лавкой в котельном ряду и в то же время держит квасную кадь и сусленый кувшин»².

Для Москвы, однако, еще более характерно то обстоятельство, что даже крупные торговцы одновременно торговали самыми разнообразными товарами, а к этому присоединяли еще и другие операции. Так, например, собранные в 1648 г. выписи из таможенных книг о привезенных гостем Василием Шориным товарах свидетельствует о том, что в 1645 г. он провез через Архангельскую таможню 7 $\frac{1}{2}$ половинок сукна, 200 аршин атласу, 25 аршин красного бархата, золото пряденое в мишур, но также тонкую медь, красную дошатую медь и 100 тысяч иголок, а на другом дощанике¹² находилось 16 медных колоколов весом в 256 пудов и 860 стоп писчей бумаги. В другом году им провезены были бакалейные товары. Из предметов вывоза приказчики Шорина везли сало топленое, клей, масло, рыбу, икру, но также юфть и весла. Так что один и тот же купец торгует сукном и бархатом, медью, иголками, бумагой, маслом, рыбой и, наконец, юфтью. Кроме того, ему же принадлежало в Соли Камской четыре варницы с семью рассольными трубами. «В том же акте есть и выписи из таможенных книг о провезенных товарах гостиной сотни Семена Задорина и ярославца Федора Кислово. Их товары отличались таким же разнообразием». В 1635 г. был произведен сыск по государеву указу в торговых предприятиях кадашевца Фролки Меркурьева, причем оказалось, что за ним числятся лавки в рыбном, масляном

¹ Чечулин. С. 134, 195, 305.

² Довнар-Запольский. С. 29.

и сельдяном рядах и каменный погреб, а кроме того, он держал откупы в разных городах — в Можайске тамгу^{13*}, кабак, сусло, квас и гостиный двор, кабаки в Торопце, Вязьме, Переяславле Рязанском. Московские купцы вообще старались захватить в свои руки доходные статьи в провинциальных городах. В Саратове, например, в руках московских кашашевцев, или торговых людей гостиной и суконной сотен, находились рыбные ловли, кабацкое питье, торговые бани, квас, сусло, уксус, морс, проруби и портомойни, перевозки. Из росписи доходных статей 1701 г. видно, что дворцовые статьи сданы на откуп почти исключительно московским торговым людям, именно промысловые статьи, охватывавшие рыбную ловлю во всем Поволжье. Они обнаруживают торговую и промышленную деятельность как в Поволжье, так и на севере. Они приобретают на севере земли и соляные варницы, являются кредиторами земских миров, ссужают их деньгами, и таким образом черное крестьянское землевладение оказывается в зависимости от купеческого капитала¹.

Здесь мы находим уже зачатки нарождающегося капитализма. Не в обилии лавок и не в желании населения торговать выражаются они, а в стремлении москвичей производить торговлю и рыбные промыслы в Поволжье и на севере, в их откупах и промыслах разного рода; в этом, как и в производимых ими кредитных операциях, обнаруживается новый дух, стремление к накоплению. Впрочем, самое разнообразие их деятельности, соединение торговли всевозможными видами товаров с соляными и рыбными промыслами, с откупами, со ссудами — все это не свидетельствует о значительной степени развития коммерческой деятельности; дифференциации в коммерческой области еще не обнаруживается. Но не следует упускать из виду, что и в западноевропейских странах мы вплоть до XVIII столетия находим еще в этой сфере мало специализации; лишь постепенно отделяется розничная торговля от оптовой, банковая деятельность от торговли, устанавливается специализация в отношении товаров, которыми торгует купец. В таких городах, как Париж и Лондон, розничная торговля уже разбита на большое количество специальностей, но даже в провинциальных городах Франции, а тем более в городах австрийских или германских еще в XVIII столетии сохраняется обычай торговать самыми разнообразными товарами одновременно. Так что в этом

¹ Довнар-Запольский. С. 26—27.

отношении значительной разницы между Россией и Западом мы не найдем. Напротив, различие обнаруживается, например, в том, что в западноевропейской торговле широко развиты были вексельные операции, расчеты при помощи трассирования векселей; банкиры почти исключительно занимались в то время куплей и продажей векселей. У нас же вексель еще совершенно не был известен и самая торговля в значительной мере совершалась в форме мены — товар на товар. Мы не говорим уже о бирже и биржевых операциях, о государственных займах, в которых купцы на Западе принимали деятельное участие. Все это было чуждо торговле Московского государства¹.

Но на Западе мы можем установить к этому времени и сложившийся торговый класс. То время когда торговлей занимались венецианские и генуэзские дожи и нобили, церкви и монастыри, папы и патриархи, короли и герцоги — словом, все, что угодно, — ушло уже в область предания. В Московском государстве находим, напротив, именно эту картину: торгуют все «от самого знатного до самого простого» (Кильбургер), «от самого высшего до самого низшего» (де Родес)². Торгуют бояре, торгует духовенство, торгуют и все другие сословия. «Все бояре без исключения, даже и сами великокняжеские послы у иностранных государей везде открыто занимаются торговлей; продают, покупают, променивают без личины и прикрытия»³. В Туле в самом конце XVI столетия посадским черным людям принадлежало всего 20% торговых помещений, все остальные 80% находились в руках частью ратных людей (30%), среди которых были стрельцы, пушкарки, частью служилых людей всякого рода; упоминаются среди торгующих и четыре монастырских старца, и игуменов слуга, и многие другие. По данным 1625 г. роль посадских в торговле повысилась, но и теперь они не превышали 37% торговцев, ратные люди по-прежнему владели 31% всех торговых помещений⁴. В Пскове положение было иное: в конце XVI столетия 80% всех торговых заведений принадлежало черным тяглым людям, но все же и здесь находим среди остальных 48 лавок ратных людей, 123 заведения, где торгуют духовные лица, и 81 торговое помещение, принадле-

¹ См. Кулишер. Лекции по истории экономического быта Западной Европы. Изд. 6-е. Ч. II, отд. 3. IV. гл. 5—6. V. гл. 2.

² Кильбургер. С. 88; де Родес. С. 149.

³ Путешествие Мейерберга. С. 92.

⁴ Белоцерковский. С. 64, 96.

жащее церквам. При этом в среднем на каждого владельца приходится по 1—1,3 лавки, тогда как на каждую церковь по 3 лавки. В Можайске 27 человек из духовенства занимались торговлей; среди них были и игумены, и священники, и дьяконы, им принадлежало свыше 40 лавок, именно 10% всего числа лавок, духовные же лица составляли 20% всех жителей; причем лавки духовенства имелись не только в иконном ряду, но и в пушном, сапожном, овчинном, седельном, солодяном, рыбном, мясном; 2 священника, церковный дьячок и сторож имели 2 амбара и 4 скамьи. В Коломне ратным людям принадлежала треть всех торговых заведений, в Свияжске стрельцы владели четвертой частью всех лавок, в Казани одной десятой¹.

Большую роль в торговле этой эпохи играло духовенство. Монахи не только владеют поместьями, но они также, по словам Флетчера, самые оборотливые купцы во всем государстве и торгуют всякого рода товарами². «Монахи не уступают никому в торговле, занимаются столько же, сколько и другие, покупкой и продажей, держат суда, плавающие с товарами»³. Так, например, астраханский Троицкий монастырь выпросил себе при Грозном право выстроить в Астрахани лавку, покупать и продавать в ней беспошлинно на монастырский обиход, право держать судно-белозерку или дощаник, в длину от кормы до носа 30 саженей, и перевозить на этом судне соль и рыбу из Астрахани вверх Волгою до Ярославля и Окою до Калуги, продавать эти и другие товары и другие беспошлинно⁴. И в других местах монахи торговали солодом, хмелем, хлебом, лошадьми, рогатым скотом и всем, что могло приносить прибыль⁵. Это находилось в тесной связи с обилием у монастырей земель, мельниц, рыбных ловель, пчельников, которые были получены от жертвователей. Отсюда избытки хлеба, меда и воска, рыбы и других продуктов, которые пускались в продажу. Набожные помещики, как и прочие жители, возили монастырям в дар и зерно, и конопляное масло, горох, холст, овчину⁶. «Стольник Беклемишев дал вкладу (в монастырь) двух мериннов, мерин гнедой да мерин карий, да конь саврас, стольник

¹ Чечулин. С. 130—132, 167, 190, 219, 327.

² Флетчер. С. 100.

³ ЧОИДР. 1881. IV. С. 24.

⁴ Соловьев. Ист. Росс. VII. С. 66.

⁵ Рущинский. Религиозный быт русских. С. 143.

⁶ (Рославлев). Опыт исследования об имуществах и доходах наших монастырей. 1876. С. 29.

Десятой дал вкладу мерин сер, старец Дионисий дал вкладу шесть ульев пчел, старец Мелетий дал вкладу невод... Поп Максим дал вкладу 15 четвертей с осьминою ржи и пшеницы и всякого хлеба, да лошадь, да корову»¹.

Как велики были богатства монастырей, можно усмотреть, например, из кормовой книги Кирилло-Белозерского монастыря XVII столетия, где вместе с кормами вписаны и вклады, принесенные в монастырь в виде денег, имений и драгоценных вещей. Из денежных вкладов наиболее крупными являлись пожертвования Иоанна Грозного, составившие свыше 24 тыс. руб., или более 100 пудов серебра. Все это пожертвования после смерти разных лиц на поминовение их душ. Принесенные монастырю вещи состояли из образов и панагий, церковных облачений из атласа и бархата, обычно унизированных драгоценными камнями и жемчугом (пожертвованные Грозным оценивались в 6 тыс. руб.). Далее находим многочисленные шубы собольи, горностаевые, куньи, беличьи, чаши, чарки, кубки, часы, ложки серебряные, колокола, ожерелья. Так, например, старица Агафья пожертвовала жемчужное ожерелье, князь Вельской золотую чару, Шипулин чашу кизылбашскую (восточную) с серебряными кольцами, Дмитрий Годунов лампаду серебряную, Дмитрий Воронцов колокол в 30 пудов, царица Мария Федоровна по сыне своем Дмитрии Иоанновиче 3 чаши серебряных столовых больших, судки серебряные столовые, уксусницу, перечницу, рассольник, блюдечко, стопу. Дары состояли и в зерне, соли, лошадях².

Неудивительно после этого, если Майерберг заявляет: «говорят, что монастыри наделены такими богатыми вкладами благочестивых людей, что вместе с высшим духовенством владеют будто бы третью частью всех поместьев в Московии»³.

Огромные сокровища монастырей, результат добродетельных деяний благочестивых людей, давали им возможность и в эту эпоху заниматься и кредитными операциями. Вопрос 16-й Грозного Стоглавому собору¹⁴ касается отдачи в рост церковной и монастырской казны: «Угодно ли Богу и что о сем Божественное писание глаголет? И мирянам лихоимство возбраня-

¹ И.Л. Историческое описание оптинн. Иозельск. пустыни. С. 41 сл.

² Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря. — Записки отдела русской и славянской археологии Императорского археологического общества. I. 1851. С. 46.

³ Мейерберг. С. 42.

ет, нежели церквам Божиим деньги в росты давати и хлеб в монастырь, где то писано в святых правилах?» По словам Василиана Косого, монахи, «волнуемые сребролюбием и ненасытностью», всевозможными способами угнетают население, живущее в селах, «налагая проценты на проценты». «Иноки уже поседелые, — прибавляет он, — шатаются по мирским судилищам и ведут тяжбу с убогими людьми за долги, даваемые в лихву». Не менее решительно высказывается другой монах, Максим Грек, говоря о монахах: «мы бесчеловечным образом взимаем проценты на проценты, доколе не выплатят занимаемый капитал». А с того, кто из-за крайней нищеты не в силах уплатить проценты за год, взимаются на следующий год двойные проценты или, разграбив все имущество, выгоняют людей, о которых, по св. Писанию, церковь более всего должна заботиться¹.

Но больше всего, по-видимому, торговал сам царь. «Если кто-нибудь привезет в Московию какие бы то ни было товары, — рассказывает Герберштейн, — то он должен немедленно заявить и показать их сборщикам пошлин или начальникам таможи. В назначенный час они осматривают и оценивают их; даже и когда они оценены, все еще никто не смеет ни продавать их, ни показывать их прежде, нежели они будут показаны царю. Если царь захочет купить что-нибудь, то в ожидании этого не позволяется, чтобы купец показывал свои вещи или чтобы кто-нибудь надбавлял цену»². Это писал Герберштейн в 1549 г., а сто лет спустя Майерберг также повторяет, что, привезя товары, никто не может предлагать их на продажу, пока царь не объявит о том, намерен ли он купить их³.

На это указывает и де Родес. Когда греки привозят в Москву свои товары — богатые золотые ткани, ковры, бархат, — «им не позволяется показывать ни малейшей части товаров никому, кто бы он ни был, прежде чем гости их царского величества, которые для этого специально отряжены, не осмотрят их. Затем эти товары раскладывают и показывают их царскому величеству; он тогда выбирает, что ему самому нравится, а под видом этого берут также гости из того, что им кажется хорошим, остальные же они (греки) могут потом продавать, кому хотят»⁴.

¹ Хлебников. О влиянии общества на организацию государства. С. 131; Костомаров. Русская история. II. С. 377; Опыт исследования об имуществе монастырей. С. 33.

² Герберштейн. С. 89.

³ Мейерберг. С. 174.

⁴ Де Родес. С. 161.

Не освобождены были от этой обязанности и англичане даже в ту эпоху, когда они находились в привилегированном положении. Из привозимых ими узорочных тканей и драгоценных камней лучшее отбиралось в казну на царскую потребу. Так, по росписи 1613 г. англичане доставили в казну 29 зерен жемчуга, 29 камней яхонта лазоревого, 144 зерна жемчуга, низанного по белому атласу, 6 поставов сукна багрецу, 7 поставов сукна лундышу (лондонского) разных цветов и 125 аршин шелковых тканей, причем эти товары были оценены англичанами в 875 руб.¹ Они обязаны были доставлять товары казне по закупочной цене и поэтому привозили их, по-видимому, в недостаточном количестве, как жаловалось русское правительство.

При этом купленные товары вовсе не поступали только в царский обиход, а в широких размерах перепродавались. Об этом подробно сообщает Флетчер (писавший в самом конце XVI столетия) в главе с характерным названием «О мерах к обогащению царской казны имуществом подданных». Так, для обогащения казны отправляются нарочные в местности, где имеются меха, воск, мед, и там забираются целиком один или несколько из этих товаров по той цене, которая казной же назначена, а затем эти товары перепродаются по высокой цене как своим, так и иностранным купцам; если же они отказываются от покупки, то их принуждают к тому силой. Подобным же образом казна присваивает себе иностранные товары, как-то: шелковые материи, сукно, свинец, жемчуг, привозимые купцами турецкими, армянскими, бухарскими, польскими, английскими и другими, и потом заставляет своих купцов покупать эти произведения у царских чиновников по цене, ими же назначенной. Наконец, прибавляет Флетчер, на некоторое время обращаются в монополию произведения, доставляемые в виде податей, как-то: меха, хлеб, лес, — и в продолжение этого времени никто не может продать этот товар до тех пор, пока не будет распродан товар царский².

На этих «заповедных» товарах, составлявших монополию казны, останавливается подробно де Родес. Так, казна выручает большую прибыль на персидском сыром шелке, «который его царское величество через своего “купчину” выменивает от персидского государя на сукна, красную медь, соболей и золото, а чтобы получить на этом еще больше прибыли, всем купцам запрещено торговать в Персии подобным товаром». Пуд шел-

¹ Любименко. — ЖМНП. 1916. XII. С. 153.

² Флетчер. О государстве русском. С. 51.

ка, доставленный в Россию, обходится не более 30 руб., или 50 рейхсталеров, а продается за 45 руб., причем «русские гости», которые избираются из значительных купцов и состоят как бы факторами¹⁵ царя, обыкновенно продающими шелк, раз получив высокую цену, все время ее требуют», забывая о том, что покупатель должен считаться с рынком; а из-за этого часто шелк лежит несколько лет и происходит большая потеря на процентах. Так произошло с приобретенными де Родесом (по поручению ревельского жителя Паульсена) 107 тюками шелка, которые не хотели продать за 80 рейхсталеров за пуд, а продали по 93, но лишь спустя 5 лет; между тем если к 80 рейхсталеров прибавить 8% за эти годы, то получится гораздо больше — 100. Де Родес обращался к тестю царя боярину Милославскому с предложением от «некоторых значительных купцов, ведущих большой мировой торг», нельзя ли устроить, чтобы весь шелк, получаемый из Персии, поступал в казну; в этом случае они желали бы законтрактовать на известное количество лет весь шелк частью в обмен на товары, имеющие сбыт в Персии, частью за наличные деньги. К этому он прибавил, что операция с шелком «притянет к себе и привлечет не только еще и другие товары, которые добываются в Персии, но и значительную часть индийской и особенно китайской торговли и что вышеназванные купцы будут стремиться все получать из казны»¹. Кильбургер 20 лет спустя (в 1674 г.) повторяет многое из сообщаемого де Родесом о шелках, но обращает внимание на то, что теперь торговля шелком уже может производиться свободно всеми подданными².

Ревень также, как указывает де Родес, доставляется в казну, и никакому частному лицу не дозволяется им торговать³. Это было и во времена Кильбургера, который считает нужным, однако, присовокупить, что «зимой много тайно провозится и продается» и много совершается обманов при продаже ревеня; последний хорошо известен в аптеках и ценится в качестве слабительного⁴.

«Те товары, которые русские в свою очередь везут в Персию, — продолжает де Родес, — заключаются большей частью в красной меди, сукнах, соболях и других мехах... Этих товаров простые люди также не могут открыто доставлять персам, потому что это также запрещено и их царское величество вывозит

¹ Де Родес. Донесения. С. 151—153.

² Кильбургер. С. 150—151.

³ Де Родес. С. 153.

⁴ Кильбургер. С. 106.

их туда посредством своих гостей». «В астраханской области у Каспийского моря, — читаем у него далее, — ежегодно вываривается большое количество соли и там ловится различного рода большая рыба... Соль и рыба принадлежат гостям царя, которые приказывают как соль, так и рыбу... развозить вверх по Волге в Нижний... и распределять по всей стране». Она «продается маленькими партиями меньшим купцам, которые распродают их в свою очередь по мелочам разносчикам»¹.

И «кавиар», или икра, «принадлежит их царскому величеству», и его «обыкновенно законтрактовывают англичане и везут в Италию, но теперь он законтрактован на несколько лет голландцами и итальянцами, состоящими вместе в компании»; на этом «царь ежегодно имеет не менее значительную прибыль». Позже, во время путешествия Корба (в 1698 г.), икра была отдана на откуп одному голландцу².

Никому не дозволяется, по словам де Родеса, торговать и хлебом. Напротив, вести торговлю мехами может каждый, но с получаемых из Сибири мехов в казну поступает десятина. Этими мехами царь платит грекам за покупаемые у них ковры, шелковые и золотом тканые материи; если же остается излишек мехов, то они раздаются для сбыта гостям, которые на этом выручают прибыль, но иногда вынуждены и приплачивать³. Кроме этих товаров, были еще и другие, составлявшие монополию казны и сдаваемые на откуп. Так, в 1653 г. голландские купцы Фохелаар (Фоглер) и Кленк взяли на откуп вывоз нефти и конопли, в другие годы казна производила торговлю пенькой⁴. Смола в 1649 г. была отдана беспощлинно иноземцу гостю Винниусу, позже ее получил Гебдон, когда же она не была на откупу, то двинские таможенные головы сами должны были покупать смолу у русских и продавать ее иностранцам⁵.

Как мы видим, казна весьма затрудняла торговлю частных лиц, со своей стороны торгуя наряду с ними или же запрещая им торговать теми же товарами, эксплуатируя самостоятельно монополии или сдавая их на откуп.

Орудием царя при этих разнообразных его коммерческих операциях являлись — как можно усмотреть из приведенных цитат из де Родеса — гости, привилегированная группа среди куп-

¹ Де Родес. С. 159—163.

² Де Родес. С. 15—58; Корб. С. 251.

³ Де Родес. С. 157.

⁴ Посольство Кунрада фон Кленка. С. XI; Гурлянд. Ив. Гебдон, комиссарице и резидент. 1903. С. 65 сл.

⁵ Гурлянд. С. 56 сл.; Курц. С. 277 сл.

цов, члены которой (среди них попадались в виде исключения и иностранцы) имели личные жалованные грамоты, доставлявшие им различные преимущества — изъятие от путевых поборов, от всякого тягла и поборов, право держать безьявочво всякое питье, покупать вотчины, свободно ездить в пограничные государства. Гости ведали таможенными доходами, рыбными и соляными промыслами, они же закупали для царя товары и производили от его имени и на его счет торговые операции, заключали подряды с иностранцами¹. Торговцы, как и народ, относились к ним весьма враждебно за их взяточничество, за притеснения, чинимые ими более слабым, за их корыстолюбие — пользуясь своим привилегированным положением, они могли производить более выгодные операции, чем рядовые купцы, и подрывали торговлю последних.

Очень резко отзывается о гостях Кильбургер, называющий их царскими коммерции советниками и факторами, неограниченно управляющими торговлей во всем государстве. «Это корыстолюбивая и вредная коллегия, довольно многочисленная», проживающая в разных местах и имеющая, благодаря своему званию, право повсеместной первой купли. Не имея возможности везде лично осуществлять свои права, они в больших городах назначают живущих там знатнейших купцов, которые пользуются привилегиями гостей, и ради своей частной выгоды препятствуют развитию торговли. Гости «оценивают товары в Москве в царской казне, распоряжаются в Сибири соболиной ловлей и соболиной десятиной, как и архангельским рейсом, и дают советы царю и проекты к учреждению царских монополий». Гости препятствуют всякой свободе торговли, чтобы «они могли тем лучше разыгрывать хозяина и набивать свои собственные карманы». Простые купцы питают к ним вражду, и «если когда-нибудь, — прибавляет Кильбургер, — произойдет бунт, то чернь им всем свернет шею»².

И. М. Кулишер

¹ Костомаров. Очерк истории торговли Московского государства. С. 155.

² Кильбургер. С. 164.

МОСКОВСКИЕ ГОРОДСКИЕ РЯДЫ И ГОСТИННЫЙ ДВОР

Как положение Москвы в недрах рождавшегося государства дало ей все преимущества быть сердцем России, так и положение ее на перекрестке древних промышленных, сухопутных сообщений запада с Болгаром, складом восточных богатств на Волге, и юго-востока с севером искони предназначило ее быть житницей и казною сокровищ земли Русской. В четырнадцатом столетии Москва уже славилась богатством и торговлею. Описывая расхищение Москвы Тохтамышем в 1382 году, летопись говорит: «преж век чуден град, и многое множество людей бяше в нем, кипяше богатством и славою, превзыде вся грады Русской земли». После падения Новгорода и завоевания царства Казанского вся торговая их деятельность и прямые сношения с Востоком и Западом сосредоточились в Москве. В это же время победы магометан заперли все пути левантской торговли, и промышленному Западу оставалась одна возможность приобретать сокровища Азии через посредство Москвы.

Несмотря на истребительные пожары Москва быстро возрождалась из пепла. После пожаров в XV столетии в 1580 году, по составленной в то время описи по указу Великого князя Василия Иоанновича, считалось уже в Москве 41 500 домов. Деревянная ограда Скородома, бывшая на окружении теперешней Садовой улицы, выстроена в 1591 году при Феодоре Иоанновиче; но, вероятно, это было возобновление после пожара 1571 года ибо, по словам Олеария с рассказов жителей, до 1571 года стена Скородома тянулась на 5 миль, т.е. 35 верст. После совершенного истребления в 1571 году, во время нашего шествия Девлет Гирея, когда в стенах московских погорело более 800 000 стесненного татарами в огонь народу¹, в начале XVII столетия, по сказанию Бера, считалось до 3 000 одних церквей, а в 1630, уже после сожжения Китай-города и Белого города поляками в 1611 году, по словам Олеария, более 2 000 храмов².

¹ История государства Российского. Т. IV. Прим. 556.

² Не упоминаем о бывшем в Москве при Годунове Петрее, который пишет, что в Москве 4500 церквей с приделами, кроме 50 в Кремле; по Musskow-Reise в Кремле 35, в Москве 5300.

Это быстрое возрождение Москвы, которому мы были очевидцы после 1812 года, есть следствие могучего сосредоточия в ней русской жизненной силы и торговой промышленности; и не даром императрица Екатерина называла Москву целым миром.

Обширные торговые обороты, своз произведений природы, земледелия и ремесла со всей Русской земли и разнородных иноземных товаров со всех сторон света требовали постоянно-го, удобного и безопасного места для склада. Искони этим торжищем Москвы был Китай-город, где с давних времен были ряды, лавки, подворья всех главных торговых русских городов, посольский двор для послов иноземных и гостиный двор, для иноземных гостей-купцов, приезжавших с товарами.

Здание гостиного двора строилось царскою казною и составляло ее доход; гости в казне и нанимали в нем лавки и палатки; но часто доходы с лавок гостиного двора давались в награду дворянам царским за службу, точно так же как поместные земли, или дачи, на известное время — пожизненно или в отчину, т.е. в наследие.

Уже в начале XVI столетия гостиный двор был каменный¹, и, без сомнения, с самого учреждения его иначе не могло быть, потому что иначе приезжие купцы для хранения товаров нанимали бы палаты или палатки в каменных храмах, как это водилось некогда.

Религиозное родство руссов с греками сблизило и утвердило взаимные торговые сношения. Образцом гражданского развития, общественности, удобств и роскоши жизни был Царь-Град, и это продолжалось до покорения его турками, когда все искусства и художества Греции бежали в Италию, как некогда боги золотого века в Египет. Промышленная Венеция преимущественно привлекла к себе художников и все ремесленное образцовое производство. Если бы иго монголов не тяготело уже над Россией, весь этот мир переселился бы на ее почву. Только со времени Иоанна III, восстановившего самобытность России, ожила в ней деятельность духа и промысла. Понадобились снова образцы и учителя; но духовная Греция хранилась уже только в духовном сане; а развитие ее художественного мира смешалось с духом Италии. Представителями этого мира были уже греко-итальянцы. Их и призывали. Но и до этого времени возрождения Россия не оставалась без существенно необходимых ремесел и искусств, хотя и остававшихся на той степе-

¹ Herberstein.

ни совершенства, на которой застигло их падение Константинополя. У нас сохранялась еще школа греческой храмовой живописи, были мастерские золотошвейного, сканного, обронного и финифтяного дела, литейные заводы, суровские, или шелковые, и суконные фабрики, чему служат доказательством слова летописи под 1382 годом: «сущих в граде (в Москве) сурожан¹, суконников и купцов и всех людей храмы наполнены суть богатства и всякого товару...». Во время Федора Иоанновича на дворе царском была фабрика для ткания парчи, штофа и бархата. Управлял ею венецианец Марко Чинопи.

«Все русские ремесленники превосходны, — пишет Маскевич (в 1610 году), — весьма искусны и так смышлены, что все, чего с роду не видавали, не только не дельвали, с первого взгляда поймут и сработают столь хорошо, как будто с малолетства привыкли, в особенности турецкие вещи: чепраки, сбруи, седла, сабли с золотою насечкою. Все эти вещи не уступят настоящим турецким».

Действительно, старинная русская выковка булата не уступала восточной.

Кроме этого были и полотняные фабрики, на которых ткали полотно, скатерти и убрusy (платки). По сказанию Кошихина, для царского обихода занимались тканьем на Москве слобода Кадашева и в 350 верстах слобода Брентова, подать которых и состояла в этом производстве.

Здесь кстати заметить, что в России издавна целые города и слободы как будто были посвящены разным искусствам и ремеслам, славились ими и передавали из рода в род. Так, Суздаль славился иконописью; Троицкий Посад точеньем, резкою и выделкой деревянных сосудов; Устюг сканью и производством золотых и серебряных вещей с наводом черни; Торжок сафьянной златошвейной обувью; Вологда сальными заводами; Муром калачами; Коломна пастилой; Калуга пряным тестом; Вязьма пряниками; Тула оружейным мастерством и пр. Москва сосредоточивала в себе все эти рассеянные по России производства. Каждый город имел в Китай-городе свое подворье и свой ряд лавок. Это было причиною, что косметических магазинов не было, и торговля производством одного ремесла не мешалась с другою.

¹ От названия сурового шелка сырцом происходят название суровские, т.е. сырцовые (serieum) ряды, и слово сурожане, т.е. шелковники.

«Площадь перед Кремлем, — пишет Олеарий (в 1630 году), — есть главный рынок города. В продолжение целого дня тут кишит народ. Вся эта площадь полна лавками, а равно и все прилегающие к ней улицы. Но каждое ремесло имеет свою улицу (ряд) и свой квартал (четыре); так что купцы, торгующие шелком, не смешиваются с продавцами сукна и полотна, ни золотых дел мастера с седельниками, сапожниками, портными, меховщиками или другими ремесленниками. Каждое производство и каждое ремесло имеет свою улицу. В середине рядов, в лавках с бельем, сидят торговки. В образном ряду не продаются, но меняются без всякого торга образы. Есть также пушной ряд, который завален пуховыми матрацами.

Церковь Пречистой Казанской Божьей Матери построена близ ряда, где ножовщики имеют свои лавки».

Из этого описания видно, что ряды искони имели почти то же расположение, как и теперь.

Гостинный двор, предназначенный для гостей в старом значении слова, когда купечество наезжало в города в определенное торговое время, издавна существовал на том же месте, где и теперь; но исключительно для иноземных купцов.

После пожара в 1626 году, когда сгорел и гостинный двор, обнесенный каменной стеною, но, вероятно, с деревянными лавками, царь Михаил Федорович в тот же год указал окольному князю Григорию Константиновичу Волконскому «устроить разного звания ряды на гостином дворе, лавкам быть по-прежнему».

Этот так называемый старый гостинный двор окончен в 1641 году, как видно было из существовавшей надписи над воротами двора против церкви великомученицы Варвары.

По плану, приложенному к путешествию Мейерберга, и описанию Москвы в бытность его в ней, с 25 мая 1661 по 6 мая 1662 года, это здание было с башней над воротами со стороны Варварки. Из сохранившихся документов времен царя Алексея Михайловича видно, что с 1661 года строился также гостинный двор, оконченный в 1664 году¹; но составляло ли это возобновление старого гостиного двора или пристройку к нему, нельзя определить, несмотря на существовавшую новую надпись над воротами, на которой означено было построение гостинного двора в 1664 году.

¹ Материалы полной и сравнительной статистики Москвы. М. Гастева.

Спустя около ста двадцати лет здание так обветшало, что то там, то сям грозило падением. Покуда тянулось дело о сломе старого гостиного двора и о постройке нового, было предписано: «строжайше наблюдать, чтобы на тех местах, которые угрожают падением, ни проезду, ни торгу не было». В 1789 году решено было наконец продать гостинный двор купечеству с аукциона по частям. С 1794 года застроен нынешний гостинный двор, приведен к окончанию в 1805 году и возобновлен после пожара в 1812 году. На время постройки нового гостиного двора владельцам лавок отведены были места на Красной площади, подле Кремлевской стены. С 1786 года тут и выстроен был ряд каменных лавок, который впоследствии и был уничтожен. Лавки перенесли в новый гостинный двор, а мелочные торговцы, кочевавшие в шалашах по Красной площади и Ильинке, помещены в линии шкафов, составивших фасадную стену гостиного двора, против ножевой линии и питейных погребков, существовавших тут исстари и украшавшихся навесами с подвесками из цветной крашенины^{15*}.

Кроме существенных произведений почвы России, составляющих прочное ее богатство, дорогие меха были одним из прибылейнейших сбытов Москвы за границу. «В Москву во время зимы, — писал Контарини в 1473 году, — съезжается множество купцов из Германии и Польши для покупки различных мехов — собольих, волчьих, горностаевых, беличьих, рысьих. Меха эти добываются не в самой Московии, а гораздо далее на северо-восток, но привозятся обыкновенно в Москву на продажу».

«Москвитяне, — писал Павел Иовий в 1525 году, — отпускают в Европу лучший лен, коноплю для канатов, воловью шкуру и множество воска. У них нет золотых и серебряных рудников; а также во всей стране не замечено драгоценных камней; но природа, лишив их этих сокровищ, щедро вознаградила за то богатыми и редкими мехами, которые в наше время, по значительному на них требованию, до такой степени возвысились в цене, что мех для шубы стоит не менее тысячи золотых монет».

Описывая московские ряды и казенный гостинный двор, не излишним будет объяснить различие торговли прежних времен с настоящей. Древняя наша внутренняя торговля была собственно ярмарочная; каждый производитель, земледelec, ремесленник, платя подать собственно своим произведением, вез его в известное время года на ближайшую ярмарку или в город, торговал на возу, раскидывал палатку или заводил лавку. Внешняя, оптовая или сложная торговля была царская до времен

Петра Великого. Гостями назывались приезжие из других стран торговые люди и те из посадских людей, которые по знанию какого-либо промысла избирались на царскую службу по внешней торговле и посылались с товарами в иностранные земли. Из них собственно и составлены были гостиная и суконная сотни. За доставленную прибыль по царской службе и радение давалось им в награду почетное звание гостя, с правом на вольный промысел и на откуп некоторых статей казенной, внутренней и внешней торговли.

Статьи Кошихина о гостях и торговле царской, в сочинении его «О России в царствование Алексея Михайловича», более поясняют этот предмет:

«1. Гости; и в тех гостях бывают из торговых людей, гостиной и суконной сотен, и из посадских людей. А бывают они гостиным именем пожалованы, как бывают у царских дел в верных головах и в целовальниках у соболиные казны, и в таможенных, и на кружечных дворах; и торги своими торгуют и всякими промыслы промышляют; и волно им в домах своих, про свой расход, держати питье, и варити, и курити, чрез целый год, также волно и вотчину купити, и держати, и под заклад имати. И будучи в гостях, потому ж бывают в царских службах, по переменам, у соболиные казны и у денежных сборов в головах и во дьячех. А будет их близко 30 человек; а торги своими торгуют в году всякой человек на 20 000, и на 40 000, и на 60 000, и на 100 000 рублей.

2. Гостиная, суконная сотни устроены для того: на Москве и в городах бывают у сборов царские казны с гостями в товарищах, в целовальниках, и торги своими торгуют и всякими промыслы промышляют и питье всякое в домах своих велено им держать без заказа; а крестьян купити и держати им заказано. А будет их с 200 человек.

3. Московские торговые люди устроены сотнями и слободами, также и во всех городах посадские люди устроены слободами ж: и бывают погодно выбираны в царские службы, в таможи, и на кабаки, и к иным промыслам, в верные головы и в целовальники; а иные таможи, и кабаки, и всякие поборы, откупают они из царские казны на свои деньги.

4. А торгуют они всяких чинов торговые люди, на Москве и в городах и в уездах, всякими торговыми промыслами. И против той их торговли и промыслов положено царское тягло, на всякой год, со всякого города, что доведется взяти, окладами: и те все вышеписанные чины, на кого что положено, сметятся

сами меж собою по своим промыслом и животом, с кого что взять, положат на себя сами меж собою; а кому чего не в мочь платить, сбавливают и накладывают на иных — и выбраны у них бывают для таких дел старосты. А собрав по указу и по окладу деньги, отдают в Приказах и в городе воеводам и сами привозят к Москве.

А питья им, посадским людям, кроме гостей и гостиные и суконные сотен, в домах своих держати не велено. А когда лучится им купити вина или пива сварить или меда ставить для своего надобья и тогда бьют челом царю: и им поведено держати на указные дни и недели и платят с того питья в царскую казну пошлины по указу. А заказано им то питье держати для того, чтоб утаясь на сторону не продавали и в домах своих корчмы и наложства не чинили. А понадобится им варити крас, или мед поставить, или на ежу смолоть рожь, или чего иного, или быка, или корову и свинью и овцу убить не на продажу: и то волно, и пошлин царских с того не платят никаких.

5. А кому гостем или торговым и посадским людям лучится на каких-либо людях чего искати и отечати: и им велено искати на Москве и в городах, у бояр и у воевод и у приказных людей, где кто ведом и судим; а своих у них судов никаких делах не бывает.

6. А которой человек гость и торговой человек, будучи в го-ловстве в таможене и у иных сборов и у продажи и у соболиные и иные казны, в котором году год перед годом казны соберет болши: и им за тое службу от царя бывает похвала, и бывает им жалованье, по кубку или по ковшу серебряному, да по сукну, да по камке; а товарищам их целовальником по ковшу же серебряному, да по сукну и по тафте, смотря по прибыли и по человеку.

7. А будет которой гость или иной человек, будучи у сбора или у продажи, перед старыми годами прибыли соберет менши прошлого году, своим нерадением, гулянием или пьянством: и тое прибыль, которой было быть в котором году, счотчи против иных городов прибылей берут на них на самих; да сверх того бывает наказание кнутом. А будет они верные головы и целовальники и истинны не соберут сполна за дороговью или за иным чем-нибудь, а не своим нерадением: и таким за такие дела не бывает ничего» (Гл. X).

«1. У Архангельского города торговля хлебом, пенкою, поташью, смолчюгою, шелком сырцом, ревенем. А собирают тот хлеб в Поморских и в Понизовых городах, с уездных черных

слобод с крестьян, и закупают тот хлеб и пенку во многих городах на царские казенные деньги из Приказу Большого Приходу¹⁷; и с приезжими иноземцы меняют на всякие товары и продают на деньги. Поташные и смолчюжные заводы учинены буды в царских диких лесах, на Украине, также и бояр, и окольных, и думных, и ближних людей, и гостей, и торговых людей буды учинены в тех же и в иных царских лесах на откупу; а сверх откупу на царя берут поташи и смолчюги десятую бочку. И те товары, хлеб, пенку, поташ, смолчюгу, проводят к Архангельскому городу на царских ямских подводах и нймуют. Ревень присылается из Сибири, собирают с таможилцов.

2. Торговля на Низу — учюжные рыбные промыслы¹⁸, что остается за дворцовым обиходом; также и соль ломают и варят и возят вверх по Волге реке до Казани и до Нижнего и до Москвы. И тое рыбу и соль, что остается за царским расходом, на Москве и в городах продают всякого чину людям.

3. С персидскими купчинами — шелком, сырцом и вареным, и всякими тамошними товарами в Астрахани и в Казани и на Москве. А ценят те персидские товары по тамошней их цене, по чему купят в Персии, а на Москве за те товары дают из царской казны соболи и иную мягкую рухлядь¹⁹, против раздачи с прибавкою. А как те купчины бывают в Астрахани, и в Казани, и на Москве: и им дается до поезду их царское жалованье, корм и питье, и суды, в чем им ехать водою, и гребцы безденежно.

4. Гречаня приезжают к Москве ежегодно и привозят с собою товары всякие: сосуды столовые и питейные, золотые и серебряные с камнем с алмазы и с яхонты и с изумруды и с лалы, и золотные портища, и конские наряды, седла и муштуки и узды и чапраки со всяким камнем, и царице и царевнам венцы и зарукавники и серьги и перстни с розными ж камнями, не малое число.

А приехав, те товары царю подносят они в дарах; а после того те товары ценят торговые люди, иноземцы и мастера по тамошней турецкой оценке: а вместо того дается им соболями ж и рухлядью. И таких товаров на всякой год покупается множество, потому что бояром и иных чинов людям купити кроме царя никому волно, а в царскую казну приходят они якобы даром.

А бывает тех гречан на год по 50 и по 100 человек, и живут на Москве для продажи многие годы; и дается им корм и питье доволное. А которые товары подносят они царю, а в царскую казну те товары не годятся: и им те товары отдаются назад, и волно им продавати всякого чину людям» (Гл. XII).

Из сведений Кошихина видно, что иностранные гости, или купцы, приезжавшие в Москву, получали царское содержание или месячину — «корм, питье и суды, в чем им ехать водою, и гребцы безденежно». В отношении послов было то же. Любопытно заметить, что это те же самые условия содержания послов и гостей на царский счет, какие были в договорах Олега и Игоря с греками с лишком за 700 лет.

«И приходящим им (послам и гостям) да витают у св. Мамы (подворье русское между стенами Царь-Града и Босфором, где был монастырь этого имени); да послеть царство наше да напишет имена ваша, тогда возмуть месячное свое: сли слобное (послы посольское), а гостье месячное... и отходящей Руси отсюда, взимають от нас еже надобе брашно на путь, и еже надобе людям, якоже суствлено есть преже».

Таким образом, исконные условия и обряды торговли внешней и внутренней продолжались у нас до самого преобразования. Различие и противоположность велики, когда вникнуть в сущность. В старом значении торговое сословие есть также один из органов тела, а не что-то отдельное, живущее своей жизнью, размножающееся в организме на счет сил его, посредством возбуждения.

Говоря про нравственное различие прежнего гостиного двора с новым, можно во-первых привести слова Карамзина: «Гостиный двор (в 1520) прельщали глаза не красотою лавок, но богатством товаров, азиатских и европейских». Еще в XVII столетии, как мы заметили из Олеария, различные товары не мешались друг с другом; каждый имел свой ряд, не только что лавку. Косметических магазинов не было, долго были они нам не по руке. Колониальная смешанная торговля Европы подействовала соблазнительно и на старинную смиренную простоту городских лавок. Все они нарохтятся²⁰ в магазины. Бывало чай терпеть не мог ничего подле себя, кроме сахару; а теперь якшается даже с жуковским табаком, греческим и казанским мылом, не только что со спиртом, настоящим гвоздикой, и салом, напитанным розовым маслом. В ножевой линии можете купить всякую модную ветошь²¹, а в ветошном ряду ножи.

О живописных, картинных вывесках и золотых надписях и понятий не имели. Да и не нужно было; обширность торговли купца зависела от обширности его знакомства. Каждый купец старался завести свой приход и постоянных прихожан — покупщиков, верующих в его право слово.

Старинная привычка сидельцев²² с поклонами зазывать всех проходящих к себе в лавку и исчислять наизусть ее товары еще не вывелась из употребления, точно так же, как и запрашивание втридорога; но это не мешает: одно что-то вроде учтивости, а другое вроде науки знать цену товарам; а вместе с тем и средство, возбуждающее покупателя и продавца к взаимной беседе и приятно волнуемое одного надеждой подешевле купить, а другого — подороже продать.

Ни на Востоке, ни на Западе нет этого обычая. На Востоке пришел на майдан, взял товар, положил, не говоря ни слова, перед бородастым истуканом, курящим трубку, следующую и искони известную цену — и с Богом пошел домой, а на Западе: вошел в магазин, чтоб купить что-нибудь дельное, накупил безделок, заплатил вместо следуемой цены *ргix-fixe* — и только можешь поморщиться и подумать: за что же это я заплатил деньги? За товар? — товару на грош. За труд? — трудилась машина. Я заплатил деньги за наем великолепного магазина, за содержание его, за украшение его, за озарение его солнечными лампами и газом, за бенефис, следующий именитому фабриканту, за бенефис, следующий знаменитому комиссионеру, который не может же жить без утонченных аристократических комфорта, за жалованье швейцару — словом, за барничанье. И что такое *ргix-fixe*? — мертвая цена. У нас она движется на обширном пространстве 1:10; и сколько тут жизни: то купец радуется, что втридорога продал, то покупатель в восторге, что купил за ничто, почти даром.

ИЗ ЖИЗНИ ТОРГОВОЙ МОСКВЫ

I

Полвека тому назад Москва была очень оригинальна и патриархальна. В те времена у москвичей действительно был «от головы до пяток особый отпечаток».

Он сказывался во многих проявлениях московской жизни. Начиная с ее знаменитого «хозяина» — московского генерал-губернатора Владимира Андреевича Долгорукова, который более четверти века чисто по-отцовски управлял Москвой.

Князь Долгоруков был доступен каждому и отличался большой любезностью и добротой, особенно с дамами, с которыми его обращение было прямо обворожительно. При этом князь славился самым широким хлебосольством, за что Москва его горячо любила. При князе долгое время служил полицмейстером Николай Ильич Огарев; это был простой добродушный человек и веселый собеседник.

Его высокая типичная фигура, с громаднейшими запорожскими усами, часто появлялась на страницах юмористических журналов. Среди московского населения он пользовался большой популярностью.

Из приказов Огарева особенно был известен следующий: он приказал, чтобы в каждой будке²³ на столе лежала книга, в которой должны расписываться квартальные во время ночных обходов.

Но так как в то время на улицах не было такого движения и, суеты, как теперь, и вообще нравы были проще, то квартальные обходы делали очень редко, предпочитая им спокойный сон. Взамен ночных обходов будочники ежедневно утром приносили книги для подписи в околоток.

Про эти проделки квартальных узнал Огарев и приказал на-ходящиеся в будках книги припечатать к столам.

Но это нисколько не изменило дела.

После второго приказа можно было видеть на московских улицах будочников со столами на головах, которые таким образом представлялись в околоток с припечатанными книгами для подписи начальства...

Не менее Огарева также были популярны два квартальных надзирателя — Замайский и Генц. Первый был известен как

московский Лекок, а второй, находясь 20 лет квартальным в Городской части, своим мягким покладистым характером и в высшей степени любезным обращением с каждым сумел приобрести среди купцов особую любовь, уважение и хороший капитал.

На бойких местах площадей и больших улиц можно было видеть очень типичную достопримечательность Москвы — будочников в высоких киверах и с большими алебардами, спокойно спящих на посту, прислонившись к своим будкам.

Квартальные, обходя посты, отбирали алебарды у спящих будочников и последних сажали под арест. Ночью будочники окликали прохожих: «Кто идет?». Чтобы не попасть в околоток, нужно было отвечать: «Обыватель».

Днем будочники терли нюхательный табак и для большей крепости подсыпали в него толченое стекло. Любителей этого табака находилось много, и будочники торговали им довольно бойко.

Очень заметный след оставил после своей непродолжительной службы в Москве обер-полицмейстер полковник Власовский. До его назначения московская полиция была страшно распущена, взятки были в большом ходу. Частные приставы и квартальные вели дело спустя рукава, городовые стояли на постах на тротуарах, прислонясь к стенам, грызли подсолнухи и большей частью занимались разговором с кухарками и дворниками.

Извозчики в рваных зипунах ездили на грязных и худых «калибрах»²⁴ без всякого порядка и не придерживались правой стороны, при этом они слезали с козел и оставляли лошадей без всякого присмотра.

Московские домовладельцы, пользуясь слабым надзором полиции, у себя на дворах рыли поглощающие ямы и закапывали в них нечистоты и мусор. Таким простым способом очистки выгребных ям они довели смертность в Москве до неслыханной цифры: на тысячу умирало 33 человека...

Власовский, вступив в управление обязанностей московского обер-полицмейстера, с первых же дней принялся энергично чистить Москву и вводить новые порядки. Он начал с московских домовладельцев, обязав их подпиской в месячный срок очистить на дворах выгребные, помойные и поглощающие ямы. Лиц, не исполнивших его приказа, он штрафовал от 100 до 500 рублей, с заменой арестом от одного до трех месяцев. После такой чувствительной кары началась страшная очистительная горячка. За ассенизационную бочку вместо 3 рублей платили по 12 рублей, и в месячный срок московские кло-

аки были очищены. Вслед за этим Власовский начал чистить полицию: большинству частных приставов и квартальных надзирателей он приказал подать в отставку, и на их места набрал новых лиц, обязав их делать ночные проверки постов городских и дворников.

Городовым приказал стоять на посту посередине улиц и площадей и строго следить за наружным порядком и движением экипажей. Извозчиков обязал подпиской немедленно починить рваные зипуны и экипажи, при езде строго соблюдать установленный порядок и держаться правой стороны, на стоянках с козел не слезать. На первых порах извозчики никак не могли освоиться с новыми порядками и ежедневно сотнями попадали под штраф от 1 до 3 рублей.

Власовский почти ежедневно, во всякое время дня и ночи, появлялся неожиданно как в центре города, так равно и на его окраинах. Никто не знал, когда он спал. Одно время в Москве прошел слух, что Власовский антихрист... поэтому он не спит и будоражит всю Москву...

При Власовском служил городским головой популярный Н.А. Алексеев, это были два неразлучных друга, энергично и много поработавшие на пользу городского благоустройства.

При них началось улучшение мостовых, были проведены москворецкий водопровод и канализация, благодаря чему в Москве смертность сразу упала до 20 человек на тысячу. Н.А. Алексеев служил Москве бесплатно, следуемое ему жалованье по званию городского головы он оставлял в пользу города и при этом еще жертвовал большие суммы на городские сооружения; так, например, на его средства построены две водопроводные башни у Крестовской заставы, несколько школ и других зданий. К сожалению, полезная деятельность Алексеева и Власовского была неожиданно прервана, первого — убийством, а второго отставкой, за Ходынку²⁵.

II

Но самым главным московским «отпечатком» были московские мостовые. Это было нечто невозможное. Вымощенные крупным булыжником, всегда грязные и пыльные, с большими ямами, а зимой с глубокими ухабами, они всегда были египетской казнью москвичей.

На них часто происходили аварии, калечились лошади, ломались экипажи... Часто страдали и седоки, ломая себе руки и

ноги... На этих удивительных мостовых долгое время были «притчей во языцех» московские извозчики, одетые в грязные и рваные зипуны. Они слезали с козел, становились кучками у тротуаров и зазывали к себе седока. Найдя такового, они бросались на него толпой и с оглушительным криком «пажа... пажам...» хватили седока за руки и каждый тащил к своему экипажу...

Особой назойливостью отличались извозчики, стоявшие у вокзалов, там они пассажиров и их багаж буквально рвали на части...

В семидесятых годах в Москве не было ни конок, ни трамваев, ни пролеток — ездили на линейках и на кабриолетах, или, как их называли в простонародье, «калибрах». Это был довольно мудреный экипаж, видом похожий на контрабас. На нем седоки сидели боком, с лицами, обращенными в разные стороны. Впереди их сидел верхом извозчик.

Во время езды на этом архаическом экипаже, чтобы не выскочить из него, седоки должны были все время балансировать руками и ногами.

Езда на кабриолетах стоила дешево: за 10—15 копеек можно было ехать 2—3 версты.

Интересен был способ уничтожения кабриолетов. Все московские экипажные фабрики и кузницы, получив предписание от полиции, были обязаны подпиской не выработать более новых кабриолетов и старых не чинить. После этого распоряжения число «калибров» начало сокращаться, и таким образом в течение трех лет они были совсем уничтожены.

По московским улицам ходило много шарманщиков, фокусников, акробатов и больших медведей... Последних водили на толстых цепях с продетым сквозь верхнюю губу железным кольцом.

Представления давались беспрепятственно на улицах и дворах, за что артистам из окон бросали мелкие монеты, завернутые в бумагу. На эти даровые представления всегда собиралась большая толпа зрителей, которым особенно нравились медведи; последние по приказанию вожатых становились на задние лапы и очень комично плясали и кувыркались через голову; затем происходила борьба с вожатым, разумеется, чемпионом-победителем был всегда Михаил Иванович; в заключение ему давали косушку водки, которую он, всунув горлышком в рот и придерживая передними лапами, ловко и скоро выпивал.

Затем еще по улицам бродило множество нищих, калек, юродивых, странников и разных проходимцев, на все голоса выпрашивавших милостыню. Нищих было особенно много около

церквей, где они в праздничные дни выстраивались у паперти в два длинных ряда.

Однажды днем на Красной площади появился Михаил Архангел, в одной руке он держал деревянный меч, в другой длинное копьё с флагом. Его окружала большая толпа любопытных. Шествие направлялось от Никольских ворот к Василию Блаженному. Посередине площади будочник арестовал небесного жителя и отправил его в околоток, там при дознании выяснилось, что это был беглый монах.

В Замоскворечье, на Пятницкой улице, богатым купцом Луниным был построен большой каменный дом специально для монахов, странников и богомольцев, там они всегда находили бесплатный стол и приют. На самых центральных улицах Москвы можно было видеть мальчиков-мастеровых, разгуливавших в грязных халатах. Потом, когда я служил у хозяина, мне самому пришлось ходить в таком наряде...

После воскресных и праздничных дней из всех московских частей в Сретенскую часть препровождались окруженные городовыми большие толпы разных лиц обоего пола, забранных накануне за скандалы и пьянство. На спине у всех арестованных писали мелом большой круг и внутри него крест. Этих лиц в виде наказания выгоняли на улицу с метлами и заставляли мести мостовые. В числе таких метельщиков иногда попадались прилично одетые женщины и кавалеры в цилиндрах.

С самого раннего утра на дворах, вместе с петухами, начинали громко кричать разносчики, ходившие целыми полчищами по московским улицам.

Точно такую же картину мне пришлось видеть в Константинополе, где нет рынков, там их заменяют многочисленные разносчики. Они носят по всему городу продукты на спине в больших корзинах и при этом страшно громко кричат не только днем, но и поздней ночью.

Почти каждый день утром (исключая воскресные дни и двенадцатые праздники) по Красной площади провозили на позорной колеснице с барабанным боем окруженных конвоем уголовных преступников, у них на груди висела черная доска с надписью: «за убийство», «за грабеж», «за святотатство» и т.п.

Арестанта в серой шинели и круглой шапке сажали высоко на скамейку, спиной к лошадям, и везли из Бутырской тюрьмы в Замоскворечье, на Конную площадь, где был устроен эшафот. Там осужденного привязывали к позорному столбу и читали во всеуслышание приговор суда. Эту грустную процессию всякий раз провожала большая толпа любопытных зевак.

На берегу Москвы-реки, у Большого Каменного моста, в низеньком одноэтажном каменном здании помещались бани под названием «Каменные». Со стороны Москвы-реки к ним был пристроен деревянный крытый коридор, выходявший в зимнюю купальню на реке.

Многие любители в трескучие морозы бегали из бань в купальню, окунались в реку и бежали опять в баню. Я купался там зимой много раз. Окунувшись в оледенелую воду, я моментально выскакивал из нее и быстро бежал в горячую баню, на полоч... Такие резкие контрасты мне очень нравились и всегда сходили благополучно.

Против храма Христа Спасителя на Москве-реке ранее помещалась пристань Общества московских рыболовов, где они наподобие клуба собирались в небольшой избе, поставленной на деревянном плоту, кругом последнего было привязано много лодок.

Но здесь не столько ловили, сколько пили...

Однажды я случайно попал на заседание этого комичного Общества, происходившего в Московском трактире в большом белом зале. Собралось 27 членов, все люди довольно пожилые; тут были: купцы, чиновники, капельдинеры²⁶, дворцовые лакеи и несколько подозрительных лиц, неопределенной профессии.

Председатель Общества, редактор «Московского листка» Н.И. Пастухов, ярый рыболов, деловым тоном открыл заседание следующим заявлением: «Господа, на сегодняшнем заседании нам предстоит обсудить всесторонне давно назревший вопрос относительно груза: на чем лучше становить лодки для ловли рыбы — на якорях, рельсах или камнях? Желающих прошу высказаться по этому вопросу». Рыболовы, выслушав это заявление, почти все одновременно заговорили об отрицательных и положительных качествах этих грузов. После непродолжительных дебатов выяснилось, что большинство высказалось за то, чтобы становиться на рельсах. Затем следовал доклад члена Общества, богатого купца и страстного рыболова Михаила Ивановича Носикова, о вновь изобретенном им поплавке, который он тут же демонстрировал. Рыболовы с серьезными лицами и с большим интересом долго рассматривали этот поплавок и нашли его практичным и постановили благодарить его изобретателя.

Находившаяся на собрании жена одного из членов Общества сказала мне, что Михаил Иванович хороший человек, только у него из карманов живые черви выползают...

Изобретенный им поплавок он также носил всегда при себе в кармане. Следующий очередной вопрос на повестке был о приманке. Но в это время на заседание половой принес большой поднос с водкой и закусками... и я поспешил удалиться «из заседания»...

У Воскресенских ворот, около здания Губернского правления, с незапамятных времен находилась сутяжная биржа стряпчих, приказных и выгнанных со службы чиновников, занимавшихся писанием разных доносов, ябед и прошений для неграмотного темного люда.

В простонародье такие лица известны под названием «аблакатов от Иверской» — все они поголовно алкоголики, с опухшими лицами и с красно-сизыми носами.

«Аблакат», найдя на улице клиента, приглашал его следовать за ним в трактир «Низок», там за косушку водки, выслушав клиента, он писал ему такое витиеватое прошение, что понять написанное нельзя было не только постороннему человеку, но оно часто было не понятно и самому автору.

Такие московские пережитки сохранились и до наших дней.

Типичные фигуры современных «иверских аблакатов» можно видеть ежедневно стоящих у наружной стены здания Городской думы.

Заканчивая описание более характерных московских «отпечатков», я должен еще указать на московскую тьму.

В то время центральные улицы Москвы освещались керосиновыми фонарями, а на окраинах и в глухих переулках горели подслеповатые масляные фонари; зажигать и чистить их лежало на обязанности пожарных, которые большую часть конопляного масла, отпускаясь им для освещения, довольно плохого, съедали с кашей. Вследствие этого редко поставленные масляные фонари, ночью едва мигавшие на темных улицах, рано гасли, и улицы с переулками погружались в крошечную тьму и тем дополняли картину патриархальной Москвы семидесятих годов.

Но, невзирая на отрицательные стороны московских «отпечатков», в прежнее время было менее опасности для жизни обывателя. Он не мог стореть беспомощно на десятом этаже небоскреба, куда не достает ни одна пожарная лестница; обывателя на улицах не давили трамваи и автомобили; лавочники не отравляли его фальсификацией различных жизненных продуктов, которые в прежнее время были баснословно дешевы и без фальсификации.

Так, например, 1 фунт черного хлеба стоил 1 копейку, пара больших вкусных калачей — 5 коп., фунт лучшего мяса — 5 коп., десяток яиц — 8 коп., фунт масла коровьего — 15 коп., фунт лучшей пакусной икры — 1 руб. 20 коп., фунт осетрины — 15 коп., сажень крупных березовых дров — 2 руб. 50 коп. и т.д. В центре города, хорошая квартира в 4—5 комнат стоила 25—30 рублей в месяц.

В то время не знали ни дровяных, ни квартирных кризисов, все было дешево и всего было вдоволь.

III

Центральная часть Москвы, находящаяся за древней Китайской каменной стеной, под названием Китай-город с незапамятных времен служила сосредоточием всей московской торговли. Главным центром ее была историческая Красная площадь, бывшая свидетельницей многих важных событий.

Здесь с древних зубчатых стен Кремля наши предки неоднократно отражали многочисленные полчища татар и поляков.

В 1547 году на Красной площади, с Лобного места, царь Иоанн Васильевич, после страшного пожара, уничтожившего три четверти Москвы, во всеуслышание исповедывался в своих грехах перед знаменитым митрополитом Макарием и народом и давал клятву судить и управлять народом по Божеской правде.

Царь, поклонившись на все четыре стороны, обратился к народу со следующей речью: «Люди Божьи и нам дарованные Богом! молю вашу веру к Богу и к нам любовь. Теперь нам ваших обид, разорений и налогов исправить нельзя вследствие продолжительного моего несовершеннолетия, пустоты и беспомощности, вследствие неправд бояр моих и властей, бессудства несправедливого, лихоимства и сребролюбия; молю вас, оставьте друг другу вражды и тягости, кроме разве очень больших дел; в этих делах и в новых я сам буду вам, сколько возможно, судья и оборона, буду неправды разорять и похищенное возвращать».

Вскоре после этой публичной исповеди на этом же месте Грозный царь казнил 200 человек новгородцев. Тут же был низложен с престола чернью царь Василий Шуйский. Здесь Петр Великий повесил на виселицах множество взбунтовавшихся стрельцов.

По словам Олеария, Красная площадь перед Кремлем есть главный рынок города. Здесь в продолжение целого дня кишит народ и вся площадь полна лавками, в них можно было купить

все, что потребно для домашнего обихода. Около стен Кремля, на самых видных местах, было расставлено множество шалашей, палаток, скамей и рундуков, с которых производился торг разными товарами, но более всего съестными припасами. Рядом с шалашами и рундуками находилось особое место, где женщины торговали своими домашними рукоделиями.

Тут же на площади помещались целые ряды винных погребов, в них продавались иноземные вина, мед, брага и другие зелья.

В таком первобытном виде это торжище просуществовало до 1546 года, когда по указу царя Иоанна Васильевича Грозного на Красной площади, против кремлевской стены, был построен «царской казной» каменный Гостинный двор, куда и было приказано перейти торговым людям: «Всякими товары торговать в рядах, в которых коими указано и где кому даны места. А которые всяких чинов торговые люди ныне торгуют на Красной площади и на перекрестках и в иных не указанных местах, поставя шалаша и скамьи, и рундуки, с тех мест великий государь указал сломать и впредь на тех местах никому ни с какими товарами не торговать, чтобы на Красной площади и на перекрестках и стеснения не было».

Но желающих переселиться в новые ряды не оказалось. Тогда Грозный царь приказал опричникам гнать торговцев с площади в ряды нагайками... Это средство подействовало. Площадь была быстро очищена от шалашей, палаток и рундуков, из которых торговые люди перебрались в новые ряды, где скоро и прочно основались. В то время в Гостином дворе для каждого товара имелся свой особый ряд и поэтому ряды носили название: шапошный, сапожный, крашенинный, коробейный, восчаный, медовый, пряничный, калачный, харчевый, птичий и др. На Никольской улице находились ряды лучшего качества и по ценам довольно дорогим.

Лиц, не желающих покупать в епархиальных лавках, штрафуют. Мне кажется, что далее этого идти некуда. Высшей духовной власти следует прекратить этот произвол не в меру ретивых новоявленных коммерсантов из духовенства и указать им их прямые обязанности.

М.И. Пыляев в своем описании старой Москвы говорит, что на Никольском крестце стояли бочки, кади и скамьи. Там с утра до вечера толпились московские купцы, греческие гости, торговые люди, слободчане и стрельцы. В Казанском соборе приводили купцов к очистительной присяге; в такие часы раздавался унылый благовест с колокольни этого собора.

В числе замечательных церквей в Китай-городе находится древний храм во имя Живоначальной Троицы в Полях: слово «в полях» понимается не в прямом его значении, а в смысле «поединка». Татищев говорит в примечании своего «Судебника»: «Поле разумеем поединок — пред судьями биться палками во делах, неимущих достаточного доказательства; ибо “ротою”, т.е. клятвою или присягою, утверждать или оправдаться опасались душевредства».

Судебным делом решались самые важные запутанные тяжбы — такой суд звали «Судом Божеским». Приступающие к поединку облакались всегда в полные доспехи и вооружались «ослопами», т.е. дубинами, но уже с XVI столетия употребляли и другое оружие. Бой происходил в назначенном месте на обширной поляне, со всех сторон огороженной, в присутствии судей, но посторонние туда не допускались.

Кто одолел, тот был прав, а уступивший силе своего противника признавался виновным и платил пошлину окольному, дьяку и подьячим, присутствовавшим при бое и наблюдавшим за порядком.

Алексеев, составитель церковного словаря, говорит, что такое поле было «у Троицы в Полях», за городской стеной на берегу речки Неглинной, где были три полянки с нарочной канавой; здесь тягавшиеся дрались до крови, а иногда друг друга убивали до смерти.

Он же описывает и более легкие поединки, например, спорящие становились там один по ту, другой по другую сторону канавки и, наклонив головы, хватали один другого за волосы — кто кого перетягивал, тот и прав бывал. Победенный должен был перенести победителя на своих плечах через речку Неглинку. Перед таким поединком иногда предлагали соперникам и мировую, о чем напоминает нам старая пословица — «Поддайся по рукам — легче будет волосам».

В 1626 году, при царе Михаиле Федоровиче, Гостиный двор со всеми находившимися в нем товарами был до основания уничтожен сильным пожаром. Вскоре после пожара на том же месте был построен новый каменный Гостиный двор.

При царе Алексее Михайловиче на Красной площади, между Спасскими и Никольскими воротами, у самой Кремлевской стены стояли пушки под деревянными навесами.

По соседству с ними находился популярный между опричниками и стрельцами кабак, носивший название «Под пушками». Здесь было пребывание подонков общества, которые в то время назывались «кабацкими ярыгами».

По словам И.К. Кондратьева, вблизи этих пушек в 1768 году, 13 октября, был устроен высокий эшафот, на котором была поставлена для позорища жестокая мучительница своих крепостных Дарья Михайловна Салтыкова, известная в народе под именем «Салтычихи».

Она была в саване со свечой в руке, с листом на груди, на котором было написано «мучительница и душегубица».

IV

Позднее на этом месте по приказанию Петра Великого было построено большое деревянное здание, называвшееся «Комедийной храминой». В указные дни здесь давались комедии для людей всех чинов и рангов. Места в «Комедийной храмине» делились на четыре разряда: первые стоили две гривны, вторые гривну, третьи пятак и четвертые алтын. Входные билеты назывались ярлыками, они печатались на толстом картоне и продавались в чуланах, находившихся при «Комедийной храмине». Продажей ярлыков заведовали сторожа.

«Комедийная храмина» просуществовала здесь недолго, так как она успеха не имела, потому что наши прадеды считали комедийные дела дьявольским наваждением и делом греховным, и поэтому неохотно шли в театр.

В 1703 году (год основания театра) входных билетов было продано на 406 руб. 23 алтына, в следующем году сбор был еще меньше.

В конце 1704 года, вследствие плохих сборов, скрылся из Москвы, не заплатив жалованья комедиантам, первый антрепренер «Комедийной храмины» некто Яган Куншт.

Его артисты, оставшись в бедственном положении, просили казну для уплаты причитавшегося им жалованья продать принадлежавшие сбежавшему антрепренеру декорации, костюмы и другие вещи. Просьба комедиантов была уважена и тогда, по словам хроники русского театра «Носова», появилось следующее объявление:

«Продаются театральные украшения, принадлежащие директору немецких комедиантов Ягану Куншту, убоившемуся нашего городского начальства наказания за сочиняемые им и игранные на публичном театре пасквильные комедии, уехал из России инкогнито, не заплатя никому жалованья, по сему резонту и объявляем, что продажа сия делается на уплату долгов комедиантов». В числе вещей продавались: дворец с велико-

лепными гадами, крепостями, лесами, рощами, лугами, наполненными людьми, зверьми, птицами, мухами и комарами; море, состоящее из 12 валов, из которых самый огромный, 9-й вал, немного поврежден. Полторы дюжины облаков, снег в больших хлопьях из белой овернской бумаги и т.д.

По словам И.К. Кондратьева, после Куншта театр на Красной площади перешел в руки Отто Фюрста. Представления у Фюрста чередовались с русскими представлениями: русские давались по воскресеньям и вторникам, а немцы играли по понедельникам и четвергам.

Немецкая труппа давала по большей части так называемые пьесы на случай. Так, например, ей поручалось поставить драматическое представление на случай взятия русскими Нотебурга и Орешка. На русском языке были играны следующие пьесы: «О Франталесе Эпирском и Мирандоне, сыне его», «О честном изменнике», «Тюрьмовый заключенник, или Принц Пикельяринг», «Постоянный папиньянус» и «Доктор принужденный».

Пьесы эти имели все театральные эффекты и ужасы: сражения, убийства, отравления и проч. По обыкновению в пьесах были и смешные сцены, где шут Пикельяринг сыплет грязные площадные шутки, поет куплеты вроде:

Братя, да возвеселимся,
Сим вином да утвердимся.
Бог убо весть — сколько нам жити.
Ныне идем купно в поле
Убитыми быть или вздраве.

Афиши о представлениях на театрах разносили к знатным людям сами актеры.

Берхольц говорит, что один из актеров придумал было извлекать из этого выгоды, выпрашивая вознаграждения, за что и был наказан батогами. Афиши были печатные и так называемые перечневые. Последние печатались для лучшего объяснения публике содержания и хода представления.

Новому антрепренеру Отто Фюрсту было отдано несколько русских учеников в науку.

Об этих русских актерах сохранился интересный документ, относящийся к 1705 году, рисующий как ту эпоху, так и состояние тогдашнего драматического искусства, у нас. Вот этот доклад начальству:

«Ученики комедианты русские без указу ходят всегда со шпагами и многие не в шпажных поясах, но в руках носят, и

непрестанно по гостям в ночные времена ходя пьют. И в рядах у торговых людей товары емлют в долги, а денег не платят. И всякие задоры с теми торговыми и иных чинов людьми чинят, придираясь к бесчестию, чтоб с них что взять нахально.

И для тех взяток ищут бесчестий своих и тех людей волочат и убыточат в разных приказах, мимо государственного посольского приказа, где они ведомы. И, взяв с тех людей взятки, мирятся, не дожидаясь по тем делам указа, а иным торговым людям бороды режут для таких же взяток».

В таких злокозненных деяниях особенно обличался актер Василий Теленков, он же Шмага пьяный.

По посланному на него доносу к боярину графу Ф.А. Головину, второму директору русского театра, вышла следующая резолюция: «Комедианта пьяного Шмагу, взяв в приказ, высекайте батоги». В 1704 году в труппе Фюрста женские роли исполняли две женщины: девица фон Велих и жена генерального доктора Паггенкампа, которая в русских документах просто переделана в Поганкову.

Первая жалованья получала в год 150 руб., вторая — 300 руб. Русским же ученикам-комедиантам положено было жалованье, смотря по персонам: «за кем дела больше — тому дать больше, а за кем меньше — тому меньше».

Из этих древних документов мы видим, что еще в начале XVIII века были хулиганы, чинившие над торговыми людьми разные бесчинства, включительно до отрезания бороды.

К этому еще следует добавить и «языков» (оговорщиков), ходивших по Красной площади с лицами, закрытыми черными суконными масками с вырезанными на них отверстиями для глаз. От этих ужасных людей толпами бежал народ, боясь услышать их страшный возглас: «Слово и дело!». После чего указанных ими лиц забирали в застенки и там, без суда, подвергали жестоким наказаниям и пыткам. От их произвола сильно страдал и торговый люд.

В 1790 году Гостиный двор за ветхостью был продан казной частным лицам.

Новые хозяева, вступив в свои права, энергично принялись за перестройку рядов; при этом при начале постройки был выработан общий план только для одного наружного фасада здания, выходявшего на Красную площадь, на Ильинку и на Никольскую улицу.

Внутри рядов лавки строились без всякого плана. Каждый делал, что хотел и когда хотел, по своему усмотрению.

Вследствие такой бессистемной и не одновременной постройки ряды вышли кривые, один выше, другой ниже.

Лавки тоже были все разные, одна больше, другая меньше, одна светлей, другая темней и т.д., но при этом старые лавки имели одно очень важное положительное качество — они были крайне дешевы. Так, например, аренда каменной трехэтажной лавки, мерой 10 на 8 аршин стоила 800 рублей и не дороже 1000 рублей в год. В Верхних рядах такое помещение теперь стоит 5000—6000 рублей в год.

С высоты птичьего полета торговые ряды представляли собой полнейший хаос разной величины крыш, мансард, чердаков, фонарей и проч.

В общем здания торговых рядов были похожи на азиатский караван-сарай.

V

В 1812 году, как известно, две трети Москвы было уничтожено пожаром.

При отступлении французов из Москвы по приказанию Наполеона в Кремле были взорваны дворец, Грановитая палата, Арсенал, Ивановская колокольня, Никольские ворота и много других зданий. В Китай-городе пожаром были уничтожены все дома, множество лавок, и разграблен и сожжен до основания Гостиный двор. Последний был возобновлен в 1814 году, в этом виде он просуществовал до 1886 года, когда за ветхостью был сломан и на его месте теперь построены красивые (но для торговли не совсем удобные) здания Верхних торговых рядов.

При их постройке главное внимание было обращено на наружный фасад и внутреннее устройство трех крытых галерей с таким же числом поперечных проходов. Правда, что строители в этом отношении достигли своей цели; фасад и галереи вышли довольно стильны и красивы, но при этом было упущено из виду самое главное — устройство торговых помещений, удобных для торговли, а не только для одного вида.

Благодаря этому в Верхних торговых рядах магазины в первом этаже вышли с низкими потолками и сжатými со всех сторон колоссальными каменными столбами и арками. В магазинах мало воздуха и света и еще менее удобства. Зато магазины во втором этаже, то есть там, где покупателей никогда не бывает, сделаны вышиной 12 аршин.

Покупатели во второй этаж не ходят, потому что винтовые чугунные лестницы внутри магазинов настолько узки и неудобны, что по ним не каждый может ходить.

Насколько бойко и весело шла торговля в старых рядах, настолько же тихо и безжизненно торгуют теперь в новых красивых зданиях Верхних торговых рядов.

Это громадное владение принадлежит акционерному обществу, получающему с него нищенский дивиденд, не более 3%.

Во время последней перестройки Верхних торговых рядов на Красной площади у Кремлевской стены были поставлены временные железные балаганы, куда и предложили перейти торговцам, но купцы упорно не хотели уходить из рядов со своих насиженных мест. Тогда административной власти пришлось прибегнуть к принудительным мерам. После довольно продолжительных переговоров и отсрочек, в одно прекрасное утро, когда в Гостином дворе были открыты все лавки, в ряды явилась полиция и приказала рядским сторожам немедленно заколотить проходы и двери в Ножевую линию и в ряды узенький и широкий... Купцы, не ожидавшие таких крутых мер, были настолько поражены слишком энергичным распоряжением полиции, что первое время не знали, что нужно делать, кого просить. Телефонов тогда не было. Решено было немедленно ехать к генерал-губернатору и обер-полицмейстеру с просьбой отменить распоряжение полиции и дать возможность купцам перебраться в железные ряды без принудительных мер.

Но ввиду того, что купцам уже была сделана не одна, а несколько отсрочек, просьба их не была уважена...

Некоторые купцы считали себя разоренными и сошли с ума... Один из них, некто Солодовников, зарезался в Архангельском соборе... На другой день купцы из заколоченных трех рядов начали быстро перебираться в железные балаганы. Спустя две недели таким же образом выселили следующие три ряда, а затем и остальные.

В семидесятых и восьмидесятых годах на московских улицах не было никаких магазинов, исключая булочных, овощных и табачных лавок. Поэтому за каждой мелочью приходилось посылать «в город», то есть в Гостиный двор, где была сосредоточена как розничная, так и оптовая торговля; первая производилась главным образом в Ножевой линии и затем в многочисленных рядах: узеньком, широком, шляпном, шелковом, серебряном, медном, скобяном, иконном, кружевном, лапот-

ном, суровском, суконном, квасном; был и такой ряд, в котором торговали пирогами, квасом и кислыми щами.

Оптовая торговля помещалась в ветошном ряду и на подворьях: Казанском, Пантелеевском, Бубновском и др.

Более крупные фирмы и фабриканты помещались на Ильинке, в Старом Гостином дворе, в Теплых рядах, Черкасском переулке и на подворьях: Чижовском, Носовском, Мещеринском и др.

На улицах Ильинке и Никольской большинство домов были низенькие, в один и два этажа. В них помещались маленькие холодные лавки.

Пятьдесят лет тому назад на Никольской улице, где теперь находится дом Чижовского подворья, был большой пустой двор, огороженный низким деревянным забором. На месте Славянского Базара и Третьяковского проезда находился низенький одноэтажный каменный дом и длинный забор, за которым было большое пустопорожнее место. Там, где теперь помещается красивый дом Синодального ведомства, находились одноэтажные каменные сараи.

На Ильинке из старинных зданий сохранился только один Старый Гостиный двор. Все остальные дома построены в недавнее время.

Между Владимирскими и Ильинскими воротами, в Китайской стене с внутренней ее стороны лепятся маленькие, низкие и узкие лавчонки, торгующие разным старым хламом.

Эта местность называется «Старой площадью». Здесь ранее помещалась знаменитая «толкучка». Это был один из оригинальнейших уголков старой Москвы. Между Владимирскими и Проломными воротами имеется маленькая площадка, на которой с самого раннего утра и до поздней ночи толпилось множество различного пролетариата. Это сборище бывших людей похоже было на громадный муравейник; густая движущаяся толпа имела здесь представителей всех сословий, тут были князья, графы, дворяне, разночинцы, беглые каторжники, воры, дезертиры, отставные солдаты, монахи, странники, пропившиеся купцы, приказчики, чиновники и мастеровые; тут же находились бывшие «эти дамы» самого низкого разряда, странницы и богомолки с котомками, деревенские бабы, нищенки с детьми, старухи и проч.

Среди толпы шныряли ловкие и опытные барышники, скупавшие из-под полы краденые вещи.

Но главным перлом этого почтенного собрания была так называемая «царская кухня», она помещалась посередине толкучки и представляла собой следующую картину: десятка два-три здоровых и сильных торговков, с грубыми загорелыми лицами, приносили на толкучку большие горшки, в простонародье называемые корчагами, завернутые в рваные одеяла и разную ветошь. В этих горшках находились: горячие щи, похлебка, вареный горох и каша; около каждого горшка на бульжной мостовой стояла корзина с черным хлебом, деревянными чашками и ложками.

Тут же, на площади под открытым небом, стояли небольшие столы и скамейки, грязные, всегда залитые кушаньем и разными объедками. Здесь целый день происходила кормежка пролетариата, который за две копейки мог получить миску горячих щей и кусок черного хлеба. Для отдыха торговли садились на свои горшки... когда подходил желающий есть, торговка вставала с горшка, поднимала с него грязную крышку и наливала в деревянную чашку горячих щей. Тут же стояли несколько разносчиков с небольшими лотками с лежавшими на них вареными рубцами, печенкой, колбасой и обрезками мяса и сала, называемыми «собачьей радостью». Эти продукты пролетариат покупал для закуски, завертывал в грязную бумагу, клал в карман и шел с ней в кабаки.

Близ толкучки стояли старушки с небольшими корзинами вареного гороха, около них всегда ходила большая стая голубей: проходившие давали старушке копейку, за которую она кидала голубям пригоршню вареного гороха. Теперь таких старушек, кормящих горохом голубей, можно видеть на Красной площади у ограды Василия Блаженного.

В 1890 году со Старой площади толкучка была переведена к Яузскому мосту, на Коммерсиатскую набережную. С переселением на новое место она как-то сразу обезличилась и потеряла свой прежний характер.

VI

В центральной части старого здания Верхних рядов, против памятника Минину и князю Пожарскому, находились исторические колонны, которые были более известны под названием «столбов». Здесь была пирожная биржа, где всегда, целый день, стояло много пирожников, у которых на широких ремнях через плечо висели ящики с горячими пирогами разных сортов.

Для того чтобы пироги не остыли, ящики сверху покрывались теплыми одеялами.

Тут были пироги жареные, подовые^{27*}, с подливкой, разные блины: с яйцами, с луком и пр. Пироги были довольно вкусные и недорогие — по 5 коп. за пару.

Но сами разносчики были грязны и нечистоплотны. Продажу пирогов они сопровождали разными шутками и прибаутками.

Происходили сценки вроде следующей: мальчик ест жареный пирог с вареньем, в котором ему попался кусочек грязной тряпки. Он, обращаясь к пирожнику, говорит: «Дяденька, у тебя пироги-то с тряпкой...» Пирожник в ответ: «А тебе, каналья, что же за 2 копейки с бархатом что ли давать?..»

На Красной площади против рядов всегда стояло множество экипажей и извозчиков; стоянка их отличалась антигигиеничностью, грязью и крайне неприличными сценами.

Старые городские ряды представляли собой темные руины. Проходы в них не отличались чистотой; там имелось много ступенек и разных приступов; ходить по таким рядам можно было только с большой осторожностью. Около лавок лежали большие груды ящиков, тюков и разного хлама. Свет в ряды проникал сквозь так называемые рядские фонари с низкими грязными рамами и с разбитыми стеклами, через которые сыпались на головы проходящих снег и дождь. Солнца совсем не было видно, вследствие этого в рядах всегда ощущалась пронизывающая сырость, от которой большинство торгующих страдало ревматизмом и другими простудными болезнями.

Посредине каждого ряда имелась канава для стока дождевой воды. На потолке фонаря висели большие рядские иконы, у которых ежегодно осенью служили молебны. Эти молебны представлялись большой торжественностью. На них привозили из церквей и часовен особо чтимые святыни, для которых посредине ряда устраивались места, убранные коврами, зеленью и красным сукном. Приглашали полный хор чудовских певчих в парадных кафтанах под управлением известного в то время регента Багрецова и с участием не менее известных солистов: тенора Стремлянова и баса Сутрובה. Приглашались голосистые протодяконы и много духовенства, часто во главе с архиереем.

Рядские проходы тогда посыпались песком и можжевельником, последним также украшали двери и окна лавок. Таким образом, в день молебна ряд принимал праздничный вид.

Послушать чудовских певчих и их концерты, которые они пели после молебна, приходило множество публики.

На рядские молебны денег собирали много. Несмотря на большие расходы их оставалось достаточно для угощения купцов в трактире Бубнова.

После рядских молебнов купцы, по обыкновению, устраивали большие кутежи в загородных ресторанах — у Яра, в Стрельне и в других местах. Однажды произошел такой случай: после молебна в ветошном ряду и последовавшего за ним обильного завтрака в трактире Бубнова шесть купцов поехали освежиться за Тверскую заставу в Стрельну. В числе купцов находился кавказский охотник, высокий, красивый 35-летний брюнет, грузинский князь М. — человек необычайной силы; он легко разгибал руками железные подковы и ломал пальцами медные пятаки на две части.

Находясь в саду Стрельны, под живым впечатлением тропической флоры купцы напились там до невменяемости и под предводительством князя М. тут же решили немедленно ехать в Африку, охотиться на крокодилов... Из Стрельны они отправились на лихачах прямо на Курский вокзал, сели в вагон и поехали в Африку на охоту...

На другой день, рано утром, они проснулись близ Орла и были очень удивлены, зачем они в вагоне и куда их везут? Ответить им на это никто не мог, а сами они ничего не помнили... Недоразумение их объяснила случайно найденная в кармане одного из охотников записка «маршрут в Африку»... Тут только они вспомнили молебен, завтрак у Бубнова, Стрельну и охоту на крокодилов.

Африканские охотники поспешили вернуться из Орла в Москву, один из них, некто купец Зябликов, человек уже пожилой и необыкновенной толщины, почти квадратный, приехал с охоты домой с вывихнутой рукой и с разбитым лицом... Где произошла с ним авария, он, разумеется, не мог вспомнить. Впоследствии же выяснилось, что он по дороге из Стрельны на вокзал вывалился из пролетки лихача на мостовую. Этот забавный случай с африканскими охотниками долгое время комментировался на все лады рядскими купцами.

VII

Трактир Бубнова в жизни торговцев Гостиного двора играл большую роль. Каждый день, исключая воскресные и праздничные, он с раннего утра и до поздней ночи был переполнен купцами, приказчиками, покупателями и мастеровыми.

Тут за парой чая происходили торговые сделки на большие суммы.

Внизу, под трактиром, в подвальном этаже помещалась знаменитая «Бубновская дыра», куда вела узкая лестница в двадцать ступеней.

Помещение «дыры» состояло из большого подвала с низким сводчатым потолком, без окон, перегороженное тонкими деревянными перегородками на маленькие отделения, похожие на пароходные каюты. В каждом таком отделении, освещенном газовым рожком, стоял посередине стол с залитой вином грязной скатертью и кругом него четыре стула. Другой мебели там не было. В этих темных, грязных и душных помещениях ежедневно, с самого раннего утра и до поздней ночи, происходило непробудное пьянство купцов...

Эти «троглодиты», без воздуха и света чувствовали себя там прекрасно, потому что, за отсутствием женщин, там можно было говорить, петь, ругаться и кричать громко и откровенно о самых интимных и щекотливых предметах. Там кричали все. Поэтому за общим шумом и гвалтом невозможно было понять не только разговаривающих за тонкой перегородкой, но и сидящих рядом с вами.

Общая картина «Бубновской дыры» была похожа на филиальное отделение ада... где грешники с диким криком, смехом, а иногда и с пьяными слезами убивали себя алкоголем...

Я знал нескольких бубновских прихожан, которые долгие годы выпивали там ежедневно по 50–60 рюмок вина, и водки...

От винных испарений и табачного дыма атмосфера «в дыре» была похожа на лондонский туман, в котором на расстоянии трех шагов ничего нельзя видеть...

В «Бубновской дыре» некоторые купцы ухитрялись пропить целые состояния... Для купцов существовало еще одно довольно оригинальное учреждение под названием «Ямы», куда сажали несостоятельных должников. «Яма» находилась у Воскресенских ворот, в здании Губернского правления. Там, во дворе, в одном из флигелей, было отведено довольно большое и чистое помещение с окнами за железными решетками. Сюда сажали неисправимых должников.

Это делалось просто. Купец не платит по векселю. Кредитор предъявлял к взысканию в Коммерческий суд опротестованный вексель и при этом вносил «кормовые деньги». Должника немедленно арестовывали и отправляли с городовым в «Яму», «на высидку».

Туда, как их называли «несчастеньким», жертвовали чай, сахар, калачи, сайки и пр. А иногда, к праздникам Пасхи и Рождества Христова, более сердобольные благотворители выкупали заключенных, то есть уплачивали их долги и должников выпускали на свободу.

Затем купцы и в особенности замоскворецкие купчихи в праздник Благовещенья любили выпускать на свободу пернатых пленников. Для этого их степенства ехали на своих тысячных рысаках на Трубу, где в день Благовещенья был особенно большой базар. Покупали там сотни пташек и выпускали их на свободу.

Купечество ранее подразделялось на три гильдии, причем каждому купцу Сиротским судом назначалась опека над малолетними сиротами, купеческого и мещанского сословий.

Распределением опеки заведовали чиновники Сиротского суда, получавшие жалованье, установленные еще во времена легендарного «царя Гороха»; так, например, там были чиновники, получавшие жалованья в месяц по 2 руб. 63 коп., но несмотря на скудость таких невероятных окладов они жили довольно зажиточно.

Для чиновников доходной статьёй служили опеки и купцы, для последних Сиротский суд с его опеками был так же страшен, как для купчихи в комедии Островского были страшны слова «металл и жупел»...

Начиналось с того, что купец получал из Сиротского суда приказ принять в заведование многочисленную и сложную опеку, требовавшую много траты времени и денег. Желая избавиться от такой напасти, купец шел в Сиротский суд, отыскивал там приславшего указ чиновника и обращался к нему с покорнейшей просьбой избавить его от такой сложной опеки, за что обещал поблагодарить чиновника; последнему только это и нужно было. Он брал с купца взятку от 20 до 50 рублей и менял опеку сложную на более легкую.

Купцы говорили, что на земле есть только четыре учреждения одинакового ранга: Сиротский суд, Консистерия, Коммерсиат и ад... В то время еще не знали сенаторских ревизий и поэтому в Сиротском суде взятки брали без всяких опасений, почти легальным образом.

В 1893 году на действия Сиротского суда обратил внимание московский городской голова Н.А. Алексеев. По его настоянию была произведена генеральная чистка этого архаического учреждения, были установлены приличные оклады для чиновни-

ков, уничтожены взятки и в заключение всего сложены с купцов обязанности опекунов.

VIII

Угловые здания городских рядов, выходившие на Ильинку и Никольскую, назывались «Глаголями». В одном из них, Ильинском, торговали фруктами, гастрономическими и бакалейными товарами; в другом, Никольском, писчей бумагой, письменными и канцелярскими принадлежностями.

Между Глаголями, во всю длину Красной площади, находилась самая бойкая и оригинальная часть Гостиного двора, ножевая линия. С одной стороны ее были расположены лавки с модными товарами, с другой, между наружных дверей, выходивших на Красную площадь, в каменных простенках помещались многочисленные шкафчики. Каждый шкафчик занимал пространства три аршина в длину и два аршина в ширину. Торговавшие в них купцы всегда находились с наружной стороны прилавка, то есть стояли вместе с покупателями. Шкафчики для торговли были крайне неудобны, а для здоровья торгующих, безусловно, вредны: около них был всегда сквозной ветер; зимой в метель их заносило снегом, летом поливало косым дождем. Поэтому большинство купцов, торговавших в шкафчиках, часто простужались и болели. В шкафчиках торговали дешевыми кружевами, бахромой, пуговицами, иголками, разными отделками и т.п.

Проход между лавками и шкафчиками был шириной 4 аршина. Выставки в лавках были маленькие и плохие, их заменяли купцы и их приказчики, которые стояли около своих лавок и громко зазывали к себе проходившую публику.

Указывая пальцем на свои лавки, они выкрикивали: «Пожалуйте, у нас есть для вас атлас, канифас и прочие шелковые товары». Торговцы сапогами и башмаками не довольствовались обыкновенным зазыванием покупателей у своих лавок: они для более наглядного понятия об их товаре давали своим мальчишкам под мышки по паре сапог и посылали их на Красную площадь зазывать покупателей. Целый день мальчишки ходили по тротуарам крутом рядов и каждому встречному предлагали купить сапоги.

Найдя желающего, мальчик приводил его в лавку и передавал приказчикам, а сам снова шел на площадь ловить покупателей, которые назывались «площадными». Продать им было очень трудно, так как эти покупатели предлагали всегда полцены, а иногда и менее.

По рядам и по Красной площади ходили еще бродячие сапожники, так называемые подбойщики, они имели при себе небольшие куски кожи, нож, гвозди, молоток и толстую деревянную палку с железной лапкой. С помощью этих инструментов они на самых видных и бойких местах за дешевую цену чинили старые сапоги. Для этого обладатель худых сапог, несмотря ни на какую погоду, разувался на улице и стоял босиком, пока подбойщик чинил его сапоги. На московских улицах такие сцены и типы теперь уже более не встречаются.

В ножевой линии среди купцов и их служащих было множество типов Островского. Так, например, недалеко от лавки Заборова, в шкафчике, торговал галантереей низенький бритый старичок Червяков. Он одевался летом в крылатку, а зимой в енотовую шубу со стоячим воротником. На голове у него всегда был высокий цилиндр, с которым он не расставался и зимой даже в сильные морозы. В общем, фигура Червякова была в высшей степени комична. Он был настолько мнительный человек, что не верил не только посторонним, но и самому себе.

Каждый вечер он запирал и печатал свой шкафчик более часа. Окончив печатать, он снимал с головы цилиндр и начинал молиться на все четыре стороны: сначала на рядскую икону, затем на свой шкафчик, на соседнюю лавку и на фруктовый «Глаголь».

После этого он уходил. Отойдя от своего шкафчика 200—300 шагов, он возвращался и начинал опять осматривать и ошупывать в шкафчике все замки и печати. Затем снова молился на все четыре стороны и уходил, но через несколько минут опять являлся за тем же... Таким образом, ревизию замков и печатей старичок производил ежедневно по несколько раз.

Он прекращал это занятие, когда рядские сторожа выводили из подземелья цепных собак и пускали их на всю ночь в ножевую линию.

Другой оригинал, некто Батраков, торговавший готовым платьем, ежедневно с утра уходил в «Бубновскую дыру», откуда возвращался всегда вечером красный, как вареный рак. Входя в лавку, он громко спрашивал приказчиков: «Что, продавали?» Старший приказчик отвечал: «Продавали-с». Купец шел за прилавок к «выручке», отворял пустой ящик... «А где же деньги?» «Да, вед продавали, да не продали-с»... Купец молча подходил к приказчику и что-то долго и внушительно шептал ему на ухо...

Интересен был еще сосед Еремкин, торговавший чаем, хотя торговлей он совсем не занимался. Его профессия была «хода-

тайствовать везде и повсюду за всех и за все». Для этого он имел знакомства в разных судах, канцеляриях, правлениях и пр. Он никогда не отказывался ни от какого дела, за все брался — за возможное и невозможное.

Главная специальность его была доставать купцам медали, ордена, звания почетного гражданина и пр. За свои услуги он брал не дорого и поэтому всегда имел среди купцов большую клиентуру.

IX

Многие небогатые купцы не имели ни приказчика, ни мальчика, но в трактир ходили аккуратно каждый день по два раза и сидели там довольно долго. Уходя в трактир, купец не запирает лавку и даже не затворяет ее, а просто ставил поперек дверей метлу и уходил спокойно. Если в его отсутствие приходил покупатель и, увидев в дверях вместо купца метлу, он безропотно уходил обратно, оставляя покупку до другого раза.

Зимой в сильные морозы хозяева весь день сидели в трактире, а мерзнуть в лавках великодушно предоставляли приказчикам и мальчикам. Особенно страдали от холода последние, так как их одевали очень плохо.

Морозы иногда доходили до 30 градусов и более; птицы на лету замерзали и падали. В такие жестокие морозы, бывало, совсем окоченеешь, застынет все и снаружи и внутри.

Когда на морозе выпьешь горячего чаю, то он производил в желудке действие расплавленного свинца, а на другой день появлялась под подбородком большая опухоль и больно было глотать. Такая болезнь называлась «чушкой». В большие морозы для согревания торговцев по всем рядам протягивали толстые канаты, их тянули с криком множество людей и этим согревались. Затем еще играли «в ледки» — большой кусок льда гоняли ногами по рядам.

Ночью в сильные морозы на Театральной площади и на перекрестках центральных улиц жгли большие костры для согревания бедных людей. Возвращаясь из ежедневных «походов» домой, часто с отмороженными ногами и руками, так как нам теплых сапог и варежек не давали, я часто отогревался у костра на Театральной площади в компании кучеров и извозчиков, ожидавших театрального разезда.

В Гостином дворе строго было запрещено курить табак и зажигать огонь, поэтому в темные осенние дни лавки запирались в 3 часа дня.

Жизнь в рядах была семейно-патрархальная. Как только отпирали лавки, соседи собирались в ряды кучками и сообщали разные новости, а то просто рассказывали друг другу, кто как вчера провел время.

Такие соседские беседы назывались «чѣской» — продолжать ее шли компанией в трактир, где за чаем сидели 2—3 часа. Затем уходили в свои лавки. Побыв в них недолго, собирались снова компании и опять уходили в трактир.

Таким образом, купцы проводили время незаметно и весело. В то же самое время их жены тоже не скучали.

Московские купчихи большую часть дня проводили у себя дома за едой, за чаем и в беседах. Для этих занятий у них имелись целые штаты разных приживалок, богомолок, странников и свах; без последних не обходилась ни одна купеческая свадьба.

Особенно славилась замоскворецкие свахи; это был очень интересный тип, они и одевались по-особенному: платья носили самых ярких цветов, сверх которых накидывали на плечи большие пестрые турецкие шали, голову повязывали шелковыми цветными косынками, от последних кончики торчали у них на лбу в виде маленьких рогов.

Свахи всегда говорили голосом певучим и мягким, в разговоре с купчихами они часто произносили слова: «мраморная ты моя», «золотая», «бриллиантовая» и пр. — купчихи любили слушать такие елейные слова и угощали за них свах тенеривом и разными наливками.

Сваха начинала с того, что сначала заводила знакомство с прислугой, у которой незаметным образом выпытывала характер, привычки и тайны хозяев. Затем с помощью подкупа приближенных лиц она смело пробиралась в купеческий дом, где быстро завоевывала расположение хозяев и становилась непременным членом и советником купеческой семьи, поэтому в прежнее время в купеческом быту свахи играли довольно видную роль и зарабатывали хорошие деньги.

В семидесятых годах купеческие свадьбы справлялись с большой помпой и сопровождалась различными обрядами. Обыкновенно дело начиналось смотринами: в дом к невесте приезжал жених с родителями и свахой; разумеется, при этом как невеста, так и жених чувствовали себя очень неловко, часто не зная, о чем начать разговор. Тогда на сцену выступала сваха и скоро и умело наводила молодых людей на приятную беседу.

За смотринами в скором времени следовал сговор, то есть коммерческая сделка относительно денег и приданого.

Если у родителей жениха и невесты почему-либо дело не ладилось, тогда на выручку являлась сваха и с ловкостью опытного дипломата мирила торговавшихся отцов и, таким образом, быстро налаживала дело.

Затем устраивался девичник, на него в числе гостей собирались подруги невесты, которые пели свадебные песни, за что жених оделял их подарками и конфетами.

За несколько дней до свадьбы к невесте приезжал жених с родителями и свахой для принятия приданого; последнее для этой цели развешивалось на веревках в парадных комнатах.

Во время инспекторского смотра между родителями жениха и невесты часто происходили довольно курьезные сцены и недоразумения на почве качества и количества вывешенных вещей. Но сваха и тут выручала и мирила споривших стариков. По окончании смотра приданое снимали с веревок, укладывали в деревянные сундуки, обитые жестью, запирали большими висячими замками и отправляли к жениху. В это время подруги невесты запирали ворота на замок, ключ брали к себе и требовали «выкупа» у жениха; последний дарил девушкам 50—100 рублей, и они отдавали ему ключ.

В день свадьбы невесту везли в церковь в золоченой карете, запряженной четырьмя красивыми вороными лошадьми цугом (по две), на козлах помещался десятипудовый кучер, впереди него сидел верхом форейтор, а сзади кареты, на запятках, стояли два лакея в белых ливреях.

Свадебный кортеж ехал в церковь одной дорогой, а возвращался другой; это делалось для того, чтобы злые люди не могли «сглазить» невесту.

Венчание происходило в торжественной обстановке, для этого приглашались чудовские певчие в парадных кафтанах и голосистые протодьяконы: последние при чтении апостола особенно громко выкрикивали: «а жена да убойтся своего мужа».

После венчания из церкви все ехали в дом кондитера, где жениха и невесту встречали певчие концертом, оркестр тушем и собравшиеся гости с бокалами шампанского; бал продолжался до утра.

На другой день поздно утром просыпались молодые и выходили в столовую, где их встречали горничные, артельщики и мальчики, посланные от родственников и друзей с различными дарами. Тут были гигантские филипповские калачи, перевязанные цветными лентами, сдобные хлеба с солонками и разными надписями; эти вещи подносились на больших дере-

вянных блюдах, покрытых белыми расшитыми полотенцами. А также дарили серебряные вещи: братины, чарки, ковши, столовое серебро и живых белых гусей, шеи которых были перевязаны голубыми и красными лентами.

После приема даров молодые надевали парадные костюмы, садились в карету и ехали с визитами ко всем женатым гостям, бывшим на их свадебном балу. В каждом доме их угощали вином, фруктами, конфетами, чаем и пр.

Сделав 15–20 таких визитов, молодые поздно вечером возвращались домой усталые и с отравленными желудками от разных угощений. Такие визиты иногда продолжались два-три дня.

В настоящее время купеческие свадьбы устраиваются более просто, почти без всяких обрядов, чисто по-коммерчески: сторгуются, венчаются, выпивают шампанского и тотчас уезжают за границу; оттуда вскоре возвращаются, разводятся и разъезжаются.

Исключая свах, сватовством занимались еще сваты, они главным образом оперировали среди женихов в Гостином дворе, но деятельность их сравнительно со свахами была мене популярна.

Х

С раннего утра и до позднего вечера по городским рядам бродило много публики, покупателей, поставщиков, мастеровых, артельщиков, ломовых извозчиков, нищих и др.

В лавках повсюду была видна кипучая деятельность: продавали, покупали и отправляли разные товары. В общем, во всей разнообразной и шумной толпе было много жизни и движения.

Среди публики по рядам ходили многочисленные разносчики, носившие на головах в длинных лотках, покрытых теплыми одеялами, жареную телятину, ветчину, сосиски, пироги, сайки и проч., при этом все разносчики на разные голоса громко выкрикивали название своих товаров.

Каждый разносчик имел свою кличку. Из них некоторые назывались: «Козлом», «Петухом», «Баринном», «Улитой» и т.п. Затем еще были интересные типы «рядских поваров». Они носили в одной руке большой глиняный горшок со щами, завернутый в теплое одеяло, в другой руке корзину с мисками, деревянными ложками и черным хлебом. Миска горячих вкусных щей с мясом стоила 10 коп.

После еды миски с остатками щей и хлеба торговцы ставили на пол в рядах около своих лавок, где их доедали бегавшие по рядам бродячие собаки.

Потом приходил повар, собирал миски, тут же вытирал их грязным и сальным полотенцем и снова наливал в них желеющим горячих щей.

По всем рядам ходило множество нищих и юродивых; среди них было много прогоревших купцов, спившихся и выгнанных приказчиков, чиновников и других.

Их степенства Тит Титычи часто заставляли бывших людей петь и плясать около своих лавок. Такую сцену прекрасно изобразил Прянишников на своей картине, находящейся в Третьяковской галерее.

По рядам также ходили бродячие музыканты и увеселяли купцов немудреной музыкой. В Новый год приходило много военных музыкантов, которые после музыки поздравляли купцов с Новым годом.

Приказчики и мальчики забавлялись прикалыванием на спину нищим и юродивым юмористических фигур, вырезанных из бумаги, и к ним разных надписей, с которыми и без того обиженные судьбой ходили по рядам, повсюду возбуждая смех своим видом.

Затем подбрасывали на бойких местах коробки с живыми мышами, тщательно завернутые в бумагу; проходившие охотно подбирали такие находки и быстро скрывались с ними...

В большом ходу была еще следующая забава: на полу посередине ряда клали мелкую серебряную монету, к ней приклеивали тонкую черную нитку, которую протягивали по полу в лавку: конец нитки находился в руках служащего. Прохожий, увидев лежавшую на полу серебряную монету, быстро нагибался, чтобы поднять ее, в этот момент из лавки дергали нитку, и монета улетала из-под носа удивленного прохожего... Эта проделка сопровождалась всегда гомерическим хохотом купцов.

Зимой в сильные морозы такая забава продельвалась несколько иначе. Монету не привязывали, а примораживали к полу, — нашедший сначала отдирает монету ногтями, но это ему не удавалось, тогда он начинал энергично откалывать ее каблуком. Купцы смеялись и говорили нашедшему: «А ты попробуй копытцем»... Нашедший ругал купцов и удалялся... монета оставалась на месте.

В Гостином дворе была распространена игра в шашки, для этого купцы садились в ряду около своих лавок на табуреты или ящики и играли целыми днями. Среди игроков были настоящие виртуозы, игру коих собиралось смотреть много любителей, иногда державших за игроков крупные пари.

На Фоминой неделе в Гостином дворе устраивалась дешевка, для которой специально заготавливался разный брак и никуда негодные вещи. Для этого с наружной стороны около лавок становились временные прилавки, на них лежали большими кучами разные товары и в них покупательницы копались, как куры. Продажа на дешевке обставлялась особыми правилами, так, например, купленный на дешевке товар не меняли, за его качество не отвечали и ни под каким предлогом денег обратно не выдавали.

В башмачных лавках было еще добавочное правило: на дешевке обувь примерять не позволялось; башмаки, крепко связанные парами, большей частью были разные, то есть один больше, другой меньше, или очень одинаковые: два башмака и оба на одну ногу. Такие башмаки покупательницы приносили обратно и просили переменить, но им категорически в этом отказывали, мотивируя тем, что на дешевке ни за что не отвечают. По этому поводу между покупателями и продавцами часто происходили довольно неприятные инциденты.

На ночь все многочисленные входы в Гостиный двор закрывались ветхими худыми дверями, сколоченными из тонких досок и лубков.

Внутри Гостиный двор охранялся рядскими сторожами и множеством злых собак, причем каждый ряд, во всю его ширину, завешивался рваными брезентами и рогожами.

Ночные кражи в рядах были довольно редким и исключительным явлением.

Несмотря на то что в Гостином дворе безусловно было запрещено курить табак и зажигать огонь, там иногда случались пожары, по обыкновению «от неизвестной причины».

Так как в ряды не могли проехать конные пожарные, то для тушения рядских пожаров имелась в Городской части особая пешая пожарная команда, прибежавшая на пожар всегда с большим опозданием, причем каждую бочку с водой везли трое пожарных.

Эта черепашья команда при тушении пожаров приносила пользы очень мало; обыкновенно ее же посылали на дежурство во время спектаклей в Большой и Малый театры.

XI

В Москве с незапамятных времен Великий пост начинается грибным и заканчивается вербным базарами.

Грибной базар устраивается ежегодно на первой неделе Великого поста и продолжается семь дней; он помещается на набережной Москвы-реки, от Большого Каменного моста до Воспитательного дома, и занимает пространство около двух верст.

На всем протяжении базара устанавливаются в два ряда деревенские сани розвальни, из них выпрягают лошадей, поднимают кверху оглобли и на них вместо вывесок вывешивают разные товары: огромные баранки диаметром до 12 вершков, связки сушеных грибов, гигантские редьки, лук, репу и проч.

В санях на старых рваных рогожах лежат во множестве эти продукты, между саней длинными рядами стоят большие, грязные деревянные кадки с солеными и отварными грибами, которые покупатели вылавливают для пробы прямо пальцами и, откусив гриб, кидают остаток обратно в кадку. Далее расположены палатки с черносливом, изюмом, пастилой, клюквой, ситцем, с глиняными горшками, деревянными ведрами, ушами и другими хозяйственными предметами. В проходе между палатками и санями движется густая толпа народа, преимущественно бедного и среднего класса, приценивающегося к выставленным предметам.

Большинство этой толпы составляют женщины — это небогатые хозяйки, приходящие с окраин города за покупкой постных продуктов. Тут же среди толпы прогуливается с громким смехом и с неуместными шутками учащая молодежь обоего пола, а также встречаются мастеровые, не успевшие еще отрезвиться после масленичного загула. Они ходят по базару с песнями и повешенными на шею большими баранками; но этих гуляк с базара быстро удаляет полиция.

Ежегодно в субботу на шестой неделе Великого поста на Красной площади бывают вербный базар и гулянье. Для этого вдоль Кремлевской стены, против Гостиного двора, устраиваются в несколько рядов полотняные палатки и лари, в которых продают: детские игрушки, искусственные цветы, бракованную посуду, лубочные картины, старые книги, большей частью с вырванными листами, букинисты продают их на выбор по 10—20 копеек, и много других вещей в таком же роде.

Тут же приманиваются иностранцы: греки, продающие рыхат-лукум, золотых рыбок и черепах; рядом с ними французы пекут вафли, которыми охотно лакомятся простонародье.

Высоко в воздухе над головами многотысячной толпы летают большие связки цветных воздушных шаров, при помощи которых московские жулики очищают карманы у почтенней-

шей публики. Для этого они устраивают следующий маневр: покупают у разносчика 5—6 больших воздушных шаров, связанных вместе, и пускают их на свободу. Шары быстро поднимаются вверх. Публика, наблюдая за их полетом, поднимает головы кверху, при этом, по обыкновению, многие широко разевают рот... этим моментом ловко пользуются воры, вытаскивая из карманов зевак кошельки, часы и все, что попадетсЯ.

Состав вербных продавцов главным образом состоит из сухаревцев и рыночных торговцев. Среди густой толпы гуляющей публики снует множество разносчиков и мальчиков, предлагающих каждому купить американского жителя, похожего на черта, закупоренного в хрустальную банку с водой, тещин язык, развертывающийся в длину на 10 вершков, различные фигурки обезьян, бабочек, пауков и прочее. На каждом шагу над ухом раздастся оглушительный свист и писк, производимый детьми при помощи разных свистков и дудок. В празднично настроенной толпе со всех сторон раздаются громкий смех и разные шутки, на последние особенно изобретательны многочисленные разносчики, продающие различные «колбаски для пасхи» и прочий хлам.

Многолюдное торжище, освещенное яркими лучами весеннего солнца, представляет собой оживленную и красивую картину старой Москвы. Вербный базар интересен тем, что он нисколько не меняется: как было полвека тому назад, в том же виде устраивается и теперь.

Изменилось только вербное катанье, на котором в старые годы именитое московское купечество каталось в роскошных экипажах на тысячных рысаках и при этом вывозило напоказ своих дочерей-невест.

Вербные катанья были особенно красивы и многолюдны в восьмидесятых годах, в них всегда принимал участие хозяин Москвы, московский генерал-губернатор князь В. А. Долгоруков. На это гулянье он выезжал верхом на красивом коне, окруженный большой блестящей свитой.

На всем протяжении разъезда, по обеим сторонам Красной площади и Тверской улицы, стояло множество зрителей, любовавшихся красивым зрелищем.

В последнее время вербное катанье теряет свой прежний вид, на нем все менее и менее становится красивых выездов; к сожалению, последние теперь заменяют автомобилями, разъезжающими по московским кривым и узким улицам с головокружительной быстротой, с диким ревом, с собачьим лаем

и оставляющими после себя облако пыли и отвратительную вонючую бензиновую гарь. Редкий день проходит без того, чтобы автомобилями не был задавлен один, а иногда и несколько пешеходов.

ХП

В центре Москвы, на самом бойком месте, между Тверской улицей и Театральной площадью (на последней теперь разбит красивый сквер) тянется длинный ряд невзрачных, низких лавок и подвалов, торгующих мясом, дичью, рыбой, зеленью, ягодами и фруктами. Эти лавки и подвалы содержатся очень грязно; сзади них находится большой двор под названием «Мытный», здесь в маленьких лавочках продают живую рыбу, раков, куриные яйца, зелень и проч.

Посредине Мытного двора находится длинное одноэтажное каменное здание, в нем помещается несколько десятков птичьих боен, в них ежедневно убивают тысячи кур, гусей, уток и других птиц. Эти бойни в центре столицы и окружающие их лавки с темными и сырыми подвалами, а равно и все остальные архаические помещения Охотного ряда настолько грязны и антигигиеничны, что их безусловно давно бы следовало сломать и на их месте по примеру Парижа и Лондона построить большой центральный крытый рынок. Для этого представлялся и удобный случай, но отцы города проворонили его.

Г-н Журавлев, владелец Охотного ряда, предлагал купить его городу за 1,5 млн рублей, но городская дума нашла эту цену слишком высокой и отклонила это выгодное предложение.

Вскоре после этого Охотный ряд был продан князю Прозоровскому-Голицыну за 2 млн рублей.

Охотнорядские мясники отличаются большой физической силой и свирепым нравом. Отмечу следующий случай: в восьмидесятых годах, во время бывших университетских беспорядков, студенты демонстративно, с красными флагами, большой толпой пошли по Моховой улице. На углу Охотного ряда и Тверской улицы их встретила полиция и, преградив путь, просила толпу разойтись. Студенты с криком опрокинули немногочисленных полицейских чинов и с пением революционных песен продолжали путь. Тогда на выручку полиции по собственной инициативе явились охотнорядские мясники и страшно избивали студентов; войдя в раж, они и на другой день продолжали бить на улицах попадавшуюся им на глаза учащуюся моло-

дежь и заступавшихся за них интеллигентов. Полиции стоило большого труда укротить не в меру разбушевавшихся охотнорядских «Мамаев».

В жизни москвичей, преимущественно бедного класса, Сухарева башня играет довольно видную роль: около нее и в ближайших к ней переулках находится много лавок, торгующих дешевым платьем, бельем, обувью, картузами и подержанной мебелью.

Затем у Сухаревой башни, на всем пространстве большой площади, каждое воскресенье бывает большой базар, привлекающий покупателей со всех концов Москвы.

Для этого в ночь с субботы на воскресенье, как грибы после дождя, на площади быстро вырастают тысячи складных палаток и ларей, в которых имеются для бедного люда все предметы их немудрого домашнего обихода. Этот многолюдный базар, известный под названием «Сухаревки» ранее славился старинными вещами, продававшимися с рук.

Как известно, вскоре после отмены крепостного права, начались развал и обеднение дворянских гнезд; в то время на Сухаревку попадало множество старинных драгоценных вещей, продававшихся за бесценок. Туда приносили продавать стильную мебель, люстры, статуи, сервский фарфор, гобелены, ковры, редкие книги, картины знаменитых художников и пр., эти вещи продавали буквально за гроши. Поэтому многие антиквары и коллекционеры, как-то: Перлов, Фирсанов, Иванов и другие, приобретали на Сухаревке за баснословно дешевые цены множество шедевров, оцениваемых теперь знатоками в сотни тысяч рублей. Бывали случаи, когда сухаревские букинисты покупали за две, за три сотни рублей целые дворянские библиотеки и на другой же день продавали их за 8—10 тысяч рублей.

ХІІІ

В Москве церковные празднества справляются, как нигде, с большой торжественностью и великолепием, из них особенно выделяется ночь под Светлое Христово Воскресение в московском Кремле; она представляет дивную, очаровательную картину.

Вечером в Великую Субботу в магазинах и лавках стихает предпраздничная суета, только в булочных и кондитерских продолжается горячая работа по выдаче ранее заказанных пах и куличей.

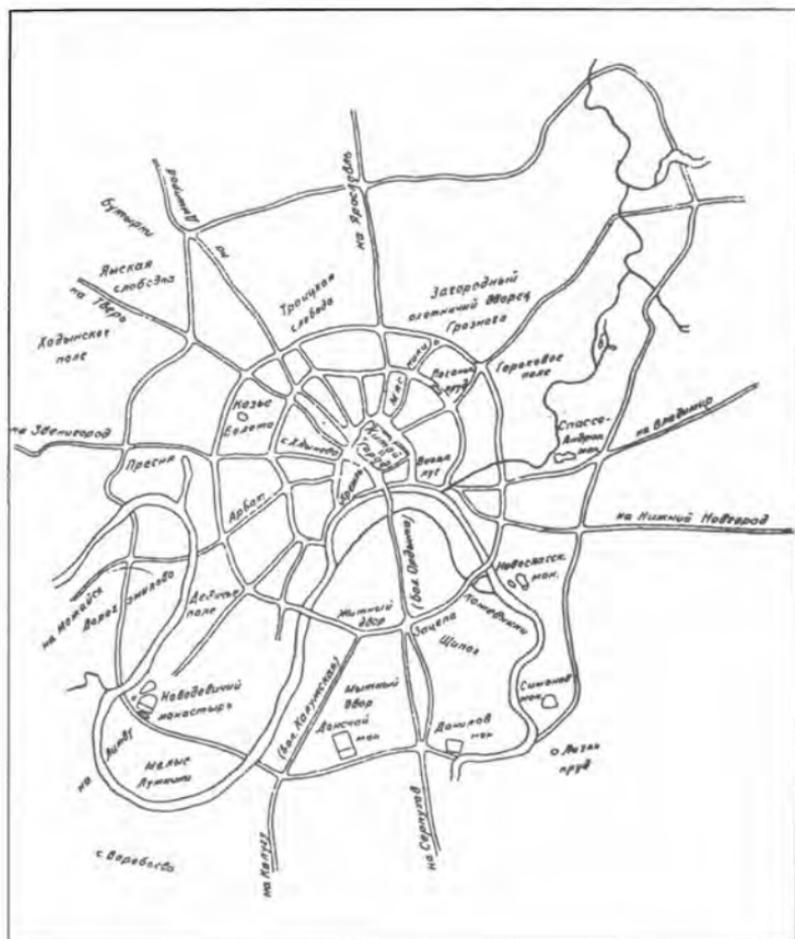

Схема исторического развития Москвы к XVI веку

Съ Кодакомъ-
ЖИЗНЬ

РАДОСТЬ

Куда бы вы не отправлялись берите КОДАКЪ съ собою, онъ запечатлитъ все заинтересовавшее васъ.

АКЦИОНЕРНАЯ КОМПАНИЯ
КОДАКЪ.

Москва, Петровка, 15 и 16.
С.-Петербургъ, Б. Конюшенная, 19.

Les Parfums de Rigaud

16 rue de la Paix — Paris.

ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ:

Чарующій аромать.

Лѣсныя музы.

Дивный часть.

Сирень Риго.

Духи Риго — Парижъ.

MARQUE DÉPOSÉE

INSTITUT de BEAUTÉ MERLE
Paris 26 Place Vendôme.

ПЕРВЫЙ ИНСТИТУТЪ ВЪ МІРѢ

для поддержанія красоты и молодости
гигиеническими вѣрными способами.

Спеціальные аппараты для пре-
дупрежд. и уничтожен. морщинъ.

Всѣ издѣлія чисто растительныя, абсо-
лютно безвредныя и всѣ одобрены го-
родской лабораторіей Парижа.

Не имѣть никакихъ отдѣленій въ Россіи.
Во избѣжаніе поддѣлокъ необходимо требо-
вать издѣлія съ охранительнымъ клеймомъ.
Продается во всѣхъ лучш. парикмахерскихъ,
парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Единствен. представит. для всей Россіи **Б. С. ВЕЙНШТЕЙНЪ.**
МОСКВА, Кузнецкій Мостъ, д. кн. Гагарина, кв. 44.

ПАРФЮМЕРІЯ — КОСМЕТИКА.

Охотный ряд в конце XIX века

Сухаревский рынок в начале XX века

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ

МОСКВА.

..... ПЕТРОВКА, 16.

РОЯЛИ отъ 600 р.—2000 р.

отъ 425 р.—900 р. ПІАНИНО
и дороже

ФОНОЛА наилучшій
аппаратъ въ мірѣ.

быть піанистомъ, НЕ ЗНАЯ НОТЬ.

ФОНОЛА—ПІАНО.

ФОНОЛА—РОЯЛЬ.

.....

РАЗСРОЧКА.

□ ОБМѢНЪ. □

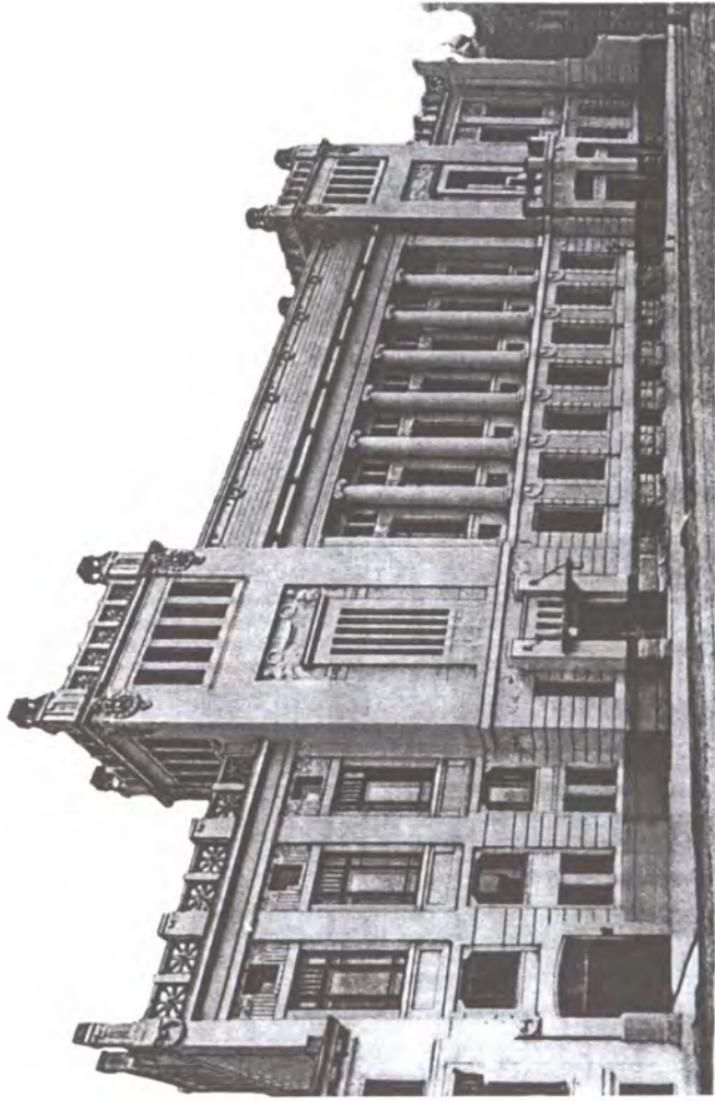

ОВЧИННИКОВЪ.

▲ ▲ ▲
Художественныя:
БРИЛЛАНТОВЫЯ
ЗОЛОТЫЯ
СЕРЕБРЯНЫЯ
ИЗДѢЛІЯ.

ЦЕРКОВНАЯ УТВАРЬ.

Фабрика въ Москвѣ
МАГАЗИНЫ: Москва, Кузнецкій мостъ, д. 6, т. II-00.
СПЕТЕРБУРГЪ, Морская, 29, т. 13-86.

Здание Московского Купеческого Собрания

Уличное движение становится все тише и тише, и к 10 часам вечера оно совершенно стихает, но не надолго.

В 11 часов улицы опять быстро оживают, на них появляются в праздничных одеждах обыватели, направляющиеся в храмы к Светлой заутрене, из них многие спешат попасть в Кремль, площадь коего к 11 часам представляет целое море человеческих голов. Среди толпы встречается много людей других вероисповеданий, а также иностранцев, приезжающих в Москву специально для того, чтобы видеть в Кремль эту Святую ночь. Все с нетерпением ждут первого удара в Царь-колокол. В половине двенадцатого начинают освещать разноцветными шкаликами колокольню Ивана Великого, ограду и стену соборов. В то же самое время внизу расстилающееся на громадном пространстве Замоскворечье представляет волшебную картину: на фоне темной ночи там красиво и ярко вырисовываются многочисленные силуэты иллюминированных церквей; при этом во многих местах пускают ракеты и жгут бенгальские огни. Тем временем стрелка на часах Спасской башни приближается к 12.

На колокольне Ивана Великого мелькают движущиеся огоньки — это готовится к первому удару, за который в прежнее время купцы-любители платили звонарям по 25 и 50 рублей.

Но вот на Иване Великом загудел Царь-колокол, и вслед за ним по Москве быстро полились густой волной звуки всех московских сорока сороков.

Народ, находящийся в Кремле, обнажает головы, зажигает свечи и христосывается.

В это время из Успенского собора выходит крестный ход во главе с московским митрополитом; раздается радостная песнь: «Христос Воскресе», — ей вторит красный звон всех кремлевских колоколов и пальба из орудий с Тайницкой башни — все сливается в один победный, ликующий звук, производящий на присутствующих сильное и неизгладимое впечатление. Тот, кто раз видел Светлую ночь в московском Кремле, никогда ее не забудет.

В Москве есть еще одна интересная ночь, но уже совершенно в другом жанре. В прежнее время москвичи встречали Новый год дома, семейным образом, приглашались друзья и родственники, устраивались разные игры; молодежь занималась танцами, пением и гаданием, пожилые люди играли в карты и проводили время за беседой. В 12 часов подавали ужин, после которого все, довольные и веселые, разъезжались по домам.

Лет восемь-десять тому назад для встречи Нового года в Москве привился другой способ, публично ресторанный, он заключается в следующем: за месяц, а иногда и ранее, московская плутократия записывает для себя столы во всех перво-классных ресторанах и трактирах. При этой предварительной записи наблюдается некоторая группировка лиц, так, например, в «Метрополе» собираются крупные фабриканты и заводчики, в Московском трактире — биржевики, в «Эрмитаже» — немцы и т.д. Для встречи Нового года эта буржуазия является одетой по-бальному, дамы в декольтированных туалетах и цветах, а их кавалеры во фраках и смокингах.

Съезд начинается с 11 часов вечера. Сначала все идет вполне прилично; под музыку румынских и иных оркестров публика занимается едой и щедро подогревает себя вином. Половые и лакеи бегают, как угорелые, едва успевая подавать требуемое гостями.

Чем ближе подходит часовая стрелка к полночи, тем заметнее становится подъем публики, искусственно подогретой вином. Все с нетерпением ждут наступления Нового года.

Но вот часы бьют 12 — все вскакивают с мест, громко кричат «ура» и, чокаясь бокалами вина, поздравляют друг друга с Новым годом и с новым счастьем; при этом шампанское льется рекой...

Далее происходит настоящее столпотворение вавилонское.

Незнакомые люди, отуманенные вином, позабыв о правилах приличия и этики, фамильярно и быстро знакомятся между собой, затем сдвигают свои столы вместе, и начинается общий, нелепый и безобразный кутеж, сопровождаемый глупыми, а иногда и неприличными речами, часто оканчивающимися большими скандалами... По поводу такой встречи Нового года один из провинциальных священников мне пишет следующее: «Ради Христа, так любившего детей, пожертвуйте, сколько можете, на церковно-приходскую школу. Обращаюсь с просьбой к Вам, как к жителю той самой Москвы, которая (как пишут в газетах) в одну только новогоднюю ночь влила в свое грешное брюхо более десяти тысяч бутылок шампанского... Господи! сколько школ-то пропито...» Священник, написав такое наивное восклицание, очевидно, не знает, что те господа, которые в одну ночь пропивают на шампанском не одну сотню тысяч рублей, менее всего думают о школах...

Противоборствовать новогодним кутежам и прожиганию жизни москвичей выступило высшее епархиальное начальство, восемь лет тому назад впервые предписавшее московскому духо-

венству под Новый год в 12 часов ночи служить во всех церквах благодарственные молебны. Это разумное распоряжение духовной власти впервые же годы дало прекрасный результат. Под Новый год все московские храмы бывают переполнены молящимися людьми всех званий и состояний.

XIV

В семидесятых годах в Москве частных театров и клубных спектаклей не было. Достать билет в Большой или Малый императорские театры можно было только по протекции или за баснословную цену у театральных барышников, свободно продававших билеты у подъездов театров.

Я с ранних лет был большой любитель музыки и всяких представлений. Хорошо помню, что в Коломне с товарищами я часто ходил на торговую площадь к странствующему цирку смотреть представление «в дырки», который мы протыкали стенках холста. За это нам попадало через холст по лицу палкой, а иногда обливали холодной водой, но нас это не останавливало, и на следующий день мы опять являлись к цирку в качестве бесплатных зрителей.

В семидесятых годах в Москве в Большом театре была в полном расцвете итальянская опера, и билеты на нее продавались по сумасшедшим ценам. Например, когда пела Патти, то барышникам охотно платили за кресла по 100 и 200 рублей, за ложу бельэтажа — 500—600 рублей.

Театральные барышники в то время наживали колоссальные состояния; из них главный, некто Самсонов, в три сезона нажил два каменных трехэтажных дома.

Не имея денег, я часто ломал голову, чтобы изобрести способ посещать театры бесплатно. Мне это долгое время не удавалось. Но, наконец, я все-таки добился и нашел этот способ.

Находясь доверенным в магазине Заборова, я пользовался расположением ко мне покупателей... С некоторыми из них я тонко и дипломатично заводил разговоры, главным образом интересуясь узнать от каждого, какой он профессии.

Я выпытывал это с целью найти среди покупателей кого-нибудь из служащих в театре. План мой удался блестящим образом. Однажды ко мне в магазин пришел бедно одетый, пожилой человек с бритым лицом. Выбрав себе сапоги, он просил меня уступить их подешевле. Я спросил его о профессии, на что он ответил, что более 20 лет служит капельдинером в Боль-

шом театр. Эврика! Я ему прямо без церемоний предложил скидку 30% с рубля, то есть всю хозяйскую пользу... но с условием, чтобы он сегодня же провел меня бесплатно в итальянскую оперу. Капельдинер охотно согласился на мое предложение, и я в тот же вечер стоял в проходе на галерку и слушал в первый раз итальянскую оперу. Какую, не помню.

Итальянцы своим пением произвели на меня настолько ошеломляющее впечатление, что я после спектакля долго жал руку доброму капельдинеру и просил его познакомить меня с его товарищами, которым я также мог бы продавать обувь со скидкой в 30%. Он исполнил мою просьбу и познакомил меня с одним театральным музыкантом и с несколькими капельдинерами. Таким образом, у меня быстро образовался небольшой кружок театральных покупателей, которые меня часто проводили бесплатно в театры Большой и Малый.

В Большой театр я приходил рано и смотрел, как перед каждым спектаклем с потолка спускали на особом приспособлении солдата с длинной палкой с горевшим на конце ее маленьким факелом, посредством которого он зажигал газовую люстру, висевшую посередине зрительного зала. Для «райских» зрителей²⁸ эта громадная люстра была настоящим наказанием — она загораживала собой всю сцену. Благодаря этому средние места 4 и 5 ярусов всегда оставались пустыми, так как оттуда ничего не было видно.

Газовое освещение было неудобно еще тем, что от него быстро нагревалась атмосфера и поэтому в зрительном зале всегда было жарко и пахло газом.

Музыкант сажал меня в оркестре, капельдинеры ставили меня наверху в райские проходы, а иногда проводили на сцену к сторожам.

Последние пристраивали меня под самым потолком, около занавеса, в каких-то темных и пыльных чуланах.

Я там становился на пол на колени, просовывал голову в небольшое отверстие, прорванное в колосниках, и в таком неестественном положении наслаждался итальянской оперой. Однажды при спуске занавеса я зазевался, и мне чуть было не оторвало голову бревном, находящимся внизу занавеса.

После спектакля я вылезал из своей бесплатной ложи, весь выпачканный в пыли.

Таким образом мне пришлось слышать почти всех знаменитых итальянских артистов: Кальцолари, Николини, Капуль, Мазини, Котоньи, Девойод, Скотти, Арто, Лукка, Нильсон,

Арнольдсон и божественную Патти; последнюю я слушал семнадцать раз.

Как сейчас помню тот восторг и очарование, которые производила своим пением эта несравненная дива. При изумительной технике ее чарующий голос был настолько кристально чист и мелодичен, что казался неземным. Когда она пела свои неподражаемые трели и фиоритуры, они оканчивались где-то в небесах. Когда она замолкала, публика продолжала сидеть несколько времени как бы загипнотизированная. Затем певице делали такие овации, от которых буквально дрожал театр. Таких оваций видеть мне более не приходилось.

Патти была очень добра на повторения, и поэтому ей приходилось повторять каждую арию два раза, а особенно популярные арии ее заставляли часто петь по три раза. Публика особенно любила слушать в ее изумительном исполнении Алябьевского «Соловья» — без него не обходилась ни одна опера.

Когда пела Патти, то в первом ряду кресел всегда находился ее старый и некрасивый муж, маркиз Ко, впоследствии его заменил красавец тенор Николини.

Дирижировал итальянской оперой прекрасный капельмейстер Бевиньяни. В то время не было гастрольной системы и гастролеров; вместо них в каждой опере был «ансамбль», да такой, о котором теперь и мечтать нельзя.

Этим и можно объяснить тот необычайный успех, какой имела итальянская опера в 1880-х годах, и те безумные цены, которые почтеннейшей публике приходилось платить за билеты театральным барышникам.

XV

В то же самое время русская опера была в полнейшем загоне и едва влачила свое печальное существование. В ней не было тогда сколько-нибудь выдающихся певцов.

Спектакли русской оперы назначались два раза в неделю, обставлялись крайне неряшливо и поэтому большей частью шли при пустом зале.

Зато Малый театр был в большом фаворе. Там одновременно подвизались в полном расцвете своих талантов такие артисты-гиганты, как Ермолова, Федотова, Медведева, Акимова, Васильева, Никулина, Шумский, Медведев, Садовский, Живокини, Решимов и др. При таком блестящем составе труппы на сцене Малого театра каждая новая пьеса была целым событием.

Но особенную сенсацию производил своими произведениями А.Н. Островский. Его пьесы в то время разыгрывались на сцене Малого театра с колоссальным успехом.

Чтобы закончить о театрах, я должен сказать еще несколько слов о театральных маскарадах, которые устраивались в Большом театре. Мне лично пришлось быть там два раза.

Когда я в первый раз входил в маскарад, я был поражен множеством костюмированных и... табачным дымом. Дым везде. В фойе, в буфетных комнатах и во всех коридорах. Накурено было так, хоть топор вешай.

Ложи во всех ярусах были переполнены нарядной публикой и представляли собой настоящий цветник красивых женских головок, ярко блестящих драгоценными камнями.

В зрительном зале и на сцене (которые соединялись вместе) происходили танцы.

Танцующих было множество. Многие пары отчаянно канканировали (такого забористого канкана я не видел и в Париже). Маскарады в Большом театре проходили как-то особенно весело и шумно.

Говорят, что москвича дешевле похоронить по первому разряду, чем развеселить. Это всецело относится к современным москвичам, для увеселения которых теперь устраивают разные иллюзионы, варьете, кабаре и прочее и все-таки никак не могут их развеселить.

В старой Москве подобных учреждений не имелось, да в них и не было нужды. Наши деды и бабушки умели отлично веселиться и без кабаре.

Полвека тому назад москвичи жили и веселились более просто и семейно. В то время несколько раз в год устраивались грандиозные катанья на великолепных рысаках в Петровском парке, в Сокольниках, под Новинским, на Тверской и в Рогожской. На эти многолюдные катанья вывозили напоказ московских невест. Особенно многолюдно было катанье на Масленице в Рогожской. Там катались купцы второй и третьей гильдий и зажиточные подмосковные огородники, их жены и дочери были одеты в цветные бархатные салопы и ротонды, которые они заворачивали наполовину мехом вверх, для того чтобы не помять бархата... такие завороты давали много пищи для смеха многочисленных зрителей, стоявших по обеим сторонам разезда. Затем устраивались большие народные гулянья. На месте теперешнего Новинского бульвара, от Кудрина до Смоленского рынка, во всю длину площади, ставили несколько десятков

больших деревянных балаганов, в которых давали различные представления во главе с Петрушкой и масленичным дедом. Москвичи особенно весело проводили рождественские праздники и Святки. В это время девушки занимались гаданьем, выбегали за ворота и обращались к проходящим с вопросом: «Как ваше имя?», бросали через забор башмаки, гадали с зеркалом, с петухом и проч.

На темных улицах часто попадались большие группы ряженых и маскированных, разъезжавших по знакомым домам, где экспромтом устраивались веселые домашние маскарады.

Затем большими компаниями катались по городу на тройках и на простых развалинах.

К сожалению, эти прекрасные и здоровые развлечения теперь, кажется, отошли в область преданий.

И.А. Слонов

МОСКОВСКОЕ КУПЕЧЕСКОЕ СОБРАНИЕ

Жизнь и деятельность Собрания

I. Деятельность Собрания общественно-благотворительного характера

*485 000 рублей на благотворительность. —
Стипендии. — Стипендиаты императора Александра II. —
Прием славян. — Всеподданнейший адрес. —
Парадные обеды и приемы*

Московское Купеческое Собрание, учрежденное с целью доставления своим членам «возможности проводить свободное от занятий время в обществе с пользой и удовольствием» (§ 1 Постановлений 1859 г.), далеко не отказывалось, однако, и от деятельности общественного характера постольку, поскольку она допускалась, разумеется, рамками уставов Собрания.

Наиболее распространенною формою этого рода деятельности являлись материальные жертвы Собрания, всегда откликнувшегося на крупные события государственной и общественной жизни России.

Войны и связанные с ними народные бедствия занимают первое место в ряду пожертвований Собрания на общественно-благотворительные нужды. На эту цель Собранием было израсходовано за истекшие шестьдесят лет свыше 150 000 рублей.

Откликнувшись на русско-турецкие войны 1854 и 1877—1878 гг. (пожертвовано 10 000 рублей), Собрание особенно широко жертвовало в памятную эпоху русско-японской войны.

Общим собранием 4 февраля 1904 г. было ассигновано пожертвование в 50 000 руб. на устройство военных госпиталей от города Москвы и на нужды, вызванные военными действиями. Через месяц, 6 марта 1904 г., общее собрание единогласно решило пожертвовать еще 60 000 руб. на снаряжение двух «летучих отрядов Московского Купеческого Собрания» с лазаретами на 50 кроватей. В том же собрании было решено установить на все время войны особый сбор на нужды армии и флота по 25 коп. с каждой игры подаваемых в Собрании карт. На суммы этого сбора (около 3 900 рублей) оказалось возможным не только

содержать летучие отряды и койку имени Московского Купеческого Собрания в московском городском плавучем госпитале, но и приобрести для нижних чинов теплые фуфайки и двучолки для перевозки раненых и больных. Не довольствуясь этим, общее собрание 13 ноября того же 1904 г. вновь ассигновало на нужды армии и флота 25 000 рублей. Всего же на нужды армии и флота во время русско-японской войны Московским Купеческим Собранием было пожертвовано до 140 000 рублей.

Неоднократно постигавшие различные местности России неурожаи также вызывали отклик среди членов Собрания, ассигновавших на дело помощи пострадавшим от неурожаев до 38 000 рублей, в том числе: 20 000 рублей в 1899 г., 5 000 руб. в 1911 г., по 3 000 руб. в 1868, 1873 и 1891 гг., 2 000 руб. в 1862 г., 1 000 руб. в 1907 г.

Свыше 12 000 рублей пожертвовано Собранием на другие народные бедствия, постигавшие различные местности России, в том числе: 5 000 руб. — в пользу пострадавших от пожара жителей С.-Петербурга в 1862 г. и 5 000 руб. — в пользу сибирских погорельцев в 1864 г., причем за эти пожертвования Собрание было удостоено высочайших благодарностей.

Довольно широкое участие принимало Собрание и в деле помощи учащимся и учебным заведениям, затратив на всякого рода пожертвования в этой области свыше 60 000 рублей.

Одни только недостаточные студенты Московского университета получили из сумм Собрания на взносы за право слушать лекции 37 000 руб., не считая пособий на ту же цель, нередко выдававшихся отдельным лицам. На нужды учащихся Московской Практической Академии Коммерческих наук было пожертвовано свыше 5 000 руб., общество для пособия нуждающимся студентам Московского Технического училища получило 2 000 руб., общество для пособия недостаточным слушателям Московского Коммерческого Института — 1 500 руб., московское училище при лютеранской церкви Петра и Павла — 2 500 руб., летние колонии московских городских училищ — 2 300 руб. и т.д.

Не оставалось в стороне и дело медицинской помощи населению Москвы. Московское Купеческое Собрание приходило на помощь и при устройстве центрального полицейского приемного покоя, и при организации скорой медицинской помощи, и в других случаях, пожертвовав на эти дела более 22 000 рублей. В мужском отделении центрального приемного покоя при Пре-

чистинском полицейском доме имеются две кровати имени Московского Купеческого Собрания.

Принимало участие Купеческое Собрание и в сооружении храмов и памятников: так, на сооружение памятника в Москве императору Александру II было пожертвовано 5 000 руб., на постройку русской церкви в Женеве 500 руб. и т.п.

Московские благотворительные учреждения, вынужденные обращаться за денежной помощью к общественным организациям, также редко встречали отказ со стороны Московского Купеческого Собрания. Одни городские попечительства о бедных получили от Собрания субсидии почти на 14 000 руб.; около 10 000 было выдано убежищу для престарелых артистов имени императора Александра III, в том числе 1 000 руб. на учреждение стипендии имени О.А. Правдина; свыше 80 000 руб. другим благотворительным учреждениям столицы, в их числе: Братолюбивому обществу — 2 000 руб., комитету глухонемых — 2 000 руб., Пречистинскому попечительству о неимущих и нуждающихся в защите детей — 2 000 руб., обществу призрения и воспитания слепых детей — 2 000 руб. и др. За пожертвования Московское Купеческое Собрание избрано почетным членом общества попечения о детях, отцы которых погибли при исполнении служебных обязанностей.

В длинных списках пожертвований Собрания встречаются и братья-славяне, и греки-кандиоты, и пострадавшие от землетрясения 1908 г. в Южной Италии...

Не были лишены помощи и отдельные лица, искавшие ее у Собрания, в одном из параграфов устава которого было сказано: «Московское Купеческое Собрание с давнего времени приняло на себя священную обязанность вспомоществования бедным». Особенно широко практиковалась эта непосредственная помощь бедным за время с 1848 по 1880 г., когда на это дело было затрачено свыше 62 000 рублей.

Печатаемые в приложениях копии некоторых полученных Собранием благодарностей за пожертвования могут служить дополнением к этой краткой характеристике благотворительной деятельности Московского Купеческого Собрания, на которую за шестьдесят лет было израсходовано 485 550 рублей.

Но общественная деятельность Собрания не исчерпывалась этими пожертвованиями.

В 1864 г., празднуя свое пятидесятилетие, Собрание учредило в память этого юбилея две стипендии: одну — в Московской Практи-

ческой Академии Коммерческих наук и одну – во 2-й Московской гимназии, ассигновав на эти стипендии 11 700 руб.

После каракозовского покушения 4 апреля 1866 г., обычный пятничный обед членов Собрания 8 апреля прошел в повышенном настроении и завершился постановлением: довести до сведения государя о воодушевляющих членов Собрания чувствах.

Московский генерал-губернатор через некоторое время уведомил Собрание, что «Его Императорское Величество всемилоостивейше соизволил благодарить членов и гостей Купеческого Собрания за верноподданнические чувства».

17 апреля того же года, в день рождения царя-освободителя, состоялся торжественный обед членов Собрания, причем была послана приветственная телеграмма графу М.Н. Муравьеву, от которого и получен ответ с выражением «сердечной признательности за привет и благие пожелания».

На этих апрельских обедах были также провозглашены тосты за О.И. Коммисарова-Костромского и отправлена ему телеграмма, на которую был получен следующий ответ: «От всего сердца благодарю гг. членов и гостей Собрания за русский привет, выраженный телеграммою».

Общее собрание 23 апреля 1866 г. постановило в ознаменование подвига О.И. Коммисарова-Костромского пожертвовать 6 000 руб. на учреждение второй стипендии в Московской Практической Академии Коммерческих наук для сыновей «беднейших граждан московских и костромских». С высочайшего разрешения, по ходатайству Собрания получающие эту стипендию студенты именуется «стипендиатами Его Императорского Величества Государя Императора Александра II».

23 мая 1867 г. в Москве открылась этнографическая выставка, на которую съехалось немало представителей славянских государств. 26 мая гости-славяне присутствовали в Собрании на устроенном в их честь обеде и в память этого посещения расписались в особой книге. «Францишек Палацкий, историограф чешский», «Илья Пламенац, воевода и сенатор черногорский», и многие другие заполнили листы этой книги своими автографами.

3 апреля 1879 г. в помещении Собрания было совершено торжественное молебствие по поводу спасения государя во время покушения на его жизнь 2 апреля 1879 г., а 7 апреля старшиною Собрания С.А. Шиловым был представлен московскому генерал-губернатору всеподданнейший адрес следующего содержания:

Всемиловейший Государь!

Члены Московского Купеческого Собрания, глубоко потрясенные святотатственным покушением на Священную Особу Вашего Императорского Величества, собравшись в стенах Собрания и принеся Господу Богу торжественное благодарение за сохранение Его чудодейственным Промыслом драгоценной жизни для России ее Царя Освободителя, приемлют смелость повергнуть к стопам Вашего Императорского Величества одушевляющие их чувства беспредельной любви и верноподданнической преданности к своему возлюбленному Монарху.

Вашего Императорского Величества верноподданные, старшины Московского Купеческого Собрания Серий Шилов, Сергей Щенков, Александр Арабажи, Николай Коншин.

В мае того же 1879 г. старшины Собрания получили уведомление, что «Государь Император Высочайше повелеть соизволил: благодарить членов Московского Купеческого Собрания за верноподданнические чувства».

В том же 1879 г. Купеческое Собрание приняло участие в праздновании 50-летия службы в офицерских чинах московского генерал-губернатора князя В.А. Долгорукова поднесением ему приветственного адреса.

В 1882 г. члены Собрания произвели подписку на учреждение в московской консерватории стипендии имени А.Г. Рубинштейна, давшую 1 380 руб. 25 коп.

В 1888 г. Собрание чествовало многолюдным обедом строителя Закаспийской железной дороги генерал-лейтенанта М.Н. Анненкова.

В август 1890 г. Собрание поднесло второй приветственный адрес князю В.А. Долгорукову по поводу двадцатипятилетия его служения в должности московского генерал-губернатора.

В 1894 г. Собрание выразило соболезнование г-же Карно и правительству Франции по поводу трагической смерти президента Французской республики Карно.

В 1891 и 1897 гг. Собрание оказывало гостеприимство экспонентам московской Французской выставки 1891 г. и членам XII международного конгресса врачей. Воспоминанием о гостеприимстве, оказанном Собранием экспонентам Французской выставки, является громадная ваза и памятная медаль с надписью «Club des Marchands» («Клуб торговцев»), поднесенные в дар Собранию комитетом Французской выставки.

Затем общее собрание 15 ноября 1903 г. учредило для бедных студентов медицинского факультета Московского университета стипендию в память покойного председателя Собрания К.Ю. Милиотти, израсходовав на это 8 000 рублей.

Обед в Купеческом Собрании 18 октября 1905 г., посещенный многими гласными московской городской думы, явился как бы откликом на акт 17 октября 1905 г. Было произнесено не мало речей, провозглашены тосты за обновленную страну и новый государственный строй.

Наконец общее собрание 28 апреля 1912 г. учредило третью стипендию Московского Купеческого Собрания в Московской Практической Академии Коммерческих наук — в память столетия Отечественной войны.

Между прочим, именно помещение Купеческого Собрания было избрано для знаменитого «писательского обеда» 28 декабря 1857 г., на котором собралось 180 человек и открыто говорилось о будущем освобождении крестьян, читались стихи, произносились горячие речи. Обед завершился патриотической манифестацией у портрета государя. Произнес речь и член Купеческого Собрания известный В.А. Кокорев, предлагавший купечеству открыть подписку на выкуп земли для освобождаемых крестьян и поднимавший бокал в «честь и славу тех людей, которые в чувствах истинной любви к Государю» будут содействовать выходу России «на открытый путь гражданственности».

Таковы были главнейшие факты в истории общественной деятельности Московского Купеческого Собрания за истекшее полу столетие.

Отголоском этой деятельности является и находящаяся в зале совета старшин картина профессора И.К. Айвазовского — дар офицеров Черноморского флота, принесенный Собранию по окончании Севастопольской кампании — 23 февраля 1856 г.

II. Библиотека Собрания

Ее учреждение. — Составление правил, каталога и инвентаря. — Библиотечный фонд. — Библиотечная комиссия. — Расходы на библиотеку и ее деятельность

Переходим ко внутренней жизни и деятельности Собрания.

Забота о снабжении членов Московского Купеческого Собрания материалом для чтения проходит через всю историю Собрания. Уже сам его учредитель Карл Хейснер в 1785 г. возлагал на эконома «Купеческого Клуба» обязанность «в комнатах Собрания держать гамбургские, немецкие, петербургские и здешние ведомости». Постановление Купеческого Собрания 1803 г. подтверждает эту обязанность эконома.

Новые Постановления 1814 г. стремятся ввести известный порядок в пользование читальней Собрания, помещающейся уже в отдельной комнате, в которой «ведомости и журналы будут лежать на столе, — как гласит пункт 35-й Постановлений. — Никто из членов не берет оных из Собрания, пока не переплетены в $\frac{1}{4}$ годовые томы. Из оной комнаты можно брать ведомости и журналы и в другие комнаты; но всякий член, взявший оные, должен по прочтении немедленно отнести или отослать в комнату для чтения» под страхом штрафа в 5 рублей.

В октябре 1850 г. при Собрании основывается, наконец, и библиотека. Старшины Собрания, «желая положить основание библиотеке Собрания», ассигновали из капитала Собрания 1 000 руб. на покупку книг «новейшего издания, которые заслужили одобрительные отзывы лучших современных журналов». Покупка книг и устройство библиотеки были поручены членам Собрания В.П. Боткину и А.В. Назарову.

В марте 1852 г. из сумм особого сбора с членов Собрания на составление библиотеки было решено купить французских книг на 1 500 руб.

В 1854 г. появились печатные правила библиотеки, к сожалению, не сохранившиеся в архиве Собрания, вообще очень небогатом в отношении сведений по библиотеке. Известно только, что 14 марта 1859 г. старшины производили пересмотр и изменение правил библиотеки 1854 г. и постановили избрать из своей среды одного старшину «для непосредственного заведывания библиотекою».

За шестидесятые годы прошлого столетия сведений относительно библиотеки, за исключением расходов на ее содержание, почти не имеется.

К 1872 г. библиотека пришла в беспорядок, удостоверенный заявлением члена Собрания, завывавшего библиотекой, П.И. Санина в общем собрании 15 февраля 1872 г.

Нового каталога библиотеки не было, инвентаря или описи книгам не велось, «лица, вступавшие на должность библиотекаря, при вступлении своем никогда не принимали книг и по оставлении должности никогда их не сдавали», оставалось даже неизвестным самое число книг библиотеки.

Указывая далее на окончание работ по составлению каталога и инвентаря библиотеки, П.И. Санин заявлял, что именно инвентарь и «показал, как дорого поплатилось Собрание за вышеуказанную бесконтрольность и безотчетность: более ты-

сячи сочинений — по отделу русских и французских книг — не оказалось в целости».

В заключение г-н Санин указывал ряд мер для водворения в библиотеке прочного порядка и предлагал Собранию «избрать комиссию, которой и поручить выработать такие правила по управлению библиотекою, при соблюдении которых библиотека могла бы находиться в постоянном порядке».

Через два года, в 1875 г., были изданы «Правила Библиотеки Московского Купеческого Собрания», на основании которых она «поддерживается и пополняется новыми книгами на счет особого ежегодного взноса по рублю серебром от каждого члена Собрания и члена-посетителя».

Общее собрание 1 декабря 1901 г. по предложению 52 членов Собрания постановило отпускать ежегодно по смете на покупку книг для библиотеки по 2 500 руб., с тем чтобы неизрасходованный остаток этой суммы поступал в особый «библиотечный фонд». К 1 октября 1913 г. в этом библиотечном фонде состояло уже 14 358 руб. 16 коп.

В 1904 г. совет старшин утвердил новые правила библиотеки взамен устаревших правил 1895 г., и в том же году был составлен каталог библиотеки.

Однако ревизионный комитет Собрания нашел постановку дела в библиотеке Собрания неудовлетворительной и в своем докладе общему собранию заявлял, что библиотека Собрания «представляет какой-то архив с книгами прошлого столетия».

Но со следующего же года положение библиотеки стало улучшаться, и покупка новых книг с 267 руб. 03 коп. в 1904—1905 гг. возросла к 1910—1911 гг. до 1 291 руб. 04 коп.

15 января 1911 г. общее собрание приняло предложение ревизионной комиссии об учреждении для заведывания библиотекой особой комиссии из трех лиц с участием одного из старшин Собрания.

Первою заботой вновь учрежденной библиотечной комиссии был пересмотр правил пользования библиотекой и издание нового ее каталога.

За последнее двадцатипятилетие на содержание библиотеки Собранием затрачено 75 352 руб. 71 коп., т.е. в среднем свыше 3 000 руб. в год. На покупку новых книг за то же время израсходовано 15 408 руб. 40 коп., причем за десятилетие 1893—1903 гг. книг куплено на 4 830 руб. 26 коп., а за последующее десятилетие уже на 9 012 руб. 29 коп., т.е. вдвое больше. Увеличились

также и расходы на выпуску газет и журналов для библиотеки Собрания. Двадцать пять лет назад, в 1888—1889 гг. их было выписано на 987 руб. 78 коп., а в 1912—1913 — на 1 312 руб. 95 коп.

В настоящее время библиотека Собрания насчитывает около 52 000 томов и в том числе боле 14 000 томов книг на иностранных языках, не считая периодических изданий.

Число членов, пользующихся библиотекой Собрания, за последние годы неуклонно возрастает: в 1908—1909 гг. библиотекой пользовались 566 членов Собрания, в 1909—1910 гг. — 619, 1910—1911 — 657, 1911—1912 — 725 и 1912—1913 гг. — 752 лица, не считая членов Собрания и гостей, пользующихся читальней Собрания.

III. Увеселения

Убытки от устройства увеселений. — Вопрос об увеселениях среди членов Собрания. — Увеселительная комиссия. — Балы. — Семейно-танцевальные вечера. — Танц-директоры. — Маскарады. — Отзывы современников. — Концерты и спектакли. — Гулянья в саду Собрания. — Зимние горы и каток в саду Собрания

Управление Московским Купеческим Собранием всегда относилось с большим вниманием к вопросу об организации различного рода увеселений для членов Собрания и их семейств.

Балы, маскарады, спектакли, музыкально-вокальные и музыкально-литературные вечера, концерты, дивертисменты, кабаре, торжественные встречи Нового года, рождественские елки, зимние катанья с гор и на коньках следовали одно за другим, причем Собрание не смущалось увеличением убытков от устройства увеселений, достигавших в общем довольно значительных размеров, как это видно из следующих данных по десятилетиям:

1853/1854—1862/1863 г.	22 767 руб. 49 коп.
1863/1864—1872/1873 г.	65 793 руб. 52 коп.
1873/1874—1882/1883 г.	55 635 руб. 48 коп.
1883/1884—1892/1893 г.	23 450 руб. 97 коп.
1893/1894—1902/1903 г.	47 032 руб. 12 коп.
1903/1904—1912/1913 г.	104 865 руб. 08 коп.

Всего за шестьдесят лет убытки от увеселений составили сумму 319 562 руб. 66 коп.

Программа и характер увеселений, устраиваемых в Московском Купеческом Собрании, нередко служили предметом разнообразных суждений общих собраний, специальных комиссий и отдельных лиц.

Так, например, в общем собрании 30 ноября 1893 г. один из членов предлагал «вычеркнуть из сметы сумму на увеселения, так как увеселениями пользуется сравнительно небольшое число членов — большинству же они не доставляют никакого удовольствия».

Член Собрания г-н Шлезингер в заявлении, поданном в 1895 г. в комиссию по пересмотру бюджета Собрания на 1895—1896 гг., высказывал пожелание, чтобы «комиссия нашла бы пути увеселениями, ужинами, концертами и т.п. привлечь большее число посетителей к нам в Собрание и этим поднять его жизнеспособность».

По постановлению общего собрания 1 декабря 1901 г. (по заявлению 73 членов) была избрана особая комиссия из 12 членов для улучшения благоустройства Собрания. Эта комиссия коснулась, между прочим, и вопроса об увеселениях, признавая, что «существующий ныне порядок увеселений и развлечений не удовлетворяет потребностям как самих членов Собрания, так и их семейств, уже не говоря о дороговизне». Для устранения этого недостатка комиссия предлагала избрать особую постоянную комиссию из членов Собрания для совместной с советом старшин разработки «характера и состава увеселений на весь сезон». Эта комиссия была избрана и приняла участие в разработке программы увеселений на 1907/1908 г., но обратилась в постоянно действующую лишь с 1911 г.

Дело в том, что ревизионная комиссия в 1911 г. высказалась довольно неодобрительно по поводу устраиваемых в Собрании увеселений. Совет старшин, давая объяснения по поводу заключений ревизионной комиссии, между прочим, заявил:

Общие отзывы членов и посетителей Собрания последнего года дают право совету признать, что увеселительная часть Собрания стоит значительно выше других однородных учреждений Москвы, тогда как отпускаемые на сей предмет средства приблизительно одни и те же, а в Охотничьем клубе достигают даже 25 000 р. Прогрессирующее число посетителей этих вечеров наглядно подтверждает, что качество вечеров удовлетворяет вкусам и потребностям публики.

Эти объяснения были заслушаны на общем собрании 19 декабря 1911 г., причем было постановлено: избрать в помощь

совету старшин постоянно действующую увеселительную комиссию.

27 ноября 1912 г. совет старшин Собрания, рассмотрев вопрос об устраиваемых в дни семейных вечеров увеселениях, пришел к заключению, что опереточные спектакли проходят далеко неудовлетворительно, несмотря на привлечение новых сил, и ввиду этого постановил: разнообразить характер увеселений, устраивая, кроме опереточных, драматические и оперные спектакли, музыкально-вокальные дивертисменты и пр.

Через два дня после этого постановления, 30 ноября 1912 г., 58 членов Собрания подали в совет старшин заявление, констатировавшее тот же «факт значительного ухудшения постановки оперетт».

Это заявление подвергалось обсуждению на общем собрании 3 января 1913 г., но не потребовало никаких постановлений, так как ухудшение оперетт было уже замечено советом старшин и увеселительной комиссией и вместо спектаклей оперетты со сборною труппой в Купеческое Собрание приглашались, так сказать, «на гастроли» труппы существующих в Москве театров.

Старейшим из увеселений, устраивавшихся в Московском Купеческом Собрании, являются балы, один из наиболее распространенных видов общественных увеселений в начале минувшего века.

Уже в Постановлениях Купеческого Собрания 1803 г. встречается упоминание об устраиваемых в Собрании балах: в дни балов с членов Собрания не взимаются штрафы за позднее пребывание в помещении Собрания.

Постановления 1814 г. определенно указывают, что балы в Собрании устраиваются каждое воскресенье, начиная с 15 сентября и до наступления Великого поста, причем каждый член Собрания имеет право ввести на бал трех девиц или дам. «Само собой разумеется, — добавляют Постановления, — что каждый член не должен привести в Собрание ни дамы, ни девицы, в благонравии и добром имени которой не совсем уверен». Нарушение этого правила каралось самым жестоким образом: за первый раз штраф в 200 руб., за второй раз — штраф в 400 руб., а в третий раз — исключение из членов без баллотировки. Между прочим, § 41 Постановлений предуведомлял, что «г.г. кавале-

ры, желающие пользоваться танцами», должны быть «в перчатках и башмаках».

О балах в Купеческом Собрании первой половины XIX в. встречаются указания и в литературе.

Автор «Путеводителя по Москве» 1831 г. так, например, описывает один из балов: «Смотрите, вот Купеческое Собрание, смотрите, с какою легкостью и искусством кружатся в вихре танцев молодые люди сего почтенного и степенного сословия».

В конце тридцатых годов в «Московских Ведомостях» встречаются публикации о балах Купеческого Собрания.

В сороковых годах в Собрании стали устраиваться новогодние балы 31 декабря. В то же время на балах Собрания появляются гости, уплачивающие за «визитерные билеты» по 5 руб. ассигнациями.

В пятидесятых годах в «Ведомостях Московской Городской Полиции» встречаются публикации о балах-парэ²⁹ Купеческого Собрания, а с конца пятидесятых годов в Собрании, приобретаем по уставу 1859 г. более замкнутый характер, начинают устраиваться вместо балов семейно-танцевальные вечера, на которые приглашаются известные в то время оркестры Сакса, Блезе, Гене и др.

В Постановлениях 1859 г. находятся любопытные указания на особую должность «танц-директоров», обязанных наблюдать за «порядком и приличием в танцах». Эти два или три танц-директора ежегодно избирались старшинами из числа членов Собрания и имели право делать всякому нарушающему порядок и приличие во время танцев «вежливое замечание», а в случае неповиновения — сообщать дежурному старшине для воспрещения «нарушителю порядка танцевать», в случае же оскорбительных для общества по неприличию поступков танцующего — и для удаления «виновного из Собрания».

Между прочим, Постановления 1859 г. сохраняли строгие правила 1814 г. относительно введения в Собрание дам, присутствие которых «может быть оскорбительно для общества». За эту провинность член Собрания, с которым вошла дама, подвергался баллотировке, а если дама входила с гостем, то последний навсегда лишался права входа в Собрание.

В семидесятых годах на танцевальные вечера Собрания приглашалось иногда по два оркестра: в 1873 г. играли, например, бальный оркестр Рябова и военный Крейнбринга.

К концу восьмидесятых годов увлечение танцами в Собрании вообще несколько улеглось: в 1888 г. был, например, со-

вершенно отменен бал-парэ, а общее собрание 28 ноября 1889 г. постановило «устроить один или два пробных танцевальных вечера только в таком случае, если последует заявление совету старшин, подписанное не менее как 65 лицами г.г. членов».

В начале девяностых годов среди членов Собрания стали раздаваться протесты против устройства семейных вечеров. На общем собрании 30 ноября 1893 г. член Собрания С.И. Лямин указывал на то, что семейные вечера почти не посещаются публикой и время их успеха в обществе миновало.

Действительно, с 1891/1892 г. семейные вечера пришли в упадок и устраивались один-два раза в году. Но с 1904/1905 г. число устраиваемых в Собрании семейно-танцевальных вечеров значительно возрастает: в 1904/1905 г. их было устроено 8, в 1905/1906 г. — 13, в 1906/1907 г. — 30, в 1907/1908 г. — 21, и лишь в самые последние годы число вечеров стало несколько уменьшаться.

За последнее двадцатипятилетие в Собрании было дано 155 семейных вечеров с танцами.

* * *

О маскарадах Московского Купеческого Собрания впервые упоминается в Постановлениях 1814 г., но за период времени от 1814 г. до 1847 г. в архиве Собрания не сохранилось никаких сведений об устройстве маскарадов. Однако, по словам современника, в двадцатых годах прошлого столетия устраиваемые в Собрании маскарады пользовались уже крупным успехом: масленичные маскарады посещало, например, до 1500 человек.

В 1841 г. встречаются газетные публикации о маскарадах в Собрании, а современник, Вистенгоф, в своих «Очерках московской жизни», между прочим, говорит о балах и маскарадах Купеческого Собрания: «Купеческие дочери на бале и маскараде обыкновенно очень молчаливы; замужние — почти неприступны для разговора, позволяя, однако ж, приглашать себя в молчании двигаться под музыку. Здесь вы увидите богатые наряды во всем блеске их безвкусия. Часто головки молоденьких купеческих дочек горят бриллиантами и привлекают лакомые взоры военных и статских женихов — нередко нарочно посещающих Купеческое Собрание для того, чтоб высмотреть себе суженую».

В 1847 г., летом, в саду Собрания устраивались гулянья, а после них — маскарады.

В 1851–1856 гг. в Собрании во время зимнего сезона давались 1–3 маскарада в месяц по четвергам, а иногда и в воскресенье. На всех этих маскарадах играл знаменитый в то время московский оркестр Сакса, а визитеры (гости), допускавшиеся по запискам членов, за вход платили по три рубля.

Московская печать пятидесятих годов удостоверяла, что маскарады Купеческого Собрания «всегда бывают очень оживленны и непринужденно веселы», и выражала желание «поблагодарить распорядителей этого клуба, которые так много заботятся, чтобы доставить удовольствие его посетителям». «Вечера, балы, маскарады, — читаем в другом издании, — вступают в свои права: в Купеческом клубе уже было несколько блестящих маскарадов».

Советом старшин Купеческого Собрания в феврале 1859 г. были составлены особые правила семейных и публичных маскарадов, но семейные маскарады прививались туго. Из публикаций Собрания за зимний сезон 1859/1860 г. видно, например, что в Собрании в этом сезоне было дано 9 публичных маскарадов (кроме инвалидного) и только один бесплатный семейный маскарад исключительно для членов Собрания.

В последней четверти XIX века маскарады в Купеческом Собрании в значительной мере изменили свой характер: семейные маскарады прекратились, а на публичные маскарады, как и во всех других клубах, стали проникать «нежелательные элементы».

В общем собрании 30 ноября 1893 г. член Собрания К.И. Тихомиров указывал, например, что члены Собрания уклоняются от посещения маскарадов потому, что на них «проникают по запискам членов такие женщины, которых не пускают в общество».

Комиссия 1901 г. по улучшению быта Собрания высказывалась за сокращение числа маскарадов до двух–трех в год, считая в том числе и обязательный маскарад в пользу инвалидов. Маскарады, по мнению комиссии, «совершенно утратили свое значение и уже не представляют достаточного интереса».

Однако маскарады продолжали устраиваться, и лишь в последние два года 1911/1912 и 1912/1913 гг. устраивалось по одному маскараду в пользу инвалидов, всегда дававшему Собранию убыток.

За двадцатипятилетие 1888–1913 гг. в Собрании было устроено ровно сто маскарадов.

* * *

Концерты начали устраиваться в Московском Купеческом Собрании еще в начале XIX века. В «Московских Ведомостях» 1812 г. находим, например, публикацию о концерте в Собрании Федора Голтенгофа (6 апреля).

В сороковых годах в саду при помещении Собрания на Б. Дмитровке устраивались «гулянья» с оркестром полковой музыки и пением хора песенников.

С пятидесятых годов в Собрании начинаются так называемые музыкальные вечера с участием оркестра Сакса, Блезе и Гене. Иногда в этих вечерах принимали участие такие артисты, как Рубинштейн и Безекирский (1863/1864 г.), различные хоры: цыганские, швейцарские и другие. 19 ноября 1853 г. на вечере в Собрании пел, например, «вновь прибывший из С.-Петербурга хор цыган Ив. В. Васильева», в 1859 г. пели «беарнские певцы в своих национальных костюмах».

В шестидесятых годах в летние месяцы эти вечера устраивались в саду Собрания: играли оркестры Гадевальда, Рихтера, Гене, Сакса, Эргангера, или цыганские хоры Ф. Соколова, Ив. Васильева. В семидесятых годах такие летние концерты устраивались даже еженедельно — по четвергам.

Устраивались также в Собрании и музыкально-литературные вечера, дивертисменты, сеансы кинематографа и, наконец, в последние годы кабаре.

С переходом Собрания в собственное помещение в летние месяцы в саду Собрания стала три раза в неделю играть музыка, а летом 1912 г. в саду устраивались и разнообразные увеселения.

За последние двадцать пять лет этого рода увеселения в Собрании были устроены 60 раз.

Спектакли в Собрании стали систематически устраиваться лишь с 1909/1910 г., с переходом Собрания в собственный дом.

За четыре года было дано 67 спектаклей, состоявших главным образом из оперетт, легких комедий и иногда опер.

Кроме этих увеселений, в Собрании устраиваются торжественные встречи Нового года, елки для детей членов на Святках, иногда — подписные ужины.

В былые годы в саду Собрания на Б. Дмитровке устраивались и зимние развлечения на открытом воздухе.

В 1850 г. Собрание приняло по предложению московского обер-полицмейстера И.Д. Лужина весь лес и вообще «всю наличность» от бывшего общества зимних гор на Пресненских прудах, заплатив долг кредиторам общества — 850 руб. Мещанин Агев и крестьянин Кучкин взяли к первому дню Рождества устроить из этих материалов в саду Собрания две горы за 600 руб. По обычаю, договор в срок не был исполнен, и старшины публикацией в «Ведомостях Московской Городской Полиции» извещали членов Собрания, что «в воскресенье, 31-го декабря, имеют быть открыты в саду Собрания зимние горы, и катанье с оных будет ежедневно от 12 до 4 ч., исключая вторников; в день открытия будет играть оркестр полковой музыки».

В 1852 г. открытие зимних гор в саду Собрания было назначено в воскресенье, 13 января, и катанье происходило по средам, субботам и воскресеньям.

Московский фельетонист 1852 г., между прочим, говорит, что «неизбежная принадлежность древней масленицы» — горы — с некоторого времени «исчезли с народного гулянья под Новинским. Теперь зимние горы сделались собственностью Купеческого Собрания».

Зимние горы в саду Собрания просуществовали несколько лет.

В декабре 1904 г. в саду Собрания был устроен наливной каток для бесплатного пользования членов и их семейств; катанье происходило ежедневно с 11 до 4 час. дня, при оркестре военной музыки.

Этот краткий очерк увеселений, устраивавшихся в Московском Купеческом Собрании, как нельзя лучше подтверждает справедливость утверждения совета старшин, что «увеселительная часть Собрания стоит значительно выше других однородных учреждений Москвы».

IV. Обеды в Собрании

Отзыв современника. — Вторничные обеды. Вопрос об убытках. — Пятничные обеды. — Летние обеды. — Подписные обеды

Видное место в истории Московского Купеческого Собрания должны занять его членские обеды, упоминание о которых встречаем уже 100 лет назад, в Постановлениях 1814 г., указывающих, что «в дни собрания члены обедают в три часа, а в прочие — в час пополудни». Являвшийся на обед с опозданием должен был довольствоваться тем, что «застанет», а «вновь ни

под каким предлогом не будет накрываем стол, хотя б было подаваемо последнее блюдо». В дни балов и маскарадов надлежало «заблаговременно брать столовые билеты», чтобы получить место за столом, носившее одинаковый номер с билетом. Занявший без билета чужое место и не уступивший его карался штрафом в 5 руб., при повторении штрафом — в 10 руб., а по третьему разу — подвергался баллотировке. Посетители Собрания, не желающие обедать или ужинать, а просто «кушать хлеб с маслом», должны были «кушать оные на малых, для того назначенных столах, но не на определенных для игры», причем нарушители обязывались платить 5 руб. пени.

Обеды в московских клубах сороковых годов вообще пользовались большой популярностью. П. Вистенгоф в своих «Очерках московской жизни» говорил, что «устройство клубов доставляет Москве, кроме приятного препровождения времени, удивительные удобства жизни. Если вы одинокий человек, то круглую неделю за самую дешевую плату имеете отличный обед в одном из клубов». В то время за обеды в московских клубах платили: в Английском — 5 руб., в Дворянском и Купеческом — по 3 руб. 50 коп. и в Немецком — 1 руб. 75 коп. ассигнациями.

В Постановлениях Собрания 1859 г. также имеются правила обедов в Собрании. Для членов и гостей «даются еженедельные обеды с платою по 2 руб. с персоны». Обеденный стол сервируется от 4 до 5 часов пополудни, явившиеся позднее не имеет права требовать сервировки себе особого стола и должен спрашивать кушанья порционно.

В шестидесятых годах обеды устраивались в Собрании по вторникам, без музыки, с платою по 2 руб. за обед; на этих обедах наименьшее число обедающих было 30—40, наибольшее — 120 человек. На подписных обедах, где играла музыка и пели цыгане, количество обедающих было значительнее; например, в подписном обед 3 ноября 1862 г. участвовало 417 человек, но зато обед и дал солидный убыток (2 870 руб. 30 коп.), как и все вообще подписные обеды.

Убытки Собрания от обедов составляли ежегодно довольно крупные суммы, и по этому поводу в апреле 1866 г. совет старшин признавал, что с падением доходов Собрания — вследствие воспрещения игры в домино, приносившей Собранию значительную прибыль, — «убытки от обедов становятся разительнее и, конечно, составляют самую важную и значительную потерю для Собрания».

Общее собрание 28 октября 1866 г. постановило: установить на следующее время один обед в неделю — во вторник, с платою членов по 1 руб. и гостей по 2 руб. с персоны, повару же заказывать не дороже 2 руб. с персоны.

Общее собрание 19 сентября 1872 г. решило произвести опыт с вторничными обедами: «первый обед заказать повару по 1 р. с персоны и чтобы члены платили за оный по 1 р., гости же по 1 р. 50 к.; последующий затем вторник заказать повару обед в 2 р. с персоны, и с членов получать также 2 р., с гостей же по 3 рубля». Но не прошло и года, как общее собрание 27 февраля 1873 г. единогласно постановило еженедельные обеды «установить таким порядком», чтобы по вторникам обеды давались по 2 руб. с персоны, а в пятницы по 1 руб. с персоны.

С 1879 по 1890 г. в Собрании существовали так называемые «летние обеды»; с мая по сентябрь ежедневно, от 3 до 7 час. (кроме праздников, воскресений и обедов по вторникам), назначались обеды из четырех блюд с платою от 1 руб. 25 коп. до 1 руб. 50 коп.

В конце 1889 г. советом старшин по постановлению 2 декабря 1889 г. плата за еженедельные обеды была повышена: во вторники с членов взимали по 2 руб. 25 коп. и с гостей — 3 руб., в пятницы — с членов — 1 руб. 25 коп., а с гостей — 1 руб. 50 коп.

Совет старшин, обратив внимание на убыточность пятничных обедов, 10 сентября 1893 г. постановил отменить их, так как «обеды эти в течение последних годов совершенно упали и почти не посещаются членами (обедают 4—9 персон) и приносят убыток как Собранию, так и повару».

Между прочим, ревизионная комиссия 1894 г., обратив внимание на убытки от обедов и увеселений, высказала неисполнимое на практике пожелание, «чтоб эти две статьи были сокращены или вовсе уничтожены».

Общее собрание 14 ноября 1898 г. разрешило допускать на летние обеды, с 1 мая по 1 сентября, семейства членов.

Комиссия по улучшению быта Собрания 1901 г. снова занялась вопросом об убыточности обедов по вторникам. «Еженедельно даваемые по вторникам обеды с взиманием платы за таковые с гг. членов Собрания по 2 р. 25 к. и с гостей по 3 р., — говорилось в протоколе комиссии, — неправильно обременяют бюджет расходов по Собранию приплатою содержателю кухни за эти обеды, которыми пользуется самое незначительное число членов Собрания, причем в истекшем году было приплачено повару 823 р. 20 к., не говоря уже о расходе в 1 823 р. 60 к. на

наем музыки, хоров и дополнительного числа официантов в дни этих обедов».

В 1905 г. ревизионная комиссия вновь обратила внимание общего собрания на убыточность обедов.

Но традиционные вторничные обеды продолжали устраиваться по-прежнему и были отменены только в летние месяцы 1911 г., так как летом в саду Собрания имеются ежедневные обеды, а на вторничные обеды ввиду разъезда членов собиралось всего 6—7 человек.

Кроме вторничных обедов, в Собрании нередко устраивались и особые подписные обеды с оркестром музыки, пением хора, дивертисментом и другими развлечениями. За двадцатипятилетие 1888—1913 гг. эти обеды были устроены свыше 50 раз и всегда отличались большим числом присутствующих.

Подписными обедами отмечались нередко и события в жизни Собрания: такими обедами были отпразднованы юбилеи Собрания — пятидесятилетний в 1864 г. и семидесятипятителетний в 1889 г.; был устроен подписной обед и по поводу перехода Собрания в собственное помещение.

Всего за последнее двадцатипятилетие было устроено 1 237 обедов (подписных, вторничных и летних), посещенных 41 574 лицами. Устройство обедов, надо заметить, всегда давало Собранию убытки, достигшие в тот же промежуток времени значительной суммы в 74 819 руб. 10 коп.

Но, как и в вопросе об увеселениях, Собрание не находило нужным стесняться в средствах, раз дело шло о предоставлении членам возможности провести в Собрании время, по выражению Постановлений 1859 г., «с пользою и удовольствием».

V. Игры в Собрании

Время открытия Собрания. — Штрафы. — Бильярд. — Лото. — Лото-домино. — Домино, кегли, скачки. — Барты. — Игра в палки. — Запрещенные игры. — Список допускаемых игр. — Возврат игранных карт. — Полицейский надзор. — Борьба с «железною дорогой». — Временное закрытие Собрания. — Цены на карты

Время открытия дверей Собрания менялось почти с каждым изданием его уставов. По правилам 1785 г. «клуб» был «отперт каждому члену всякой день от восьми часов утра до десяти вечера», т.е. в течение 14 часов в сутки.

Постановления 1803 г. переносят время закрытия Собрания на более поздние часы: открывается Собрание по-прежнему в 8 часов утра, а закрывается уже в 12 часов ночи, т.е. действует 16 часов.

Но члены, очевидно, засиживаются уже в Собрании и за полночь, потому что Постановления 1803 г. вводят неведомые хейснеровским правилам штрафы за позднее пребывание в Собрании: «кто пробудет до первого часу пополуночи, тот платить должен за первой раз один рубль, за второй два рубля и чем далее, то всякий раз вдвое».

Постановления 1814 г. открывают двери Собрания от 9 часов утра до 2 часов ночи, т.е. в течение 17 часов в сутки. О времени закрытия члены извещаются звонком.

Размеры штрафов изменены:

В 2 $\frac{1}{2}$ ч. ночи	2 руб.
3 ч. ночи	4 руб.
3 $\frac{1}{2}$ ч. ночи	8 руб.
4 ч. ночи	16 руб.
4 $\frac{1}{2}$ ч. ночи	32 руб.
5 ч. ночи	64 руб.
5 $\frac{1}{2}$ ч. ночи	128 руб.
6 ч. утра	256 руб.
6 $\frac{1}{2}$ ч. утра	512 руб.
7 ч. утра	1 024 руб.
7 $\frac{1}{2}$ ч. утра	2 048 руб.
8 ч. утра	4 096 руб.
8 $\frac{1}{2}$ ч. утра	8 192 руб.

«Сей закон в 9 ч. утра умолкает», — добавляют Постановления, допуская, таким образом, в принципе возможность непрерывного действия Собрания в течение всех суток.

Эти колоссальные по размерам штрафы едва ли, однако, взыскивались по всей строгости буквы Постановлений, или были значительно уменьшены по распоряжению администрации Собрания, потому что 28 декабря 1856 г. старшины Собрания для прекращения беспорядков «от долгого сидения в Собрании членов» постановили: «увеличить штраф доселе с них взимаемый» и установили следующее «расчисление» штрафов:

2 $\frac{1}{2}$ ч. ночи	30 коп.
3 ч. ночи	90 коп.
3 $\frac{1}{2}$ ч. ночи	1 руб. 80 коп.

4 ч. ночи	3 руб. 60 коп.
4 1/2 ч. ночи	7 руб. 20 коп.
5 ч. ночи	14 руб. 40 коп.
5 1/2 ч. ночи	28 руб. 80 коп.
6 ч. утра	57 руб. 60 коп.
6 1/2 ч. утра	115 руб. 20 коп.
7 ч. утра	230 руб. 40 коп.
7 1/2 ч. утра	460 руб. 80 коп.
8 ч. утра	921 руб. 60 коп.
8 1/2 ч. утра	1 843 руб. 20 коп.

Постановления 1859 г., приспособляясь к требованиям жизни, значительно сократили время открытия дверей Собрания. Оно открывалось лишь в 5 часов дня и действовало без штрафов до 2 часов ночи, а со штрафами до 9 часов утра, т.е. нормально в течение 9 часов, вместо прежних 17. В дни больших праздников Собрание было закрыто.

Размеры штрафов были сохранены те же, что в 1856 г.

Устав 1879 г. время открытия Собрания предоставляет усмотрению общих собраний или совета старшин, но время закрытия определяет по-прежнему в 2 часа ночи без штрафов и со штрафами не позднее 5 часов 45 минут утра.

Штрафы уставом 1879 г. определены несколько иначе, чем в 1859 г.:

В 2 1/2 ч. ночи	30 коп.
3 ч. ночи	90 коп.
3 1/2 ч. ночи	2 руб. 10 коп.
4 ч. ночи	4 руб. 50 коп.
4 1/2 ч. ночи	9 руб. 30 коп.
5 ч. ночи	18 руб. 90 коп.
5 1/2 ч. ночи	38 руб. 10 коп.

Между прочим, на общем собрании 15 декабря 1907 г. был возбужден вопрос о понижении штрафа с 18 руб. 90 коп. до 9 руб. Совет старшин находил это уменьшение невозможным, так как видел в высоком размере штрафов одно из средств прекратить доступ в Собрание нежелательным элементам. Собрание открытой баллотировкой подавляющим большинством разрешило вопрос в отрицательном смысле.

Старейшею из игр в Московском Купеческом Собрании является бильярд. Уже хейснеровские правила возлагают на эко-

нома Купеческого «клоба» обязанность «иметь бильярд в готовности один или два». Постановления 1903 г. предусматривают порядок пользования бильярдом в случае скопления желающих: партнеры могут играть не более трех партий сряду.

Следующие Постановления 1814 г. упоминают о таксе за пользование бильярдом, причем в случае неуплаты следуемых по таксе денег за сыгранные партии в течение недели, старшина требует немедленной уплаты долга со штрафом в 10 руб., а в случае неисполнения — вносит в общее собрание вопрос об исключении неплательщика из числа членов.

Вскользь говорят о правилах игры на бильярде Постановления 1859 г., а устав 1879 г. просто упоминает о бильярде в ряду других, допускаемых в собрании игр.

За последние шестьдесят лет игра в Собрании на бильярде, по-видимому, не привлекала особенно большого числа играющих. В пятидесятых годах ежегодный доход от двух видов игры на бильярде — обыкновенный и китайский — не достигает и 2 000 рублей. Во второй половине шестидесятых годов игра несколько усиливается, и доход от бильярдов возрастает до 2 400 руб. в год. В 1881/1882 г. бильярдная игра в Собрании достигает высшего развития, давая доход свыше 2 700 руб., но затем, несмотря на введение с 1887/1888 г. французского бильярда, начинает падать, и в последнее время доход от бильярдов выражается в сотнях рублей в течение целого года.

* * *

В тридцатых и сороковых годах в московских клубах довольно сильно была развита игра в лото, и в архиве Собрания хранятся правила игры в лото от 27 марта 1847 г.

Эта игра давала Собранию довольно крупные доходы: за 1846—1848 гг. от лото было получено 41 161 руб. 77 коп. дохода, в 1848 г. — 28 682 руб. и в январе 1849 г. — 1 542 руб., а в феврале 1849 г. игра в лото была прекращена по высочайшему повелению.

На смену этой игре в 1861 г. появилась новая игра в «лото-домино», просуществовавшая до воспрещения ее министром внутренних дел в 1866 г.

31 августа 1861 г. совещание старшин Собрания постановило: «по примеру прочих клубов в Москве ввести и в Купеческом Собрании новую игру в “домино” на правилах, какие существуют в прочих клубах». В первый год, т.е. до 1 октября 1861 г., эта игра дала немного: всего 615 руб. 50 коп.

Но 20 октября 1861 г. старшины Собрания ввиду большого числа желающих играть в домино-лото постановили: «игру в домино, в которой доселе участвовало 45 персон, разделить на два стола по 30 персон на каждый, со ставкою на первом столе по 50 к. с персоны, а на втором по 1 руб. и сверх того, еще одну игру для 9 персон по 50 коп. с персоны».

В 1861/1862 г. игра в домино-лото дала доход в 76 281 руб. 87 коп., и Собрание получило за этот год общую прибыль в 60 000 руб. В 1862/1863 г. доход от домино-лото выразился в 112 915 руб. 57 $\frac{1}{2}$ коп., и это дало возможность Собранию приступить к постройкам и расширению своего помещения. Два последующих года принесли доход от домино-лото свыше 203 000 рублей. Среди членов Собрания зародилась мысль обложить эту игру особым сбором на покупку собственного дома, и совет старшин постановил ввести этот сбор с 1 марта 1865 г.

Но домино-лото доживало последние дни, и Собранию не только пришлось на много лет отказаться от мысли приобрести дом, но и возвысить цену на карты, чтобы сводить концы с концами.

За время своего существования домино-лото дало Собранию свыше 400 000 рублей дохода (433 309 руб. 14 $\frac{1}{2}$ коп.).

Доходы от игры в простое домино, в кегли в открытом при Собрании с 1861—1862 г. кегельбане, от игры в скачки (1888/1889—1890/1891 гг.) даже в общей своей сложности составляли очень маленькую сумму.

Главной игрою в Купеческом Собрании, как и во всех других клубах, были карты.

Правила 1785 г. совершенно умалчивают об игре в карты, но Постановления 1803 г. уже дважды упоминают о картах. «Цена кушанью, напиткам, бильярду и за карты назначена будет от гг. директоров», — гласит § 17, а § 21 под страхом исключения из членов без баллотировки возбраняет играть в «азартные и прочие запрещенные игры».

Постановления 1814 г. определяют уже цену карт: «играющие в карты платят за две колоды оных днем 3, при свечах 4 рубля», причем в Собрании допускаются «все обыкновенные игры, кроме азартных. В азартные игры запрещается играть даже в шутку» под страхом исключения из числа членов по постановлению общего собрания.

«Карточные долги не терпятся» и должны быть уплачиваемы, если не немедленно, то «вскорости». В случае жалобы на

неплатеж карточного долга старшина должен убеждать неплательщика «на другой же день обязанность свою выполнить». Если «обязанность» не будет выполнена и после этого — старшины посылают неисправному должнику письменное требование об уплате долга. Если после этого в течение десяти дней платежа не последует — имя виновного вывешивается в «главной комнате Собрания» в особом «реестре картежных несостоятельных должников» и вычеркивается из этого реестра только по уплате долга.

Сведений о размерах игры в карты в Собрании за все время до начала пятидесятых годов в архивах Собрания не сохранилось. Уцелел лишь баланс за два года (1846—1848), из которого видно, что в течение двух лет от продажи в Собрании карт получено 12 180 руб. 77 коп. и штрафов за позднее пребывание взыскано 3 690 руб. 34 коп.

Цена за карты в 1847 г. была следующая: атласные — 1 руб. 90 коп. и отборные — 1 руб. 60 коп. за пару колод.

Ежегодные сведения о поступлениях от продажи карт и штрафов, дающие возможность до известной степени судить о размерах игры в Собрании, сохранились лишь начиная с 1853/1854 г.

За пятилетие 1853/1854—1857/1858 гг., когда Собрание жило еще по Постановлениям 1814 г., продажа карт дала 74 502 рубля, а штрафы 51 212 рублей, причем наибольшая игра велась, очевидно, в 1857/1858 г., так как в этот год продажа карт дала максимальный за пятилетие доход: 17 061 руб. 50 коп.

Во второй половине пятидесятых годов в Собрании была распространена игра в «палки», вызывавшая «беспорядки» и обращавшая на себя внимание старшин. 21 октября 1855 г. старшины постановили: «объявить гг. членам, что введенная гг. членами игра на фигуры при игре, называемой “палки”, впредь дозволена в сем Собрании быть не может, потому что старшинами замечены при сей игре неоднократно беспорядки, и для избежания оных ставить на фигуры могут только играющие». Однако «беспорядки» не прекратились и год спустя, 26 ноября 1856 г. старшины постановили, что эта игра «впредь дозволена быть не может, так как замечены при сей игре ежедневные беспорядки». Но и это постановление не помогло делу: игра в палки приняла характер ландскнехта, и 7 марта 1859 г. старшины постановили: воспретить играть на первые две фигуры или на удары, а также воспретить зрителям держать между собой пари за играющих.

В 1859 г. вступили в силу новые Постановления Купеческого Собрания. Эти Постановления допускали в Собрании «все

коммерческие игры в карты», причем считалось, что «правила каждой игры известны играющим», и устанавливались бандероли за подписью старшины на каждую пару карточных колод, подаваемых в Собрании для игры.

Долги по игре Постановления признавали вообще нетерпимыми, а в случае неуплаты долга «тотчас по окончании игры» не получивший выигрыша должен был собственноручно вписать свою претензию в особой книге в конторе Собрания с приглашением должника для подтверждения суммы долга и назначения срока платежа. При отказе задолжавшего идти в контору выигравший просил контору воспретить должнику вход в Собрание и послать ему повестку об уплате долга. При неплатеже долга в двухнедельный срок имя неплательщика, по желанию выигравшего, выставлялось на черной доске Собрания.

Постановления 1859 г. внесли значительные изменения в состав Собрания, и это не замедлило отразиться на размерах игры. Несмотря на то что, ввиду повышения цен на карты правительством с 1 сентября 1859 г. и в Собрании цены были повышены¹, доходы от продажи карт стали падать. За пятилетие 1858/1859—1862/1863 гг. от продажи карт в кассу Собрания поступило 64 750 руб. 20 коп., а от штрафов — 75 757 руб. 10 коп., причем в один 1862/1863 г. штрафных взносов поступило больше, чем за четыре предшествовавших года — 41 614 руб. 20 коп.

Надо заметить, что 1862/1863 г. был временем наибольшего развития игры в домино-лото, и потому быстрое увеличение штрафов в этом году должно быть отнесено именно за счет этой игры, а не карт.

За десятилетие 1863/1864—1872/1873 гг. доходы от карточной игры и штрафов, являющихся для нас, к сожалению, единственными показателями игры в Собрании, значительно увеличились и дали: карты — 266 186 руб. 33 коп. и штрафы — 202 255 руб. 70 коп.

По сравнению с предшествовавшим десятилетием (1853/1854—1862/1863 гг.) доходы от карт увеличились более чем на 90%, а штрафы почти на 60%.

За время обозреваемого десятилетия, в 1868 г., были введены марки для поигранных карт, которые и подавались к игре за 1 руб. 30 коп. пара (казенная марка для оклейки поигранных карт стоила 30 коп.).

¹ За пару: газетовых 2 руб. 40 коп., атласных 2 руб. 10 коп., отборных 1 руб. 80 коп. и для преферанса 2 руб.

В течение следующего десятилетия, в 1873/1874–1882/1883 гг., был введен в действие устав Собрания 1879 г., в общем подтверждавший установленные в 1859 г. правила для игры в карты.

За время этого десятилетия, в марте 1881 г. старшинам Собрания было объявлено московскою администрацией о недопущении игр в карты «макао, баккара и стрекоза».

С 1 августа 1876 г. цены игральных карт были повышены: атласные вместо 2 руб. 40 коп. до 2 руб. 50 коп. за пару, отборные 1-го разбора вместо 2 руб. – 2 руб. 20 коп., отборные 2-го разбора в 52 карты, вместо 1 руб. 80 коп. – 2 руб., и в 32 карты вместо 1 руб. 70 коп. – 1 руб. 80 коп. Через три года цены на карты снова были повышены. С 1 июня 1879 г. взималось за карты: глазетовые – 3 руб. 50 коп. за пару, атласные – 3 руб. 1-го разбора – 2 руб. 50 коп., 2-го разбора в 52 карты 2 руб. 20 коп. и в 32 карты 2 руб., игранные 1 руб. 50 коп.

В начале восьмидесятых годов в Собрании, по-видимому, была развита игра в безик, потому что 28 апреля 1882 г. 17 членов подали заявление о понижении цены за безиковые карты – с 2 руб. до 1 руб. 50 коп. за игру, по примеру Дворянского клуба. Общее Собрание 15 июня того же 1882 г. согласилось на это понижение цены, но оно просуществовало только полгода, так как общее Собрание 4 января 1883 г. постановило восстановить цену на безиковые карты в 2 руб. за пару.

Доходы от продажи карт за обозреваемое десятилетие увеличились до 321 880 руб., т.е. свыше чем на 20% больше предшествовавшего десятилетия, а штрафные поступления упали до 180 454 руб. 80 коп.

Начиная с 1883/1884 г. по данным архива Собрания удалось установить за несколько десятилетий и число ежегодно продаваемых карточных игр, и число лиц, плативших штрафы.

Эти сведения в сопоставлении с данными о доходах от продажи карт и штрафов дают возможность представить более полную картину хода карточной игры в Собрании за последние тридцать лет.

За обозреваемое десятилетие (1883/1884–1892/1893 гг.) доходы от продажи карт, давшие 279 225 руб. 52 коп., и штрафы, составившие сумму в 165 360 руб. 30 коп., в общем понизились против предшествовавшего десятилетия: карточные доходы свыше чем на 13%, а штрафы на 7%.

Штрафы за это время платило 69 977 человек, т.е. в среднем каждое лицо платило штраф в 2 руб. 36 коп.

Карт продано 34 007 дюжин 5 пар, т.е. в среднем, по 3400 дюжин в год. Больше всего продано карт в 1884/1885 г. – 4 232

дюжины 5 пар, а меньше всего в 1892/1893 г. — 2 742 дюжины 2 пары.

Между прочим, в 1889 г. был составлен список допускаемых в Собрании карточных игр. В этот список входили следующие игры: 1) винт большой, 2) винт малый, 3) преферанс, 4) ералаш, 5) вист, 6) экарте большое, 7) экарте малое, 8) пикет, 9) рамс большой, 10) рамс малый, или мушка, 11) безик, 12) гальбик, 13) покер, 14) палки, 15) кабала, 16) бостон и 17) шкотт. Заметим здесь, что совет старшин 5 февраля 1902 г. постановил: объявить членам Собрания, что участие управления Собрания в получении долгов по проигрышу в карты допускается только по этим играм.

Вследствие издания в 1890 г. новой таксы на карты совет старшин с 15 февраля 1890 г. повысил цены на отборные и безиковые карты на 10%: за отборные большие и маленькие по 2 руб. 75 коп. и безиковые по 2 руб. 20 коп. за пару. Через три года, 25 февраля 1893 г., была возвышена на 25 коп. цена на атласные карты (вместо 3 руб. — 3 руб. 25 коп. за пару).

Любопытно отметить, что с 1884 г. карточное ведомство стало обращаться в Собрание, как и в другие клубы, с просьбой никому не выдавать из Собрания игранных карт, а подавать их для игры с оклейкой марками или же возвращать фигурные и штапельные карты для замены их новыми со скидкой 10%. В 1886 г. ведомство подтвердило эти требования и сообщило, что в случае безвозмездного возврата игранных карт для истребления Собранию будет делаться 10% уступка на все покупаемое им количество карт. В 1895 г. те же требования предъявил московский обер-полицейстер, отбирая от старшин Собрания следующую подписку:

Обязуемся потребное для подачи в Собрании количество поигранных карт оклеивать установленною бандеролью; что же касается до новых карт, подаваемых в Собрании, то, раз получившее за них с игравших известную плату, Собрание не считает уже себя вправе требовать карты обратно или взимать за них еще добавочную плату, а предоставляет их в собственность игравшим. Прислуга же строго обязана не продавать никому карт.

Возвращаемся к обзору по десятилетиям.

Десятилетие 1893/1894—1902/1903 гг. в отношении дохода с карт и штрафов дало чрезвычайно интересную картину: доходы с карт несколько понизились по сравнению с предшествовавшим десятилетием и дали 265 074 руб. 04 коп., тогда как штрафы увеличились более чем в пять раз и достигли суммы в 870 807 рублей.

Число подаваемых для игры колод естественно уменьшилось (всего подано 29 960 дюжин 2 $\frac{1}{2}$ пары, против 34 007 дюжин 5 пар за предшествующее десятилетие), а число лиц, плативших штраф, возросло почти вдвое — 125 199 человек против 69 977 человек, и средний размер штрафа увеличился втрое — до 6 руб. 95 коп., вместо 2 руб. 36 коп.

Таким образом, с 1898/1899 г. игра в Собрании стала сосредотачиваться главным образом в поздние штрафные часы. С этого года число лиц, плативших штрафы, и самая их сумма неизменно возрастают.

Обозреваемое десятилетие было, между прочим, отмечено усилением полицейского надзора за игрою в клубах. 12 марта 1896 г. совет старшин Собрания получил и принял к сведению отношение и. д. московского обер-полицмейстера полковника Власовского, в котором говорилось: «не взирая на объявленное старшинам Московского Купеческого клуба распоряжение Его Императорского Высочества Московского Генерал-губернатора о воспрещении азартных игр, в Купеческом клубе допускаются вновь азартные игры». В заключении этого отношения указывалось, что «если старшины сами не в силах прекратить запрещенную законом азартную игру, то совет старшин обязан довести до моего сведения о всех тех лицах, которые не пожелают подчиняться объявленному Купеческому клубу распоряжению о воспрещении азартных игр».

Затем, в июне 1899 г.; советом старшин было получено отношение и. д. московского обер-полицмейстера Д. Ф. Трепова, о недопущении в Собрании игры в карты под названием «железная дорога». В ответ на это отношение совет старшин сообщил Д. Ф. Трепову, что «им приняты надлежащие меры для недопущения таковой игры и одновременно сообщено о том всем членам Собрания».

3 августа 1902 г. было получено новое распоряжение о недопущении азартных игр, вызвавшее постановление совета старшин, подтверждавшее, что игра под названием «железная дорога» признана азартною и допущена в Собрании быть не может.

Цены на карты оставались без изменения, за исключением цен на безиковые карты, дважды пониженных по заявлениям членов Собрания в 1898 г. и затем в 1902 г.

Впрочем, в феврале 1902 г. 75 членов Собрания обратились в совет старшин с заявлением о понижении платы за карты для тех игр, в которых одновременно принимает участие большое число играющих. Но совет старшин в заседании 26 февраля, принимая во внимание потребность в увеличении капиталов

Собрания ввиду необходимости найти новое помещение, нашел понижение цен на карты, «не отвечающим интересам Собрания».

Последнее обозреваемое десятилетие, 1903/1904—1912/1913 г., дало в отношении доходов с карт и от штрафов картину того же характера, как и предшествовавшее: доход от карт снова понизился на 18% и дал всего 216 803 руб. 94 коп., а штрафы возросли почти на 25% и достигли суммы в 1 086 257 руб. 40 коп., причем максимальную сумму дал 1903/1904 г., когда 21 113 лиц заплатили 163 479 руб. 90 коп. штрафа.

Карт было подано 26 623 дюжин 5 пар, а лиц, плативших штраф, было 173 242 человека, уплачивавших в среднем по 6 руб. 27 коп. штрафных денег. Любопытно отметить, что средний размер штрафа за это десятилетие несколько понизился в сравнении с предшествовавшим десятилетием: 6 руб. 27 коп. вместо 6 руб. 95 коп.

Таковы были в общих чертах финансовые результаты карточной игры в Собрании, давшей за шестьдесят лет доход в 4 120 526 руб. 33 коп.

Обращаясь к событиям десятилетия в области карточной игры, отметим прежде всего новую подписку о недопущении игры в «железную дорогу», выданную председателем совета старшин 4 ноября 1908 г.

Но все усилия прекратить эту воспрещенную игру не увенчивались успехом, и 29 января 1909 г. полиция, явившись в Собрание, составила акт о том, что в Собрании играли в «железную дорогу» 30 человек. Вследствие этого совет старшин 14 февраля 1909 г. был приглашен в Московское городское по делам об обществах и союзах присутствие для объяснений, и в тот же день старшинам было объявлено решение присутствия — ходатайствовать перед московским генерал-губернатором о закрытии Купеческого Собрания для всякой игры в карты на три месяца за допущение недозволенной игры.

16 февраля того же 1909 г. совет старшин обратился с мотивированным ходатайством к московскому генерал-губернатору об оставлении ходатайства особого городского присутствия о закрытии Собрания без последствий.

Это ходатайство имело лишь частичный успех, так как 26 февраля 1909 г. совету старшин была предъявлена телеграмма московского градоначальника следующего содержания:

Московский генерал-губернатор сего числа постановил запретить в Купеческом Собрании всякую игру в карты в течение месяца, с объявлением сего распоряжения совету старшин названного клуба, расписку коих, с объявлением сего, предла-

гаю мне представить, а распоряжение привести в исполнение немедленно.

Вследствие этого закрытия Собрания для карточной игры совет старшин созвал 7 марта 1909 г. чрезвычайное общее собрание, на котором был обсужден этот вопрос. Общее собрание не пожелало ни приносить жалобу в Сенат по поводу закрытия Собрания для карточной игры, ни ходатайствовать перед московским генерал-губернатором о сложении наложенного им взыскания, разрешив в положительном смысле вопросы о сложении с содержателя буфета арендной платы за время закрытия игры в Собрании и о выдаче прислуге к празднику Св. Пасхи месячного оклада жалованья.

Отметим в заключение попытку совета старшин ввести в Собрании игру «дуплет». 16 января 1910 г. совет старшин выработал правила этой игры «дуплет». В феврале того же года правила были представлены градоначальнику, по его требованию, а затем, в сентябре 1910 г., последовало распоряжение градоначальника о недопущении игры «дуплет», признанной азартною.

В области цен на карты следует отметить прекращение в 1904 г. употребления для игры поигранных карт, потребовавшее нового понижения цены на подаваемые в Собрании безиковые карты — с 9 руб. до 6 руб. 60 коп. за дюжину. Но вопрос о поигранных картах не был исчерпан и на этот раз. В сентябре 1909 г. карточное ведомство потребовало о высылке ему на будущее время от поигранных карт лишь тузов и фигур, уничтожая остальные карты, а в январе 1910 г. совету старшин пришлось давать подписку в том, что не будет допускаться отпуск для домашнего употребления поигранных в клубе карт.

В 1905 г. в Собрании введена обязательная перемена карт сначала в 12 час. ночи, по постановлению совета старшин 8 января 1905 г., а затем — 5 мая — через четыре часа от начала игры.

Этим и заканчивается настоящий краткий обзор общественно-благотворительной деятельности и внутренней жизни Московского Купеческого Собрания за истекшее столетие его существования.

Приложение №1

Правила Купеческого клуба, или Собрания, в Москве 1785 года

1. Ежегодно должны быть избраны два директора, один россиянин, а другой иностранный, и оба они должны быть из купцов,

другого состояния никто не может быть избран в директоры, которых должность смотреть за наблюдением правил, или законов, к которым подлежит прибегать в случаях, относящихся к Обществу; и оба они должны подписывать билеты для членов.

2. Дом их Собрания должен быть всегда в городе.

3. Всякий подлинный купец, не бывший ни под каким штрафом, может быть членом сего Общества, почему таковой имеет объявиться одному из господ директоров, чтобы ему вписаться и получить билет для входу в оной.

4. Почетные люди другого состояния, им соответствующего, могут также быть членами их общества, но, чтобы им быть принятым, должны они быть представлены одним из сочленов, который им их и состояние пишет на доске, находящейся в зале собрания, и когда оный таким образом пробудет на доске три дня, то предлагаемый баллотировается; если число белых шариков более, нежели черных, то он принят.

5. Каждый член платит в год, считая с 1 января — за содержание дома, дров, свеч и услуги десять рублей. Те, которые принимаются между 1 апреля до 1 июля платят семь рублей с полтиной, а принимающиеся между 1 июля до окончания года платят пять рублей, которые деньги господ директоры к себе принимают и в рассуждении сего с экономом считаются обязаны.

6. Каждой купец, который не член сего общества, может дважды в год, но не более, быть в их обществе, когда оный будет введен их сочленом так, как и почетные люди другого вышеупомянутого состояния, но член, который вводит их, будет брать для них билеты у господ директоров и вписывать их имена в приуготовленную тому книгу, коль скоро он их введет.

7. Путешествующие из купцов или подобного состояния, если они введены будут одним из членов, который каждого должен вписать в помянутую книгу имена и состояние оных, имеют свободный вход, если они не пробудут здесь долее четырех месяцев, а если промедлят долее, то с ними поступать так, как и с теми, о которых выше сказано.

8. Никакой член не может одним разом вводить более двух особ, за которых добронравие и благоповедение он ответчик, и если бы произошло противное, то после с ним самим поступлено будет по нижеследующим правилам.

9. Каждый обязан вести себя добропорядочно и сообразовываться с сим установлением, в рассудке религий здесь никаких споров не иметь правлением, если же кто проступит в противность сему, то должен он представлен быть гг. директорам, которые тотчас записывают его имя на черной доске, находящейся в зале собрания, с которого времени ему запрещается вход в общество до

тех пор, пока он в следующем собрании не будет выбаллотирован, в котором тогда большинство белых шаров решит, дабы он продолжал быть членом, или большинством черных он будет навсегда исключен из общества.

Никто из членов ни под каким видом против другого не берет преимущества, ибо в сем Собрании все члены равными почитаются.

10. Для великих собраний избрали они в неделю среду, впрочем, клуб отперт каждому члену всякий день от осми часов утра до десяти вечера.

11. Дабы никто из непринадлежащих Обществу не мог входить, то они будут иметь у дверей швейцара, который не будет впускать непринадлежащих к оному или сочленом вводимых, на содержание оного платит каждой член в год по два рубли.

12. На нынешний год избрали они комнаты для их Собрания доме г-на Никиты Павлова, а г-на Карла Людвига Хейснера (в подлиннике Гейснера) их экономом, которого должность принимать входящие деньги от каждого члена через гг. директоров, из которой суммы платить ему за содержание дому, покупать дрова, свечи, нанимать слуг, мебели, столовую посуду и все нужное для клуба. Что же каждый сверх того издержит, то оное будет ему заплачено по учрежденной ими таксе, которая ежегодно по обстоятельствам может быть переменена и будет подписываема господами директорами.

13. Помянутый эконом обязан смотреть за порядком и чистотою, никого из непринадлежащих к обществу не принимать, в комнатах Собрания держать гамбургские, немецкие, петербургские и здешние русские ведомости, иметь бильярд в готовности один или два, канторные столики с принадлежащими для писем надобностями и выгоды членов и содержать самые лучшие пищи и напитки.

14. Каждый за то, что издержит, должен платить наличными деньгами тот же час или по крайней мере в восемь дней; если он не заплатит в это время, то эконом должен предложить господам директорам о сем, далее которые напоминают о том должном; и если сей и после сего в восемь дней не заплатит, то имя должников с числом долга напишется на черной доске.

15. Они обязуются вообще вышеописанные правила, или законы, точно исполнять и для более сего уверения своеручно подписуюсь, удерживая себе свободу, зря по обстоятельствам, сии правила умножать, сокращать или совсем переменить.

*Извлечено из дела Московской Управы Благодичиния за № 286 773,
хранящегося в архиве Московской городской управы*

Приложение № 2

Постановление Купеческого Собрания 1803 года

Москва. 1803 года октября дня, мы, нижеподписавшиеся, бывшие члены состоящего здесь в Москве с 1785 по 1796 г. Купеческого Собрания, равно и вновь вступить в оное желающие, заблагорассудили подтвердить прежние учреждения и правила с точным и неременным для каждого нижеподписанных отделений исполнением.

1. Для общей пользы сего Собрания и для наблюдения порядка каждый год в январе месяце во вторую оною месяца субботу должны быть выбраны из господ-сочленов: какой бы то нации ни было семь директоров для смотра за учрежденным порядком, который ниже сего означен будет, и подписи билетов для входу в Собрание.

2. Дом нашего Собрания должен быть в Кремле городе¹, близ гостиного двора, биржи и рядов, в рассуждении дел и удобностей купечествующих быть в собрании.

3. Всякий здешний купец хорошего поведения может вступить сочленом в наше Собрание, но неинако, однако ж, как по представлению члена и по балам.

4. Другого звания люди, кроме купечества, как-то: благородные особы, имеющие заводы, фабрики и разные известные связи с купцами, также художники и ученые, в Городовом Положении означенные, сочленами быть могут, но, не взирая на чин или персону, кто бы такой ни был, если желает вступить в сие общество, то должны его имя и званье две недели или по крайней мере от одного до другого Собрания дня быть написану на доске, находящейся в зале собрания, для известия всему обществу, когда сие таким образом неделю на доске пробудет, то предлагаемый в день Собрания в присутствии директоров и предлагателя баллотировать будет и когда белых шариков три доли против черных более найдется, то предлагаемый принят в сочлены быть должен; предлагатель же должен тотчас после принятия внести деньги за билет Собрания, который господа директоры для вольного входа и вручить ему не преминут, впрочем же, без означенных связей с купечеством никто и ни под каким предлогом не только принят, ниже предлагаем и баллотирован быть не может.

5. Членов Собрания предполагается на первый раз не более двухсот персон, буде же по времени нужно будет прибавить, сие неинако учинится как с согласия и подписа членов не менее из всего числа трех долей.

¹ В подлиннике описка, следует читать: в Китай-городе.

6. Каждый сочлен платит ежегодно господам директорам за свой билет двадцать пять (25) рублей, господа же директора должны сделать предположения с экономом, по силе которого должен он будет нанимать для собрания приличной дом, содержать швейцара и шесть лакеев, в комнатах же принадлежащих для собрания мебели, бильярды и для стола нужную посуду и прочее, словом, все то, что для собрания принадлежит, к каждому бильярду по одному маркеру, а освещение как в люстрах, так и в шандалах восковыми свечами.

7. При наступлении нового года каждый член должен за свой клубный билет заплатить деньги в течение января месяца, после того как ему билет будет вручен, в противном же случае он из числа членов выключится, кроме, однако ж, болезни и отлучки из Москвы.

8. Каждому члену нашего Собрания дозволяется гостя трижды в год привести, но с тем, что он за поведение его отвечает и по приведении имеет право записать его с означением: кто он такой в книгу, кто же в 4-й или 5-й раз приведет одного гостя, тот платить должен каждый раз по пяти рублей, более же пяти раз никому привести не дозволяется, взысканные же деньги присовокупляются к капиталу нашего Собрания.

9. Путешествующие купцы или подобные их звания люди могут быть у нас сочленами, таковых может ввести каждый из наших сочленов, записав имя и звание их в вышеупомянутую книгу, после чего таковые имеют вольный вход в Собрание четыре месяца не записавшись, ежели ж они пробудут в Москве доле четырех месяцев, то поступлено с ними будет так, как в восьмом пункте показано.

10. Все то, что кто издержит, тотчас наличными деньгами и платить должен, а если кто задолжится пяти рублями, то эконом оное объявит директорам, которые к должному пошлют со счетом служителя Собрания напомнить о заплате долгу, буде же после сего должник в две недели не расплатится, то имя его и число денег, сколько он эконому задолжался, будет записано на доске приготовленной к тому в зале, есть ли же и после сего в две недели неразделения, то такой из числа членов будет выключен.

11. Каждый член обязан в поведении своем быть благопристойным и сообразовываться с сим Установлением, в рассуждении же религии и о правлении никаких разговоров, а особливо споров не иметь и в шубе не входить, а отдавать оные при входе швейцару, если же кто поступит в противность сему, то должно оное объявить директорам, которые, его потребовав пред себя в собрание, станут оно-го увещевать и остерегать в поступке, ежели же поступление такое окажется, чрез которое порядок и согласие сего Собрания нарушены быть могут и представления директорские неуважаемы

будут, то господа директора по большинству голосов между собою представляют об том в первый клубный день собранию, в котором баллотировано будет, может ли погрешивший остаться членом или нет, что большинство белых или черных шаров окажет, как в вышеупомянутом четвертом отделении назначено.

12. Никому не дозволяется приносить жалобу в публичном собрании, опричь комнаты господ директоров сим последним.

13. Кто постановленным сим правилам будет выключен из собрания, таковому деньги, которые он внес за клубный билет, назад требовать не дозволяется.

14. Гг. директора назначат между собою день, в который они каждую неделю станут съезжаться для рассматривания касающихся до Собрания дел, буди случится разбирать какое-нибудь важное дело, то не менее как четыре директора находится должны.

15. Для нынешнего нашего Собрания выбрали мы дом московского купца Антипа Ивановича Павлова, а экономом иностранца Петра Зауэра.

16. Эконом обязуется сверх вышеупомянутого шестого отделения стараться и наблюдать в комнатах Собрания чистоту и порядок и того, кто не принадлежит к нашему Обществу, не принимать, разве по силе восьмого отделения, то есть ежели кто введен через члена будет, еще обязуется он держать гамбургские, немецкие, Санкт-петербургские также и московские газеты, тоже иметь пулпеты, чернильницу и бумагу, приготавливать хорошее кушанье и напитки, столовые же вина хорошей доброты и прочие напитки, которые директорами не опробованы, таковых не подавать.

17. Цена кушанью, напиткам, бильярду и за карты назначена будет от гг. директоров, смотря по времени и по обстоятельствам, уведомление о том в комнате Собрания на доске прибито будет.

18. Собрание ежедневно для входу от восьми часов утра до двенадцатого часу пополудни должно быть открыто, а кто пробудет до первого часу пополудни, тот платить должен за первый раз один рубль, за второй — два рубля и чем далее, то за всякий раз вдвое первого, сии деньги назначены для бедных людей, выключая когда в Собрании бал.

19. На бильярде двоим более трех партий сряду не играть, ежели есть охотников, которые также желают, ибо таковым беспрекословно уступить должно, буде же играют алагер, то не более как три партии оным сыграть дозволяется,

20. Выбор директоров должен начаться ежегодно января с первого спустя две недели, об чем гг. сочленов уведомить принадлежит и в клубный день, то есть в субботу, начать сей выбор; один из прошлогодних директоров принимать станет имена, написанные на бумажках, тех особ, которых впредь каждый сочлен назначит

быть директорами, и, положи сии билеты в запечатанный ящик, ввечеру при собрании членов оный выбор по большинству голосов будет опубликован.

21. Азартные и прочие запрещенные игры ни под каким видом не дозволяются, и тот, который против сего запрещения поступит, без баллотирования из числа сего Купеческого Собрания выключится.

22. Дабы из находящихся или впредь принимающихся сочленов никто не извинялся незнанием сих наших постановление, то каждый, ежели он желает, чтобы его почитать за точного сочлена, должен своеручно к сему постановление подписаться.

23. Потому и обязуемся мы все вообще вышеозначенные постановления и правила в самой точности исполнять, чего для своеручно и подписуемся, однако ж с тем, что в продолжении времени, если мы найдем за нужное, то можем с общего большинства голосов, как в пятом отделении означено, согласия оное поправить и совсем переменить.

У подлинной руки приложены тако (следует 69 подписей):
(Подпись) Зауер.

*Извлечено из дела Московской Управы благочиния за № 286 778.
В том же деле имеется вторая копия «Постановления», скрепленная
по листам подписью: «Московский купец Петр Зауер»*

Приложение № 3

Постановления Московского Купеческого Собрания, возобновленного 1814 года

1-е

Членами сего Собрания могут быть только купцы, ученые как-то: профессеры, доктора, врачи, аптекари и первого класса художники, имеющие от Академии художеств дипломы.

2-е

При учреждении сего Собрания должно быть принято в Члены беспрепятственно не более ста пятидесяти особ; но по наполнении сего числа и по открыли Собрания особы, желающие быть членами сего Собрания, баллотировуются.

3-е

Каждый Член вносит в кассу Собрания на все необходимые для оного потребности в течение осьми дней по объявлению о принятии его в сие Собрание 60 рублей; в противном случае теряет право быть оного Членом. Каждый Член по взносе означенных денег получает для входа в оное Собрание годовой билет за подписанием Старшин и печатный экземпляр ских постановлений, в котором расписывается и оным беспрекословно обязан он повинно-

ваться. За оный экземпляр вносит Член в ту же кассу один рубль особо. Потом имя его помещается в реестр Членов, составленный по азбучному прозванию их порядку.

4-е

В сентябре месяце каждого года должно быть общее собрание, о котором Членов заблаговременно будут извещать объявлением, вывешенным в зале Собрания, и уведомлением, напечатанным от имени Старшин в «Московских Ведомостях». В день сего собрания и в течение времени, начиная с 1 по 15 октября, каждый Член должен будет вносить за следующий год на те же необходимые для Собрания потребности в его кассу деньги, количество коих определит общее Членов собрание сообразно цене всякого рода потребностей и другим расходам. Сии деньги будет принимать тот, кому от старшин будут поверены билеты. Кто сих денег в означенное здесь время не внесет, тот лишается всех прав Члена и ничем оправдать себя не может. Ибо ежегодно в течение октября должны быть непременно объявлены Собранию имена всех Членов, которые после последнего баллотирования кандидатов, или померли, или за невнос в срок годовых денег выключены, или по собственной воле Собрание оставили.

5-е

Из взносимой от всех Членов ежегодно суммы будет платимо за наем для сего Собрания удобного дома и за все то, что для Собрания сочтется нужным и необходимым.

6-е

Общество сего Собрания вменит себе за особенную честь, если начальники губернии Московской и первые чиновники Городовой полиции будут удаивать их Собрание почтенным своим присутствием. И потому представляется старшинам просить сих особ, как-то: господина главнокомандующего, господина гражданского губернатора, г-на вице-губернатора, г-на коменданта, г-на обер-полицмейстера и г-д полицеймейстеров — в Собрание и доставить каждому билет почетного Члена. Кроме сих особ, Общество никого из чиновников почетными Членами не принимает. Но Старшины могут отступить от сего правила по своему благоусмотрению в таком только случае, если встретятся к тому причины особенной важности.

7-е

Как скоро предположенное число Членов исполнится, т.е. Собрание будет иметь оных ровно полтораста, тогда всякий желающий быть Членом Собрания избирается следующим образом. Сперва он должен объявить свое желание кому-нибудь из Членов оною, коротко ему знакомому; Член объявляет о том желании которому-

нибудь из Старшин и желающего одобряет; старшина вносит имя одобрителя и имя желающего быть Членом, также и самый день, в который о его желании предложено было, в книгу искателей, или Кандидатов, в первый праздный номер, и сия книга должна быть под смотрением Старшин.

8-е

Кому не исполнилось еще 18 лет, того в Члены не баллотируют. Если такой малолетний попал как-нибудь в реестр Кандидатов, то вписывают его в последние Кандидаты, но не баллотируют, пока не достигнет означенных лет.

9-е

Намереваясь баллотировать Кандидатов в Члены, что должно быть в особые, для того Старшинами назначаемые дни, за 8 дней до баллотирования имени Кандидатов вместе с именами одобрителей и числом, в которое Кандидатов баллотировать будут, пишут на листе, который подписывают Старшины, и сей лист прибивают для ведома Членов в зале Собрания на приметном месте.

10-е

Баллотирование Кандидатов в Члены должно быть в присутствии 30 Членов; Старшина предлагает каждому из Членов один шар, объявляя имя Кандидата, равно одобрителя его; служитель обносит ящик с разгородкою, следственно имеющий две камеры, кои выкрашены — одна белою краскою, а другая черною. Избирающий баллотированного Кандидата в Члены кладет свой шар в белую камеру, а не избирающий — в черную. По обнесении ящика и по собрании шаров считают сии шары Старшины и Члены при открытых дверях комнаты, Старшинами занимаемой, и если Кандидату положено шаров в белую камеру более половины всего числа оных, то таковой Кандидат признается Членом Собрания.

11-е

Каждый баллотирующий Член должен класть свой шар в ящик своеручно и при баллотировании не говорить о Кандидате ничего, а особливо насчет его свойств и качеств; также одобритель Кандидата во время баллотирования не должен ходить со старшиною, а Старшина говорить что-либо, относящееся к Кандидату, кроме его имени и имени его одобрителя. Всякий, нарушивший сие правило, платит в кассу Собрания 25 рублей за каждое нарушение — пени, без малейшего противоречия.

12-е

Если кто из Членов баллотированного Кандидата коротко не знает и случая о нем осведомиться не имел, то по справедливости не должен быть в числе баллотирующих.

13-е

Если Кандидат, которого баллотировать уже назначено, не пожелает быть баллотирован, то имя его вычеркивать из реестра не вправе ни одобритель, ни другой какой-либо Член; а может оное сделать старшина в присутствии одобрявшего того Кандидата Члена. Кто против сего правила поступит, тот за всякое нарушение оного платить в кассу Собрания пени сто рублей.

14-е

Выключенный из числа Членов посредством баллотирования за проступки не самые важные может быть помещен в последние Кандидаты; но баллотировать его не прежде, как по прошествии года; если же дойдет до него очередь и прежде сего времени, то баллотирование несмотря на то отлагается до истечения означенного срока и до новой очереди.

15-е

Двери, у коих стоит швейцар, отворены для всякого Члена от 9 часов утра до 2 часов за полночь. В два часа по полуночи будет повешаемо через служителя колокольчиком, что время разъехаться. Кто останется в комнатах сего Собрания после сей повестки и более получаса, всякий платит в кассу Собрания два рубля пени; промешкавший в Собрании до 3 часов за полночь, платит в кассу Собрания пени еще четыре рубля; до половины 4-го — еще восемь, до 4 часов — еще шестнадцать, до половины 5-го — еще тридцать два, до 5-ти часов — еще шестьдесят четыре рубля и так далее по той же прогрессии. Сей закон в 9 часов утра умолкает, равномерно не имеет своей силы в те вечера, в которые будут даны Собранием маскарады или балы.

16-е

Гг-м Членам сего Собрания и гостям, коих Члены по нижеследующему положению в оное вводить могут, напоминать особенным положением, чтобы они вели себя в Собрании благоприлично, почитается ненужным. Само собою разумеется, что каждый Член оного и каждый гость, зная хорошо правила пристойности и все законы вежливости, отличающие образованных людей от черни, будет в сем Собрании вести себя соответственно сим правилам и никогда от оных не отступит. Но не излишним кажется на случай при всем том заметить, что в сем Собрании требуется от каждого члена, равно от каждого гостя, сверх благоприличия и вежливости, полагая здесь сии слова в обширнейшем их значении, еще скромности, важное место между гражданскими добродетелями занимающей. И потому запрещается делать в сем Собрании всякого рода гражданскими законами непозволенные рассуждения. Кто из Членов поступит, сверх всякого ожидания, против

сего правила, имя оного будет немедленно объявлено всему собранию Членов с подробнейшим проступка его изъяснением, и в следующий же день Собрания назначится баллотирование, и оно одно должно решить: может ли оный Член далее еще оставаться в обществе, или из оного исключен быть должен? Если же сие постановление будет нарушено гостем, то Старшины, узнав о том достоверно от Члена, в Собрание того гостя введшего, тотчас из Общества исключают и дают о имени того гостя швейцару записку, чтобы впредь в сие Собрание оный никогда и ни по чьему предстательству впущен не был.

17-е

Кроме дней, в которые Члены в Собрание приезжают и приходят по собственной своей воле, назначаются в каждую неделю два дня, и именно: вторник и пятница, в кои да благоволят посещать Собрание, ежели не все Члены, то по меньшей мере большая часть оных, сие нужно потому, что в оные дни будет рассуждаемо обо всех касающихся до Собрания делах; в оные же могут и должны быть подаваемы на благоусмотрение Общества Членами оного разные для Собрания полезные предложения, предположения, замечания, и в оные должно баллотировать в Члены представленных Кандидатов.

18-е

Особы, живущие здесь, в Москве, по целому году и более, равно обязанные должностью, требующею пребывать в сем городе на нарочитое время, не должны быть вводимы в Собрание под именем гостей; только иногородние, проезжающие и приезжающие из городов сюда на короткое лишь время, необязанные здесь ни службою, ни должностью и не устроившие постоянного здесь жительства, могут, — если они принадлежат к поименованным в § 1 сих Постановлений званиям, — вводимы быть Членами в Собрание под именем гостей; однако с тем, чтоб Член, вводящий в Собрание хорошо известного ему гостя, действительно приезжего и здесь постоянно не живущего, всегда, когда только пожелает ввести его в Собрание, собственно имя его записывал во вверенную швейцару Собрания для записки имен сего рода гостей книгу. Проезжающие, коих пребывание в Москве продолжается несколько недель или месяцев могут получить от Старшин, по предстательству кого-либо из Членов, для входа в Собрание особую карту и с оною в течение 28 дней входить в него ежедневно. За сию карту взносит каждый из них в кассу Собрания десять рублей. По прошествии 28 дней оная карта может быть дана и вновь и на том же положении.

Член, введший в Собрание под именем гостя особу, занятую в Москве должностью, имеющую здесь оседлость или проживаю-

шую в столице по делам или без дел нарочитое время, платит по приведении сего проступка в ясность в кассу Собрания пени каждый раз 25 рублей. Однако введенный им гость не может быть выведен.

19-е

Гостей в Собрании ежедневно может быть не более 12. Члены, предускорившие сие число записать в определенную для гостей Собрания книгу, пользуются каждый своим правом беспрепятственно; неуспевшие — ожидают своей очереди. За день или более вперед — никто записан быть не должен.

20-е

Кто из Членов введет в Собрание гостя, тот отвечает не только за все то, что гость его употребит или сверх чаяния разобьет, испортит, но и за долги, коими оный задолжает кому-нибудь из Членов по игре в карты или на бильярде. Если же случится, что какой-нибудь Член задолжает по игре в Собрании гостю, то введший его в оное всемирно старается, чтобы гость был удовлетворен, и требует платежа, как бы собственного долга.

21-е

Днем учреждения Собрания почитать навсегда 1 октября и праздновать оный ежегодно в первое в октябре месяце случившееся воскресенье.

22-е

В самый день учреждения Общество избирает ежегодно из своих Членов 7 Старшин следующим образом:

Всякий Член напишет на небольшом лоскутке бумаги имена тех Членов, коих почитает он звания Старшин достойными; под сим подписывает собственное свое имя и прозвание и кладет оный лоскуток в особый, для сего устроенный, в комнате Старшин находящийся и запечатанный ящик. Сие можно делать каждодневно в течение последних четырех недель какого-либо истекающего сего Собрания года. Итак, 7 нововыбранных Членов назначаются для нового года Старшинами и утверждаются в сем звании большинством поданных в их пользу голосов. Никто из Членов от сего звания отказаться не вправе, кроме тех, кои оное уже имели.

23-е

Обязанности Старшин суть следующие: они наблюдают в Собрании порядок; нанимают для одного удобный и числу Членов соответственный дом; имеют под своим надзором записные Собрания о приходе и расходе денежных сумм книги; покупают для Собрания ведомости, журналы, напитки и некоторые другие вещи; поручают, кому рассудят, прием в кассу Собрания входящих денег и выдачу годовых билетов и четырех недельных карт; избирают эконома и нанимают для Собрания служителей, смотрят за их

исправностью в отправлении их должности и взыскивают все то, что было им поверено; учреждают, соображаясь с обстоятельствами времени и ценою жизненных потребностей, таксу на кушанье, напитки и прочее, Членам и гостям в Собрании подаваемые, и приказывают вывешивать оную во всех комнатах Собрания; наблюдают касательно издержек всевозможнейшую бережливость; предлагают Обществу полезные для оного мысли и исполняют все то, что сим Обществом определяется; всего ж более пекутся о том, чтоб сии утвержденные всеми Членами постановления всеми ж были наблюдаемы и исполняемы.

24-е

Известия о состоянии сего Собрания кассы кладутся по приказанию Старшин через каждые 3 месяца в комнате для чтения, и Члены, нашедшее в оных неверность, объявляют о том Старшинам и дело тотчас приводится в ясность.

25-е

Никто из Старшин да не присвоит себе голоса Властителя, ниже особого пред другими Сочленами преимущества. Ни один из них не может без совета других своих товарищей предпринять чтобы то ни было, до Собраны касающееся.

26-е

Если который-либо Старшина умрет или по причине долговременной болезни либо отъезда из Москвы перестанет посещать Собрание, то прочие Старшины избирают, если почтут это нужным, на его место из тех Членов, которые при выборе Старшин на своей стороне более всех других имели голосов, помощника, который исправляет его должность до самого его выздоровления или возвращения. Принятие помощника почитается необходимым, если число Старшин по упомянутым обстоятельствам уменьшилось до пяти.

27-е

Новоизбранным Старшинам обязаны Старшины, до избрания их бывшие, сдать все Собранию принадлежащее, как деньги, книги и дела.

28-е

Всякий Член Собрания обязан со Старшинами обращаться как с людьми, принявшими на себя сие звание единственно по благорасположение к Обществу, без всяких видов тщеславия и корысти. И потому всякий Член должен хранить против их особенную вежливость и всячески избегать того, что могло бы оскорбить их или привести в неудовольствие.

29-е

Для прислуги Обществу иметь: одного швейцара, одного тафельдекера^{30*}, двух маркеров, от 4 до 6 официантов, испытанного

Старшинами повара, 2 или 3 ему помощников и одного дворника, коих содержать на счет общественной кассы. Каждый из служащих в сем Собрании, вступая в свою должность, получает от Старшин письменное обязательство его означающее наставление. Никто из Членов не вправе ни которого служителя Собрания бранить, грозить ему наказанием, особливо бить; но в случае неудовольствия обязан жаловаться на оскорбившего его служителя Старшинам, которые поступают с виновным по мере вины его, а неисправного по своему общему совету изгоняют из дома Собрания с дурным аттестатом.

30-е

Настоящие и будущие Старшины Собрания вправе брать себе гостинные билеты на будущие балы, а равно и в маскарады, каждый Старшина по одному, не в счет 12, о которых говорится ниже и именно в § 49.

31-е

Для пользы и удовольствия Общества принять еще эконома, который наблюдает, чтоб кушанье было приготовляемо вкусно и опрятно, часто переменяемо и подаваемо на стол в определенное время. Он состоит равномерно под ведением Старшин и принимается с общего их одобрения. На его ж ответственности состоит: чтобы служители брали за все Членами и их гостями в Собрания употребленные деньги по установленной таксе, а не более; чтоб дом Собрания всегда хорошо был отоплен и освещен и везде бы было чисто и опрятно; чтобы все служители находились в доме Общества и по своей воле из оного никуда не отлучались. Если эконом окажется нерадив, непослушен и потому неисправен в своей должности, то Старшины, уличив его в том, делают ему при некотором числе Членов строгий выговор, и сие обстоятельство вносится в журнал Собрания. Если через какое-либо время будет оный эконом снова неисправен в сей должности, тогда Старшины по уличении ж его в том выговаривают ему еще строже, и сие обстоятельство снова записывается в журнал Собрания. В таком случае, если эконом окажется неисправен в третий раз: тогда Старшины, отказав ему от введенной ему должности, избирают на место его другого, а с ним рассчитываются на основании заключенного с ним договора.

32-е

В дни Собрания Члены обедают в три часа, а в прочие — в час пополудни, и что стол готов, извещается служителем. В половине 10-го, вечером, готовится стол для ужина на столько приборов, сколько находятся в Собрании присутствующих Членов и гостей их. О накрытии стола извещаются присутствующее колокольчиком и в 10 часов ужинают.

В обыкновенные дни не будет обращено к кому-либо внимание, сколь долго Члены сидят за столом; в другие же дни, когда стол должен быть накрыт не один раз, особенно когда будут даваемы балы или маскарады, будет по прошествии одного часа повещено, что время уступить место за столом другому. Поздно кто пришел обедать или ужинать, должен довольствоваться тем, что останется. Вновь ни под каким предлогом не будет накрываем стол, хотя бы было подаваемо последнее блюдо. В те дни, в которые будут даны балы или маскарады, Члены, желающие обедать или ужинать, заблаговременно должны брать столовые билеты. В эти дни, исключая день учреждения Собрания, занимать места при столе по своему произволению, т.е. как попало, запрещается. Но если несмотря на сие напоминание случится, что кто-нибудь из Членов займет место произвольно, то всякий, кто имеет на оное место столовый билет с номером, на самом месте находящимся, вправе сие место требовать. Если же произвольно оное занявший Член обнаружит за то непристойным образом свое неудовольствие, то платит в кассу Собрания пени: за первое нарушение сего постановления 5 руб., за второе — 10, а за третье предложится Обществу баллотирование об исключении его из Членов Собрания.

Те Члены, которые не желают обедать или ужинать, а захотят кушать хлеб с маслом, должны кушать оные на малых для того назначенных столах, но не на определенных для игры. Кто поступит против сего правила, платит за каждый раз в кассу Собрания пени 5 рублей.

33-е

Цена всему тому, что Члены Собрания в оном употребляют и требовать могут, будет, как сказано, объявляема вывешенными в разных комнатах таксами, кои Старшины, сообразно с переменною ценю вещей, обязаны повременно возвышать и понижать. Служители Собрания, подав требующему желаемое им, получают на том же месте по таксе за потребованное деньги. Если Член оных не заплатит и, не заплатя, оставит Собрание, или с служителем, учтиво требовавшим с него деньги, поступит совершенно грубо: то за первое нарушение сего правила платит в кассу Собрания пени 5 руб., за второе — 10, а за третье — предложится Обществу баллотирование об исключении его из Членов Собрания.

Гости, вводимые в Собрание Членами, должны быть, как обо всех постановлениях, равно и о сем извещены. Если же кто-либо из гостей против оного поступит, то ему сие постановление будет только напомнано, за второе его нарушение — воспретится сему гостю вход в Собрание.

34-е

Если Член испортит или изломает, или разобьет какую-нибудь Собранию принадлежащую мебель или какой-либо сосуд, то за

испорченное или изломанное, или разбитое должен тотчас заплатить. Если ж в течение двух суток сего не сделает, то должен заплатить за то вдвое; а если промедлит платежом неделю, предложится Обществу баллотирование об исключении его из Членов Собранин.

35-е

В доме, занимаемом Собранием, определена для чтения на первый случай одна комната, в которой ведомости и журналы будут лежать на столе. Никто из Членов не берет оных из Собранин, пока не переплетены в $\frac{1}{4}$ годовые томы. Из оной комнаты можно брать ведомости и журналы и в другие комнаты; но всякий Член, взявший оные, должен по прочтении немедленно отнести или отослать в комнату для чтения. За каждое нарушение сего правила платит всякий Член в кассу Собранин пени 5 рублей, кои требовать обязан служитель при библиотеке.

36-е

В бильярдных комнатах прибиты правила игры и такса, по чему платить за игру и установленные общим Собранием Членов пени.

37-е

Игравший на бильярде кладет по таксе деньги за партии, им проигранные, в определенный для оного ящик при маркере. Если кто останется за сию игру в долгу и в течение семи дней сего долга не заплатит, то маркер доносит о том кому-либо из Старшин, который убеждает его заплатить свой долг тотчас, а за то, что нарушил сие правило, требует с него в кассу Собранин 10 рублей пени. Но если член сего не выполнит, предложится Обществу об исключении его из Членов Собранин.

38-е

Позволяются в Собрании все обыкновенные игры, кроме азартных. В азартные игры запрещается играть даже в шутку. Кто поступает против сего правила, о том в первое собрание предложится Обществу об исключении его из Членов Собранин.

39-е

Карточные долги или долги по игре в Собрании не терпят. Кто не заплатит своего долга тому, кому по игре остался должен вскорости, и на кого будет о том жалоба к кому-либо из Старшин, того убеждает Старшина на другой же день обязанность свою выполнить. Но кто и за тем сего не сделает, тогда все Старшины требуют от него означенного долга письменно. Если же и после сего в течении 10 дней проситель полным платежом от должника удовлетворен не будет, тогда Старшины в первый день собрания с ведома наличных Членов вносят имя его в реестр картежных несостоятельных должников, и сей реестр вывешивается в главной ком-

нате Собрания. Имя такового Члена вычеркивается из сего реестра тогда только, когда он не заплаченный им своему Сочлену долг бездоимочно заплатит.

40-е

Играющие в карты платят за две колоды оных днем 3, при свечах 4 рубля. Кто же требующего за карты деньги обидит и денег ему не отдаст, тот подвергается означенной в 32-м постановлении пени.

41-е

Позволяется в Собрании курить табак в комнате для чтения и в обеих бильярдных, в столовой сие запрещается; во время балов и маскараров курят только в комнате для чтения. А притом гг. кавалеры, желающие пользоваться танцами, благоволят ведать, что танцевать иначе не могут, как будучи в перчатках и башмаках, и по учрежденному для сего порядку и билетам. В маскараре позволяет танцевать и в маске и в костюме.

42-е

Всякое денежное с Члена требование, а равно и пеня, должны им быть заплачены в означенное в сих постановлениях время; в противном случае всегда будет представляемо Обществу о назначении баллотирования, которое может лишить его права Члена.

43-е

Если в Собрании между некоторыми Членами сверх всякого ожидания случатся неудовольствия или даже ссоры, то другие присутствующие при том Члены обязаны их нежнейшим образом примирять. Если сия мера будет безуспешна, то предлагают ссорящимся выбрать посредников из Членов Собрания, по два члена с каждой стороны, а Старшины выбирают между себя пятого. Если же начинщик ссоры будет на выбор и суд посредников не согласен, в таком случае обиженный вправе подать на начинщика ссоры письменную жалобу Старшинам Собрания, которые приглашают обе стороны, разбирают их, спрашивают свидетелей, изыскивают обидевшему вину его решительно и склоняют обе стороны к взаимному примирению. Но если обидевший и на сие не согласится и обиженному назначенное или советуемое удовлетворение сделать воспротивится, то несговорчивый сей Член представляется Старшинами в первый день собрания при изъяснении его поступка Обществу, которое тогда ж баллотирует об исключении его из Собрания. Если же сверх всякого ожидания кто-нибудь из Членов забудется до последней крайности и оскорбит Сочлена в Собрании и словом и делом и сие будет доказано, то Старшины Собрания по вверяемому им сим постановлением полномочию исключают столь дерзостного Члена из Общества и без баллотирования, и оный никогда уже в сие Общество принят быть не должен.

44-е

Если на Члена Собраниа дойдут до Старшин от его Сочленов жалобы в том, что он чернит честь и доброе имя всего Общества, приписывая оному несвойственные ему виды и пороки, и сие будет доказано, то обвиненный в сем поступке Член за свое злоречие тотчас представляется к баллотированию, которое может исключить его из Собраниа, и оный по исключении никогда уже в сие Общество принят быть не должен.

45-е

При баллотировании о всех касающихся до Общества делах всякое дело решится по большинству голосов.

46-е

Набор голосов, касательно какого бы то ни было случая и дела, о котором в Собрании будет назначено суждение или баллотирование, каждому из Членов совершенно запрещается.

Если кто-либо в оном обличится, представится Обществу к баллотированию об исключении из Собраниа.

47-е

Член, не присутствовавший при баллотировании, не вправе порицать то, что Общество посредством баллотирования без него решило.

48-е

Если кто из Членов пожелает предложить нечто, для пользы Собраниа им самим придуманное, то вправе сделать оное письменно; если предложение его одобрят своим подписанием по крайней мере 50 Сочленов, в таком случае назначить предложению его баллотирование; и если оное большинством голосов утверждено будет, то примется в закон Собраниа с признательностью.

49-е

Ежегодно с 15 сентября, т.е. дня Священнейшего Коронования Всемиловитейшего ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и Всемиловитейшей ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ, Собранием будут даваемы балы в каждое воскресенье до самого Великого поста. Каждый Член вправе привести на бал с собою три девицы или дамы, но из того только звания, которое в § 1 сих Постановлений именовано, и каждая должна быть не моложе 12 лет. Само собою разумеется, что каждый Член не должен привести в Собрание ни дамы, ни девицы, в благодравии и добром имени которой не совсем уверен. За первое нарушение сего правила нарушивший оное платит в кассу Собраниа по первому требованию Старшин 200 руб. пени, за второе — 400, за третье исключается Старшинами из Членов без баллотирования.

На каждый бал и во всякий маскарад Член Собрания может просить у Старшин одного гостиного билета для особы того звания, которое в § 1 сих Постановлений именовано, но не выпуская из вида сих же Постановлений § 18. Старшины выдают таких билетов до 12, наблюдая очередь, безо всякой за них платы.

50-е

Если со временем значительное число Членов, сие Собрание составляющих, пожелают нечто в сих Постановлениях переменить или что-либо к ним прибавить, то будет о том рассуждаемо в Собрании всех Членов; и если новые Постановления или предложения будут приняты большею половиною всех Членов, то по утверждении их общим подписанием будут почтены они законами Собрания и исполнение их будет обязанностью всех Членов.

Старшина Христафор Шутлеворт.

Старшина Иван Водопьянов.

Старшина Михаила Горошков.

Старшина Иван Сейделер.

Старшина Гаврила Ушаков.

Два экземпляра этих «Постановлений», отпечатанных на русском и немецком языках в типографии А. Решетникова, хранятся в Собрании

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Правеж* — в Русском государстве XV — начала XVIII века принуждение к уплате долгов, подати и т.п. посредством публичного наказания.

«Каждый день перед приказами можно было видеть выстроенных в ряды людей всякого чина, которых приказные служители били, прохаживаясь вдоль рядов, тонкими палками по ногам. Это был правеж, принятый в Московском государстве способ правления долгов и казенных недоимок. Осужденные на правеж неплательщики приводились из тюрьмы или сами являлись, если им удавалось найти поручителей, к приказу и подвергались битью в течение целого ряда дней, пока не уплачивали долга. Боль иногда была так сильна, что стоявшие на правеже громко кричали. Впрочем, некоторые входили в сделку с палачами, а иные клали в сапоги жезл или деревянные дощечки, чтобы сделать удары нечувствительными» (В.В. Нечаев. Уличная жизнь Москвы XVI—XVII веков).

² *Юфть* — сорт кожи, получаемый из шкур крупного рогатого скота, лошадей, свиней.

³ *Размыслы* здесь — изобретатели, инженеры.

⁴ *Котошихин* Григорий Карпович (ок. 1630—1667) — подьячий Посольского приказа. Участник переговоров со Швецией в 1658—1661 годах. В 1664 году бежал в Литву, а затем в Швецию. По заказу шведского правительства составил сочинение о России, в котором рассказал о быте и нравах различных слоев русского народа, далеко не всегда благожелательно о них отзываясь.

⁵ *Ганза* — Ганзейский союз северогерманских городов. Оформление союза началось в XII веке, когда возникло первое объединение отдельных купцов и купеческих групп. Состав членов союза со временем расширялся и менялся. Расцвет Ганзы приходится на XIV — середину XV века, когда союз объединял около 160 городов. Ганза просуществовала более 500 лет, формально — до 1669 года.

⁶ Успех путешествия Антони Дженкинсона в Иран в 1558 году был несомненен: ему удалось получить торговые привилегии от иранского шаха и специальную привилегию от ширванского вассала. Привилегия последнего была особенно ценна для английских купцов — «чтобы вышесказанные английские купцы и их компании не платили никаких пошлин за товары, которые они будут покупать или продавать в наших владениях». Последующие путешествия Дженкинсона на Восток не были столь успешны.

7* *Поташ* — щелочная соль, вывариваемая из древесной и травяной золы.

8* *Итиль* — столица Хазарского каганата в VIII–X веках, 15 км выше современной Астрахани. По свидетельству арабских писателей, Итиль состоял из 2 частей, разделенных Волгой, был окружен стенами и имел по двое ворот в каждой части. Восточная часть города, называемая Хазаран, являлась торговой частью; в западной находились правительственные учреждения и дворей кагана. В Итиль съезжались со всевозможными товарами купцы из Средней Азии, Персии, Кавказа, Киевской Руси, Скандинавии. Итиль являлся одним из центров работорговли. В 965 году был взят киевским князем Святославом. С падением Хазарского каганата в X веке Итиль перестал существовать.

9* Неудачи посольств в Индию были причиной ограничения прав индийских торговцев, которым с 1688 года дозволено было торговать только в Астрахани, сделавшейся в это время средоточием внешней торговли России с Востоком и Персией.

10* *Антоний Поссевин* (1534–1611) — один из наиболее видных деятелей католической реакции, иезуит. Выступал посредником при заключении Ям-Запольского мира 15 января 1582 года между Иоанном грозным и польским королем Стефаном Баторием. В феврале-марте 1582 года в Москве вел переговоры с Иваном IV по вопросу о церковной унии, главной целью которой было подчинение России Ватикану. В 1584 году Поссевин намечал вместе с польским королем Баторием организацию субсидированной папой Сикстом V в Россию.

11* *Кирпичник* — кирпичный мастер, работник или торговец.

12* *Дощаник* — речное плоскодонное судно; большая лодка для переправы и перевозки грузов.

13* *Тамга* — таможенная пошлина, мыт, особый сбор за приложение клейма. «В таможе очищают привозной или отпускной товар мытом, пошлиной и таможат его, клеймят, пятнают, прикладывают клеймо или тамгу» (Даль, см. «Тамга»). Таможенная грамота встарь позволяла лицу, общине, монастырю учреждать в своем имении торги и брать с привозу тамгу.

14* *Стоглав*, Стоглавый собор — церковно-земский собор в Москве (январь-май 1551 года). Отверг секуляризационные планы правительства, но ограничил церковные владения в городах и финансовые привилегии духовенства. Принял «Стоглав» — кодекс правовых норм внутренней жизни духовенства и его взаимоотношений с обществом и государством (состоит из 100 глав).

15* *Фактор* — комиссионер, исполнитель частных поручений, доверенное лицо.

16* *Крашенина* — грубая крашенная ткань домашнего изготовления.

^{17*} *Приказ Большого прихода* (1534–1699) ведал сбором налогов, преимущественно военного назначения: на городовое, засечное и пороховое дело; заведовал сбором таможенных пошлин, а иногда и ямских денег.

^{18*} *Учуг* — сплошной частокол, тын поперек реки для задержания рыб (главным образом осетровых), поднимающихся вверх по течению реки в период нереста.

«Прежде учуги строились с избой над ним и с загородками, куда рыба сама заходила: ряд свай бьется поперек реки, другие сваи наискось, связываются веревками, а в развалины кладется чигинник, бревенчатый прогон, по которому ходят; вся забойка под водой покрывается щитами, драничными решетками. Летом вытаскивают рыбу неводами, зимою громят, спугивают и загоняют в самоловы, в ставные сети» (Даль, см. «Учуг»).

^{19*} *Мягкая рухлядь* — пушной товар, меха.

^{20*} *Нарохтиться* — собираться, намереваться сделать что-либо.

^{21*} *Ветошь* — одежда, тряпье.

^{22*} *Сиделец* — лавочник, торгующий в лавке по доверенности купца.

^{23*} *Будочник* — в XVIII–XIX вв. полицейский, следивший за порядком (благочинием и чистотой) на улице, постоянно находившийся в специальном домике — будке.

^{24*} *Калиберы* (их называли еще гитарами) представляли собою нечто вроде беговых дрожек с козлами для кучера и спинкою сзади, а с боков были устроены небольшие подножки с широкими отводами около колес. Таким образом, сидеть надо было или верхом, как на беговых дрожках, или же, если ехали двое, садиться спиной друг к другу; в обоих случаях надо было крепко держаться, чтобы не вывалиться из экипажа при толчках и на поворотах. Калиберы окончательно исчезли в 1860-х гг., когда все московские экипажные мастерские получили предписание от полиции не вырбатывать более новых калиберов, а старых не чинить.

^{25*} *«Ходынка»* — катастрофа, произошедшая 18 мая 1896 года во время коронационных празднеств в честь восшествия на престол Николая II. По распоряжению московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича (дяди царя) было устроено массовое гулянье с раздачей царских подарков населению. На поле площадью 9 км² были построены балаганы или палатки, но оставлено много незасыпанных ям. Не было принято никаких мер для обеспечения безопасности. Произошли давка и свалка, в результате чего погибло ок. 2 тыс. человек, несколько десятков тысяч были изувечены.

^{26*} *Капельдинер* — театральный слушатель, указывающий зрителям места в зале и т.п.

^{27*} *Подовые пироги* – кислого теста, которые пекутся на поду – на кирпичной гладкой выстилке или глиняной набойке и смазке внутри печи, где кладутся дрова.

^{28*} «*Райский*» *зритель* – зритель, сидящий на галерке; от раёк – галерка.

^{29*} *Балы-парэ* (bals pare`s) – торжественные балы, даваемые обыкновенно при дворах и в домах вельмож.

^{30*} *Табельдекер* – скатерник или заправляющий столом.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>П.П. Мельгунов.</i> Торговля в Московском государстве XV—XVII веков.....	3
<i>И.М. Кулишер.</i> Торговля и купечество Московского государства по сообщениям иностранцев XVI—XVII столетий.....	64
Московские городские ряды и Гостинный двор.....	86
<i>И.А. Слонов.</i> Из жизни торговой Москвы.....	96
Московское Купеческое собрание.....	136
Примечания.....	184

Москва. Купечество. Торговля.
XV – начало XX века

Ответственный за выпуск *А.А. Румынский*
Редактор *Е.А. Белова*
Верстка *Ю.Б. Румынская*
Обложка *Л.П. Митич*

Сдано в набор 15.01.05. Подписано в печать 10.04.05.
Формат 84x108/32. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 10,08. Тираж 1500 экз. Заказ № 243.

ООО Издательство «Крафт+»
129343, г. Москва, проезд Серебрякова, 14
Тел.: 186-93-78, 363-68-73, 105-64-15
E-mail: kraft@podlipki.ru
kraft-advert@rambler.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Дом печати — ВЯТКА»
610033, г. Киров, ул. Московская, 122

Вниманию оптовиков!

Издательско-книготорговая фирма

предлагает всегда

широкий ассортимент (более 5 тыс. наименований) книг по

**ИСТОРИИ, ФИЛОСОФИИ, ПСИХОЛОГИИ,
ВОСТОКОВЕДЕНИЮ, НОВОЙ ХРОНОЛОГИИ,
СОЦИОЛОГИИ, КУЛЬТУРЕ**

а также

**альбомы, иллюстрированные издания,
словари, энциклопедии,
учебно-познавательную литературу,
прозу и поэзию**

издательств:

**Республика, Аграф, Вече, ИТРК,
Тропа троянова, Голос, Русская правда,
Радуга и многих других**

129343, г. Москва, проезд Серебрякова, 14, «Крафт+»

тел. 186-93-78, 363-68-73

в С.-Петербурге: 141-23-37

E-mail: kraft@podlipki.ru

www.podlipki.ru/~kraft

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ

ЕДИНСТВЕННАЯ
ГАЗЕТА
ПРЕКАВЬЯ

1P

ГАЗЕТА ДЛЯ ВСЕХ

«Литературная Россия» имеет долгую и яркую историю. Основанная в 1958 году, она стала одним из ведущих изданий, освещающих события культурной, литературной, политической жизни страны.

На протяжении нескольких лет «Литературная Россия» издает этнополитический и литературно-художественный журнал «Мир Севера», альманах «Литрос», где собраны произведения современных российских писателей, а также «Библиотеку «Литературной России» — библиографические справочники, монографии, книги прозы.

www.litrossia.ru

e-mail: litrossia@litrossia.ru

Подписка на газету осуществляется во всех почтовых отделениях России по каталогу «Роспечать» красного цвета. Наш индекс - 50232.

**Наши книги Вы можете приобрести в
магазине «Пушкинист»**

ПУШКИНИСТ

КЛУБ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ

КНИГИ

КАЛЕНДАРИ

КАНЦТОВАРЫ

ПОДАРОЧНАЯ УПАКОВКА

ФОТОГАЛЕРЕЯ

каждому покупателю - подарок

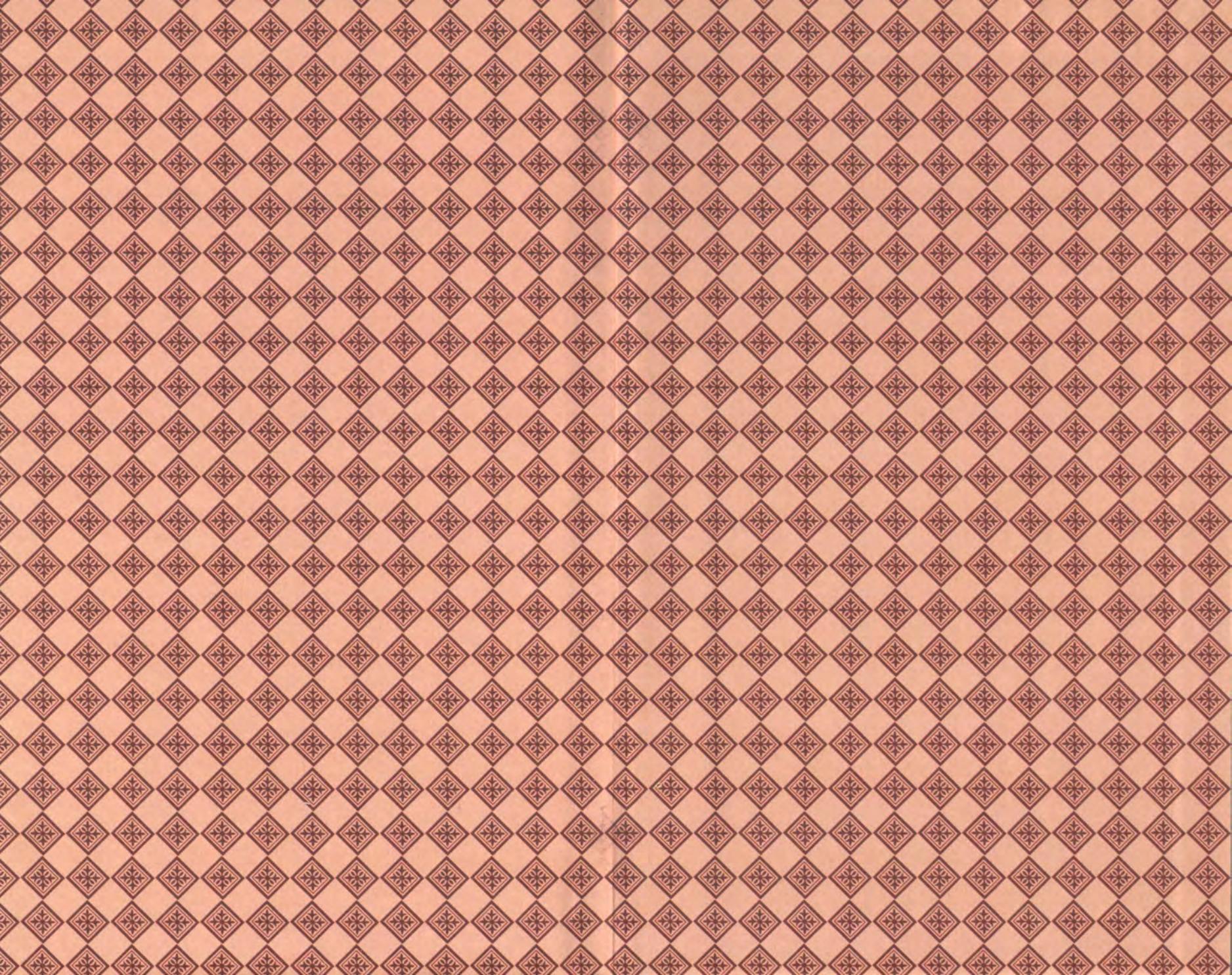

209-2252

Страстной б-р, 4

подъезд 10, 2-й этаж

pushkinist@perfect.ru

Москва. Купечество. Торговля. XV – начало XX века

...Другой оригинал, некто Батраков, торговавший готовым платьем, ежедневно с утра уходил в «Бубновскую дыру», откуда возвращался всегда вечером красный, как вареный рак. Входя в лавку, он громко спрашивал приказчиков: «Что продавали?» Старший приказчик отвечал: «Продавали-с». Купец шел за прилавок к выручке, отворял пустой ящик... «А где деньги?» – «Да, ведь продавали, да не продали-с»... Купец молча подходил к приказчику и что-то долго и внушительно шептал ему на ухо...

